БУРЕВѢСТНИКЪ

Пусть сильнѣе грянетъ буря!

Май 1909 г. Органъ Русскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ. № 16.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.
(1871 г.)

—•—

Elle n'est pas morte.
E. Potier.

Близились великіе дни, дни великихъ надеждъ и сладкихъ упованій. Въ развратѣ, позорѣ и преступленіи рожденная вторая имперія доживала свои послѣдніе дни. Въ продолженіи двадцати лѣтъ „декабрьскій преступникъ" старался развратить и потопить въ грязи все, что кормило и утѣшало въ его горькихъ опытахъ и кровавыхъ пораженіяхъ лучшихъ сыновъ французскаго народа. Онъ страшно хотѣлъ, чтобы народъ забылъ, что его „императорскій вѣнецъ" вылитъ изъ слитка грязи, измѣны и преступленія. Поэтому „Маленькій Наполеонъ", пригвожденный Викторомъ Гюго къ позорному столбу, ничего не щадилъ. Лесть и демагогія, коварство и измѣна, жестокость и трусость жили въ его „бездушной душѣ". Змѣиное отродіе, ядомъ змѣинымъ вскормленный, онъ извивался и изгибался, кривилъ душой и лгалъ, чтобы привлечь вниманіе народа, пріобрѣсти его довѣріе, а затѣмъ смертельно ужалить его. Ухаживаніемъ пошляка, развратомъ изъѣденнаго безсильника онъ ухаживалъ и „дѣлалъ глазки" Интернаціоналу, онъ хотѣлъ подкупить его, чтобы потомъ использовать Великое Товарищество Рабочихъ въ своихъ грязно-коварно-корыстныхъ цѣляхъ. Но и все это не помогло,—съ грязью смѣшались діавольски сплетенныя интриги душою и умомъ „маленькаго" Наполеона. Рабочіе сразу поняли, что человѣкъ, который нагнулся съ тѣмъ, чтобы изъ болота крови и измѣны поднять свой императорскій вѣнецъ, не заслуживаетъ довѣрія, съ презрѣніемъ отвернулись отъ него и на протянутыя имъ іудины губы для іудиного лобызанія они отвѣтили оскорбительнымъ жестомъ, задѣвающей ироніей. И онъ отвѣтилъ, отвѣтилъ запрещеніемъ Интернаціонала, преслѣдованіемъ страстныхъ поборниковъ его великой идеи и ихъ заключеніемъ въ тюрьмы. Но цѣли своей онъ не достигъ. Интернаціоналъ все расъ, росла рабочая масса и рабочія организаціи; стачки, какъ пожаръ, неожиданно вспыхивали то тутъ, то тамъ. Волна росла. Загнанная въ подполье оппозиція подняла грозно голову, и ненависть и злоба, накопленныя въ душѣ народа въ продолженіи двадцати лѣтъ оскорбительнаго и унизительнаго рабства, превращались въ бушующее море. Волна росла, зловѣщія тучи сбирались на горизонтѣ, въ воздухѣ чувствовалась гроза. „Маленькому" снились зловѣщіе сны, ему снилось, что онъ уронилъ свой императорскій вѣнецъ въ морѣ грязи и позора, онъ хотѣлъ спасти его, бросился вплавь, но самъ погибъ: липкія волны грязи и крови унесли его на самое дно. Въ его душѣ жилъ страшный кошмаръ, народная ненависть вставала передъ нимъ, какъ страшное привидѣніе: близился конецъ беззаконія. Въ крови второй республики рожденная кровавая имперія погибала подъ тяжестью всеобщей ненависти и всеобщаго презрѣнія. „Маленькій" чувствовалъ это, но онъ не хотѣлъ уходить, онъ, наоборотъ, хотѣлъ обѣлить себя и за неимѣніемъ перваго хотѣлъ создать себѣ второе дѣвство. Въ головѣ его родилась мысль о циничной авантюрѣ, онъ вспомнилъ, что имя ему Наполеонъ, и онъ рѣшилъ предоставить судьбу свою силѣ оружія. Онъ думалъ—преступникъ,—что кровь и горе всегда приносятъ императорскіе вѣнцы преступникамъ. Но онъ ошибся. Война была отравленной, смертельной удочкою, которую справедливость закидывала ему; онъ клюнулъ эту удочку и умеръ. Да, война ускорила его гибель, и „его народъ" торжествующимъ хохотомъ встрѣтилъ его позорный конецъ. Его имперія, рожденная въ крови и грязи, въ грязи же и крови погибла отъ его руки.

• • •

Въ 1870 г. 4-го сентября, т. е. на второй день позорнаго Седана, во Франціи въ третій разъ была провозглашена республика, но война все еще не кончалась. Парижскій пролетаріатъ не шовинистъ, но онъ, израненый и истерзанный, самолюбивъ и подозрителенъ. Онъ не хотѣлъ впускать въ Парижъ, въ эту колыбель всѣхъ революцій, пруссака, этого живого образа торжествующаго милитаризма и военной жестокости, а потому не складывалъ оружія, послѣднюю опору униженныхъ и оскорбленныхъ. Не удивляйся индивидуалистъ съ грязной душой, не удивляйся фарисей и ложный революціонеръ, живущій на счетъ жестокихъ фразъ. Парижскій пролетаріатъ былъ правъ: разбивъ внутренній имперіализмъ, онъ не хотѣлъ впускать прусскій побѣдоносный имперіализмъ въ тотъ городъ, каждая улица котораго орошена его кровью. Ненавидя имперіализмъ, какъ по ту, такъ и по эту сторону границы, пролетаріатъ въ свою очередь былъ ненавидимъ имперіализмомъ внѣшнимъ, а еще больше имперіализмомъ внутреннимъ. Вчерашніе враги, кровью обагрившіе поля, орошенныя потомъ и слезами народа, готовы были, казалось, примириться въ желаніи потопить въ крови всѣ высокіе порывы французскаго пролетаріата. Правительство вновь провозглашенной республики съ ненавистью и злобой смотрѣло на него. „Какъ, злопыхательствовало оно, всякая чернь будетъ учить меня, какъ служить родинѣ, какъ защищать родную землю?!" И измѣнники отечества, продавшіе его, чтобы спасти свои привилегіи, готовые броситься на шею пруссакамъ въ своей ненависти противъ народа, въ своемъ страхѣ противъ призрака народной революціи, стали обвинять въ отечественной измѣнѣ тѣхъ, кто защищалъ честь великаго города. Французская реакція всерьезъ начинала видѣть крайнюю опасность въ упорствѣ пролетаріата не бросать оружіе. Она начинала чувствовать приближеніе грозы, неизбѣжность взрыва страшнаго народнаго гнѣва; и какъ было не опасаться буржуазіи и буржуазнымъ партіямъ! Ужасы іюнскихъ дней, дней, за которые всю жизнь мстятъ, мстятъ вѣками, дней колоссальной жестокой измѣннической расправы буржуазіи съ народомъ были свѣжи въ памяти борцовъ. Грозные ряды погибшихъ мучениковъ проходили передъ воображеніемъ измученнаго Парижа и властно звали къ мщенію. Грозная и чудовищная была эта минута: внѣшній врагъ былъ забытъ, а внутренніе враги стояли другъ передъ другомъ, готовые вцѣпиться и до крови, до смерти расцарапать другъ друга. Нерѣшительность, чудовищность страшныхъ предвидѣній сдерживали ихъ, и святое знамя гражданской войны все еще не поднималось.

Разбитая, разсѣянная революціонной волной, монархическая партія пользовалась этимъ временнымъ бездѣйствіемъ и наскоро сбирала и сбивала свою армію. Затаенной цѣлью ея было возстановленіе орлеанской династіи. Надежда возстановить старый произволъ, режимъ открытаго, грубаго грабежа и насилія наполняло ихъ сердца радостью. Все, что было подлаго, грязнаго и безстыднаго въ имперіалистскомъ болотѣ, кипѣло и бродило. Франція, имперіею истерзанная и изуродованная, попадала теперь въ когти

безстыдныхъ финансистовъ, акціонныхъ хищниковъ и грабителей. Разврать „высшаго общества", коварство и измѣнничество правительства достигли высшаго расцвѣта. Все, что было чистаго, благороднаго и возвышеннаго, задыхалось въ этой атмосферѣ гніенія и продажнаго политиканства. Живые элементы Франціи прекрасно чувствовали, что такъ дальше жить нельзя, чувствовалъ это лучше всѣхъ, больше всѣхъ и больнѣе всѣхъ парижскій пролетаріатъ.

* * *

Во время перемирія (февраль 1871 г.) произошли выборы. Парижъ выбралъ крайнихъ и республиканцевъ, провинціи, занятыя непріятельской арміей, также выбрали крайнихъ, что же касается провинцій, которыхъ не коснулась чудовищная коса смерти, онѣ выбрали реакціонеровъ. Изъ 750 депутатовъ лишь 350 были республиканцами, остальные принадлежали къ разнымъ монархическимъ партіямъ. Возстановленіе монархіи казалось и легкимъ, и неизбѣжнымъ, и неминуемымъ. Маленькій, циничный и зловѣщій Тьеръ, какъ гіенна, алчущій и жаждущій крови, и то смѣлъ сказать, что республика, провозглашенная 4-го сентября, не будучи пока признанной и освященной закономъ, не считается обязательной формою политическаго общежитія Франціи. Такъ велика была ненависть вновь собравшагося національнаго собранія къ Парижу, такъ велико было его недовѣріе къ нему, что оно не захотѣло засѣдать въ Парижѣ и открыло свои собранія вдали отъ него, въ Бордо. Первымъ его дѣломъ было оскорбить и обидѣть, встрѣтить дикими свистками, эпилептическими жестами и циничными возгласами того Гарибальди, котораго народъ въ благодарность за услуги, оказанныя имъ Франціи въ жестокую минуту, выбралъ въ члены національнаго собранія.

Пролетаріатъ не могъ не видѣть, что правительство, которое называло себя правительствомъ „національной обороны", но которое въ дѣйствительности было правительствомъ буржуазнаго коварства и реакціонной жестокости, всѣ свои силы направляло на то, чтобы вырыть глубокую могилу рабочему классу и жестокой репрессіей вырвать изъ души его всѣ его соціалистическія и революціонныя помышленія. Правительство особенно ненавидѣло парижскій пролетаріатъ, потому что оно видѣло, что онъ хорошо помнитъ іюнскіе дни и въ своемъ страстномъ стремленіи къ „чарующимъ утопіямъ" можетъ рискнуть страшнымъ повтореніемъ. Какую же мнѣ придумать жестокость, думало оно, если и іюнскіе дни оказались недостаточными, чтобы убить въ народѣ всякое стремленіе къ „чуднымъ химерамъ, чарующимъ утопіямъ, сладостнымъ мечтамъ." Оно думало и искало эту жестокость. Тьеръ работалъ денно и нощно.

Гіенна забралась въ свою гнусную берлогу и начала готовить нападеніе. Въ воздухѣ запахло трупомъ....

* * *

Ужасъ царствовалъ въ Парижѣ. Будущее было покрыто мракомъ, страшно было заглянуть туда. Народъ страдалъ, промышленность упала, производители бездѣйствовали, фабрики и заводы, покинутые струсившей буржуазіей, были закрыты, торговля почти прекратилась, народу не на что было покупать, а брать онъ не рѣшался, какъ не рѣшилась впослѣдствіи Коммуна овладѣть французскимъ банкомъ, хотя она крайне нуждалась въ деньгахъ,— великій грѣхъ великаго движенія.

У голоднаго, измученнаго народа была одна надежда на черные дни, это — оружіе; и правительство національнаго позора хотѣло отнять у него и эту послѣднюю надежду, сдѣлать его безсильнымъ и нестрашнымъ, чтобы затѣмъ безъ всякой опасности для себя заковать въ цѣпи послушныхъ рабовъ.

Народная милиція, „національная гвардія", имѣла въ своихъ рукахъ 170 пушекъ, отлитыхъ на деньги, собранныя среди народа же, по подпискѣ. Кровожадные звѣри, правившіе Франціей, рѣшили отбить ихъ силою и коварствомъ у народа. Приведеніе въ исполненіе этого жестокаго рѣшенія было поручено генералу Леконту. Версальскіе смертоносцы, очевидно, поклялись нигдѣ и ни въ чемъ не обойтись безъ коварства и измѣны. Леконтъ принялся за исполненіе своего гнуснаго предпріятія; онъ ночью, какъ воръ трусливый, прокрался къ мѣсту, гдѣ были расположены пушки, захватилъ ихъ и хотѣлъ увезти, чтобъ затѣмъ изъ нихъ стрѣлять въ безоружную толпу. Но народъ не спалъ, въ пушкахъ онъ видѣлъ опору своихъ великихъ надеждъ и сладкихъ упованій, а потому ревностно оберегалъ ихъ. Леконтъ былъ замѣченъ, народъ высыпалъ на улицы, ударилъ въ набатъ, поднялъ тревогу собравшіеся національные гвардейцы, а также простой народъ погнались за Леконтомъ и настигли его. Генералъ надѣялся на своихъ солдатъ, но на этотъ разъ судьба измѣнила ему,—солдаты отказались стрѣлять, отдали оружіе народу, присоединились къ нему. Два часа спустя генералъ Леконтъ, а также другой генералъ, Клеманъ Тома, котораго народъ отыскалъ въ толпѣ, были разстрѣляны народомъ, потерявшимъ, наконецъ, терпѣніе, измученнымъ и изстрадавшимся.

Свершился актъ народной справедливости надъ его измѣнниками!... Это было 18-го марта, отсюда и начинается великая драма XIX столѣтія...

* * *

Національное собраніе изъ Бордо переѣхало въ Версаль, и правительство буржуазнаго коварства, напуганное справедливымъ судомъ народа надъ двумя хищниками, свило тамъ же себѣ гнѣздо. Общими усиліями они стали собирать обломки позорно разбитой пруссаками арміи, чтобы потопить въ крови возстаніе, которое они же вызвали своей измѣннической дѣятельностью. Всѣ хорошо видѣли, что правительствомъ руководила смертельная ненависть къ парижскому народу, къ парижскому пролетаріату, всѣ хорошо видѣли, что оно коварно и злобно готовило великую кровавую драму. Настолько гнусны и жестоки были намѣренія правительства, что ужаснулась даже часть буржуазіи и, хотя въ общемъ она сходилась съ правительствомъ въ ненависти къ вырисовывавшейся Коммунѣ, но она все таки попробовала сыграть роль примирителя, посредника между правительствомъ и центральнымъ комитетомъ*). Вмѣшались въ дѣло также монахи парижскихъ монастырей и упрашивали версальскихъ гіенъ признать необходимымъ и законнымъ созывъ избирателей для выборовъ членовъ городскаго самоуправленія. Но ненависть къ народу, злоба и боязнь давали другіе совѣты версальцамъ, — они не удовлетворили ни одного изъ этихъ требованій; они были непримиримы, ни на что не хотѣли согласиться, никого не хотѣли слушать; они хотѣли крови, они хотѣли проучить рабочую массу, они хотѣли ужасовъ ужаснѣе всѣхъ ужасовъ іюнскихъ дней.

Парижъ не сдался, не выдалъ оружія, не отправилъ делегатовъ съ повинной головой въ Версаль; онъ взялся за свое дѣло съ сердцемъ, трепещущимъ отъ надеждъ и страха за великое дѣло, которое онъ предпринималъ. Сколько ни скрежеталъ зубами зловѣщій, циничный старикъ Тьеръ, прошлое котораго было уже тогда соткано изъ коварной лжи и продажнаго политиканства и въ которомъ гнусная, безжизненная старость возбуждала ненависть ко всему жизненному, онъ все таки не могъ помѣшать выборамъ въ Парижѣ, — городъ былъ въ рукахъ народа. Выборы произошли, собралась и оформилась Коммуна. Но къ великому горю она приняла характеръ государственнаго учрежденія.— Еще одинъ великій грѣхъ великаго движенія,—грѣхъ, породившій много другихъ смертельныхъ грѣховъ.

Кто хочетъ понять слабость и противорѣчія Коммуны, тотъ долженъ повнимательнѣе присмотрѣться къ ея составу. Она состоялась изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, въ ней намѣтилась такая пестрота направленій и такія противорѣчивыя стремленія, что стало совершенно невозможнымъ придать ея дѣятельности характеръ единства, а это было тѣмъ болѣе необходимо, что со времени открытія ея засѣданій до вторичнаго выступленія на сцену центральнаго комитета, — что случилось за нѣсколько недѣль до трагическаго конца Коммуны и что еще больше осложнило положеніе внесеніемъ въ движеніе еще большей раздвоенности, — Коммуна была единственнымъ центромъ, единственнымъ руководителемъ всей жизни и всей дѣятельности Парижа. Большая часть членовъ Коммуны были якобинцами и бланкистами, они были воспитаны на якобинскихъ традиціяхъ, понимали революцію и революціонную дѣятельность по якобински: въ формѣ давленія сверху внизъ. Они старались сдѣлать,—что было невозможно,—изъ Коммуны 1871 года воспроизведеніе, повтореніе Коммуны 1793 года; еще больше, они хотѣли превратить ее въ Конвентъ. Ихъ любовь къ пролетаріату, къ народу, любовь безкорыстная и безъ сомнѣнія глубокая, была послѣдствіемъ скорѣе ихъ глубокаго и искренняго гуманитарнаго демократизма, чѣмъ глубокимъ и широкимъ пониманіемъ нуждъ и стремленій пролетаріата, какъ класса. Что же касается соціали-

*) Центральный комитетъ состоялъ изъ представителей отъ 118 баталіоновъ національной гвардіи.

стовъ, они хотя и были въ меньшинствѣ, но, въ сущности, они и являлись представителями большей и наиболѣе сознательной части пролетаріата, на нихъ же смотрѣла и угнетенная масса съ потаенной, полусознательной, съ полуинстинктивной вѣрой и надеждой. Они чувствовали, что на ихъ долю выпала великая иниціатива перваго опыта соціальной революціи, они чувствовали, что они борьбою и смертью должны пробить дорогу великому будущему, полному всякихъ надеждъ и упованій, они видѣли, что весь рабочій классъ, вся угнетенная масса съ надеждой взираетъ на нихъ, и они — о, отдадимъ эту честь великимъ борцамъ и великимъ мученикамъ — старались не обмануть эти надежды, они дѣлали все, что могли.

Легко намъ теперь видѣть и критиковать ихъ ошибки, мы охотно, неблагодарные, забываемъ, что идемъ по протертой ими дорогѣ. А они? Они шли въ потемкахъ, рабиваясь о непредвидѣнныя затрудненія, царапаясь о злыя колючки дѣйствительности, истекая кровью....

Народъ видитъ основу всѣхъ рабствъ въ рабствѣ экономическомъ, онъ во время всѣхъ крупныхъ, поистинѣ народныхъ движеній, сознательно или безсознательно, выставляетъ прежде всего принципъ, или скорѣе элементы, экономическаго равенства; и вотъ они старались ознаменовать свое великое дѣло измѣненіями прежде всего экономическаго и эгалитарнаго свойства, чтобы дать народу почувствовать и познать, что настала эра его народной революціи, чтобы заинтересовать народъ революціей, чтобы народъ полюбилъ и оцѣнилъ ее. Они помнили слова неукротимаго старика Бланки: „революція, которая въ теченіе двухъ сутокъ не сумѣетъ завоевать довѣріе народа — погибшая революція". Такого рода дѣятельность по мнѣнію меньшинства Коммуны имѣла еще то преимущество, что она, если бы удалась, вывела бы Коммуну изъ гнетущей и губящей ее изолированности, превратила бы ее въ живого и дѣйствующаго выразителя вѣчныхъ стремленій всѣхъ угнетенныхъ и всѣхъ обиженныхъ всей Франціи, дала бы ей силу сообщить всей живой части народа свой энтузіазмъ, вѣру въ неизбѣжное торжество справедливости, наставила бы на путь плодотворной великой борьбы и великаго творчества. Но увы! все это осталось для соціалистовъ Коммуны мечтой, мечтой великой и славной, давшей имъ отвагу жестокой борьбы и смѣлость героической смерти, но все-таки мечтой, мечтой сладкой и упоительной. Практическому проявленію всего этого въ живой жизни помѣшала пестрота Коммуны, противорѣчивость въ ней намѣтившихся тенденцій и игра, проклятая и зловѣщая, въ государство—въ революціонное правительство. Былъ въ этомъ движеніи страшный трагизмъ для искреннихъ якобинцевъ: движеніе все больше и больше склонялось къ соціальному перевороту, оно шло къ крайнему федерализму, и руководить этимъ движеніемъ федералистскимъ и децентрализаторскимъ пришлось имъ якобинцамъ-централистамъ; принципы ихъ рвались о колючки неумолимой дѣйствительности, но и они успѣли все-таки внести въ движеніе много своего якобинства. Внесеніе же якобинства въ революцію имѣетъ ужасное и прискорбное послѣдствіе: руководство движенія централизуется, центръ дѣлается правительствомъ, въ руки котораго переходитъ иниціатива дѣйствія, онъ обособляется, у него создается своя воля, независимая отъ движенія, для него революція дѣлается стороной, а народъ посторониимъ лицомъ. Безъ народа же нельзя совершать революціи, ибо ему одному суждено совершать великіе историческіе перевороты, и когда онъ удаляется или дѣлается постороннимъ лицомъ, движеніе слабѣетъ и въ концѣ концовъ совершенно гибнетъ. Государство и его механизмы — это самое неподходящее средство для революціи и революціоннаго творчества. Какъ бы оно не называлось, въ какую бы форму оно ни было облечено, оно есть и останется тормазомъ революціи. Самое лучшее изъ революціонныхъ правительствъ, — ибо менѣе жестокое, и менѣе похожее на нихъ, — Коммуна, и та, въ смыслѣ органа дѣйствія, оказалась лѣнивой, неуклюжей, нерѣшительной и безъиниціативной, и это естественно: какъ ни называйся государство, оно клонитъ къ консерватизму и враждебно смѣлому коренному разрушенію, ибо само оно является принципомъ порядка въ правительственномъ смыслѣ слова. Какъ бы государство ни называлось, оно не можетъ жить безъ бюрократическаго аппарата и не можетъ дѣйствовать иначе, какъ черезъ бюрократію. Это понялъ благороднѣйшій изъ якобинцевъ Коммуны Делеклюзъ: долой галуны, дорогу народу! крикнулъ онъ, и въ этотъ крикъ онъ влагалъ всѣ свои послѣднія надежды, но было уже поздно: бюрократія довершила свою разъѣдающую работу и довела Коммуну до неизбѣжной гибели. Вслѣдствіе пагубнаго вліянія именно бюрократизма Коммуна не смогла предпринять во время военныхъ дѣйствій противъ пока все еще неокрѣпшаго Версаля, а потомъ, когда зловѣщій циничный старикъ стянулъ туда всю оставшуюся послѣ прусскаго разгрома армію, когда численный перевѣсъ былъ уже на сторонѣ реакціи, свившей себѣ гнѣздо въ этомъ историческомъ центрѣ реакціи, вылазка коммунаровъ противъ Версаля не могла имѣть другихъ послѣдствій кромѣ славной, героической, но безполезной смерти Флуранса и его друзей.

Впродолженіи первыхъ двухъ недѣль, пока еще господствовалъ „творческій безпорядокъ", т. е. пока революціей руководила „взволновавшаяся", „взбаломутившаяся" улица, Коммуна сильнѣе вліяла, захватывала, „соблазняла" своимъ примѣромъ, порождая энтузіазмъ, роняя въ намученныя сердца народныхъ массъ великія, облегчающія надежды свободы, равенства, выставляя передъ ихъ просящей, умоляющей, изнывающей душою великія, неиссякаемыя и неразрушимыя „творческія утопіи". Призракъ лучшаго будущаго увлекалъ народныя массы, и Парижъ рождалъ Коммуны. Въ Ліонѣ была объявлена Коммуна подъ непосредственнымъ вліяніемъ Бакунина, этого великаго и неутомимаго пророка вѣчно *творящаго* разрушенія, неугасаемая и безсмертная душа котораго, какъ дыханіе души самого народа, витаетъ всюду, гдѣ сильно и творчески бьется пульсъ революціи. Были объявлены Коммуны въ Марсели, Сентъ-Этьенѣ, Лиможѣ, Безьерѣ, Тулузѣ и др. Но бюрократизмъ внутри Парижа, Пруссія и реакція, руководимая кровожадной гіеной, у стѣнъ его, сдѣлали невозможнымъ ихъ объединеніе съ Парижемъ, и какъ быстро вспыхнули онѣ, такъ быстро и погасли. Парижъ остался одинокимъ, но великій городъ упорно отстаивалъ свои права, онъ собирался похоронить себя подъ своими собственными развалинами, онъ рѣшилъ свою смѣлую попытку превратить въ великій примѣръ. Знаю, говорилъ Верморель, что насъ побѣдятъ и мы погибнемъ, но нужно погибнуть,—останется идея.

На самомъ дѣлѣ съ усиленіемъ Версаля всякая творческая работа стала совершенно невозможной: всю силу пришлось направить на самооборону отъ версальскихъ тигровъ и гіенъ. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что предпріятія Коммуны остались мертвымъ словомъ и не получили даже начала осуществленія. Какъ было творить и создавать, когда версальская реакція съ Тьеромъ во главѣ и прусская армія съ Бисмаркомъ стояли тутъ у стѣнъ Парижа и каждая по своему готовила кровавый конецъ и великому городу, и въ немъ безвыходно запертымъ великимъ борцамъ. Поэтому, всякій упрекъ, направленный противъ творческой слабости Коммуны, падаетъ самъ собою,—творчество не въ дѣлахъ Коммуны, а въ ея идеѣ и въ ея смерти. Коммуну мы не видѣли за работой, мы видѣли лишь борющуюся и умирающую коммуну—въ борьбѣ и смерти она была велика. Можно говорить объ ошибкахъ Коммуны въ разрушеніи, объ ошибкахъ ея въ творчествѣ трудно говорить, ибо она не дожила до дня свободнаго творчества. Мы не будемъ, стало быть, разбирать рѣшенія Коммуны, укажемъ лишь на тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ принципіальное и историческое значеніе.

19 апрѣля 1871 г. Коммуна выпустила прокламацію, въ которой опредѣляла свое отношеніе къ централизму и федерализму:

*ФРАНЦУЗСКОМУ НАРОДУ.**)

„Чего хочетъ Парижъ? Полной автономіи, распространяющейся на всѣ мѣстности Франціи, такъ чтобы каждая община имѣла возможность пользоваться всѣми своими правами, чтобы каждый французъ могъ свободно проявлять свои наклонности и способности и въ качествѣ гражданина, и въ качествѣ производителя.

„Автономія Коммуны не будетъ имѣть другихъ границъ кромѣ ей же подобныхъ автономныхъ коммунъ, примыкающихъ къ союзу, и объединеніе которыхъ и должно дать единство Франціи. Пользуясь свободой дѣйствія, Парижъ думаетъ быть полнымъ хозяиномъ у себя и, слѣдовательно, оставляетъ за собою право дѣйствовать, какъ найдетъ нужнымъ, въ дѣлѣ проведенія реформъ административныхъ и экономическихъ, требуемыхъ населеніемъ. Онъ думаетъ создать учрежденія, способныя развить въ странѣ образованіе, производство, обмѣнъ и кредитъ; онъ думаетъ обобществить (universaliser) власть и собственность и все это, слѣ-

*) Прокламація эта слишкомъ длинна, мы приводимъ лишь нѣкоторыя характерныя мѣста изъ нея.

дуя указаніямъ времени, желаніямъ заинтересованныхъ и даннымъ опыта.

„Наши враги ошибаются или вводятъ въ заблужденіе, обвиняя Парижъ въ стремленіи навязать всей остальной части страны свою волю, свою гегемонію,—обвиняя его въ стремленія *къ диктатурѣ, которая является настоящимъ покушеніемъ на независимость и суверенность другихъ Коммунъ.*

„....Единство, навязываемое до сихъ поръ имперіей, монархіей и парламентаризмомъ, есть ничто иное, какъ глупая, деспотическая, произвольная и безмысленная централизація. Политическое же *единство, желаемое Парижемъ, это свободная ассоціація всѣхъ мѣстныхъ инниціативъ, добровольный и свободный союзъ всѣхъ индивидуальныхъ силъ, въ виду общей цѣли: благосостоянія, свободы и безопасности всѣхъ...*

„....Это смерть стараго государственнаго и клерикальнаго міра, міра милитаризма, чиновничества, эксплуатаціи, спекуляціи, монополіи, привилегіи, которому пролетаріатъ обязанъ своимъ рабствомъ, а родина своими несчастіями и пораженіями...*)

Въ этой прокламаціи выраженъ весь духъ той Коммуны, которую Энгельсъ, увлеченный партійнымъ бахвальствомъ, назвалъ диктатурой въ интересахъ своей лавочки.

Среди другихъ декретовъ и рѣшеній Коммуны мы упомянемъ декретъ о продленіи срока платежей на квартиры, а также срока истеченія договоровъ; декретъ о даровомъ возвращеніи вещей заложенныхъ въ ломбардѣ (но не свыше 20 фр.), о реорганизаціи почтового вѣдомства, назначеніи жалованія національной гвардіи, декретъ, касающійся векселей, отмѣны пошлины на газеты и другія періодическія изданія, декретъ о конфискаціи имущества духовенства. Интересно отмѣтить также декретъ, предающій суду Тьера, Дюфора, Пикара, Фавра и декретъ о конфискаціи ихъ имуществъ; декретъ о разрушеніи вандомской Колонны и т. д.**) Коммуна запретила ночную работу—декретъ, имѣвшій въ виду облегчить участь пекарей, она назначила опредѣленную минимальную плату за хлѣбъ, желая этимъ пресѣчь въ корнѣ всякія спекуляціи на-счетъ голоднаго народа и тѣмъ облегчить ему дѣло пропитанія. Но большую принципіальную цѣнность имѣетъ декретъ Коммуны, относительно конфискаціи фабрикъ и мастерскихъ тѣхъ изъ капиталистовъ, которые бѣжали изъ Парижа.

„Парижская Коммуна,

принимая во вниманіе, что многіе хозяева, для того, чтобы избѣгнуть исполненія своихъ гражданскихъ обязанностей, покинули управляемыя ими до сего момента мастерскія и не сочли нужнымъ принять во вниманіе интересы рабочихъ;

„принимая во вниманіе, что вслѣдствіе этого трусливаго бѣгства, страдаютъ работы, крайне необходимыя для коммунальной жизни, и само существованіе рабочихъ подвергнуто опасности, издаетъ декретъ о созывѣ синдикальныхъ камеръ, которыя должны составить анкетную коммиссію, цѣлью которой будетъ:

„1. Сдѣлать подсчетъ покинутыхъ мастерскихъ, составить подробное описаніе ихъ теперешняго состоянія, а также инвентарь имѣющихся тамъ орудій труда.

„2. Представить докладъ объ установленіи условій, при которыхъ эти мастерскія могли бы начать работу возможно скорѣе, не подъ руководствомъ дезертировъ, покинувшихъ эти мастерскія, а подъ руководствомъ кооперативовъ составленныхъ изъ рабочихъ, работавшихъ тамъ до закрытія ихъ.

„3. Составить проектъ устава этихъ кооперативовъ.

„4. Организовать третейскій судъ, который установитъ размѣры суммъ, которыя нужно будетъ выдать прежнимъ владѣльцамъ этихъ мастерскихъ, въ случаѣ ихъ возвращенія съ тѣмъ, чтобы эти мастерскія окончательно перешли въ руки рабочихъ обществъ.

. . . . 16 апрѣля 1871 г."

Такъ нерѣшительно, пожалуй трусливо, но всетаки Коммуна коснулась вопроса экспропріаціи экспропріаторовъ, она посягнула на святую святыхъ буржуазной религіи—принципъ частной собственности. Но, мнѣ кажется, несмотря на это, что Коммуну, какъ уже было указано, не слѣдуетъ цѣнить на основаніи того, что

*) Journal des journaux de la Commune, томъ II, p.p. 3, 4, 5.

**) Парижская Коммуна,

полагая, что императорская колонна, стоящая на Вандомской площади, является памятникомъ варварства, символомъ грубой силы и ложной славы, утвержденіемъ милитаризма, отрицаніемъ международнаго права, оскорбленіемъ побѣдителями побѣжденныхъ, постояннымъ покушеніемъ на одинъ изъ великихъ принциповъ французской республики —братство, декретируетъ:

Вандомская Колонна будетъ разрушена.

12 апрѣля 1871 г.

она сдѣлала, а на основаніи того, что она хотѣла сдѣлать. А желаніе Коммуны, идеи, которыя лежали въ основѣ творческихъ плановъ ея, были по-истинѣ велики,—и если бы это „великое твореніе" боевого пролетаріата могло развиться нормально въ ту сторону, куда его влекла народная душа, порожденіемъ которой оно было, то кто, знаетъ, можетъ быть многія изъ „утопій", давно манящихъ впередъ, давно волнующихъ народную массу, получили бы свое осуществленіе, и творчеству народа былъ бы открытъ новый путь, были бы созданы новыя, еще болѣе великія еще сильнѣе манящія все впередъ и впередъ „творческія утопіи". Да, народная душа, породившая ее, съ желѣзной силою вовлекала Коммуну въ соціальную революцію, но къ великому прискорбію всѣхъ „жаждущихъ и страждущихъ" она встрѣчала на своемъ пути фатальныя помѣхи: съ одной стороны якобинское, буржуазно-якобинское, суевѣріе, съ другой—тѣ спеціальныя условія, при которыхъ разыгралась эта великая драма: война, прусская армія у дверей Парижа, озвѣрѣвшая жестокая реакція, изолированность; она не сумѣла выдержать напора стольких вражескихъ силъ и разбилась; она была побѣждена, но она не умерла, она спряталась въ самую глубь пролетарской души и живетъ въ томъ движеніи, которое развилось послѣ нея,—она ждетъ своего реванша. Она безсмертна, она дала намъ непобѣдимое „крылатое слово", которое будетъ жить и творить во всякой революціи, предпринятой народомъ, и довершенной имъ въ своихъ собственныхъ интересахъ. Слово это, имѣющее характеръ смертоноснаго оружія, по отношенію современнаго строя милости, эксплуатаціи и произвола, есть *Коммуна.*

* * *

Передача иниціативы дѣйствія въ руки полугосударственнаго учрежденія, соперничество изъ за власти (между Коммуной и Центральнымъ Комитетомъ;) экономическая слабость, отсутствіе смѣлости (народъ голодалъ, Коммуна была безъ денегъ, а въ это время въ національномъ банкѣ Франціи было 400 милліоновъ;) подражаніе старымъ революціоннымъ правительствамъ, бюрократизмъ и военная неподговленность — таковы недостатки и грѣхи Коммуны.

Признаніе независимости общинъ, а также признаніе федеративной лишь связи между ними, шагъ, хотя нерѣшительный, въ сторону соціальной революціи, превращеніе ея въ задачу дня и въ неизбѣжную практическую цѣль всѣхъ грядущихъ революцій, —таковы заслуги передъ исторіеій освобожденія народовъ той Коммуны, которая считается съ полнымъ правомъ первымъ, хотя миніатюрнымъ, опытомъ соціальной революціи. Мы не должны забывать ни недостатковъ, ни достоинствъ Коммуны,—таковъ долгъ нашъ по отношенію тѣхъ великихъ мучениковъ свободы и равенства, чья Голгофа стала нашею святою святыхъ.

* * *

Послѣ трехмѣсячной упорной самоотверженной борьбы Коммуна была разбита, и для нея настала „кровавая недѣля". Это было 21 мая 1871 года. Тьеръ, хищная трупolюбивая гіенна, со своею стаею генераловъ-преторіанцевъ напился, наконецъ, досыта народной крови. Въ продолженіе 9 дней весь Парижъ представлялъ собою чудовищную бойню, гдѣ убивали и рѣзали людей, гдѣ не разбирали невинныхъ отъ виновныхъ, гдѣ было велѣно убивать безпощадно „волковъ, волчицъ и волчатъ". Никогда съ точностью не было установлено, сколько народу погибло во время этой ужасной бойни; приблизительная цыфра—35 тысячъ. Наиболѣе честные изъ буржуазныхъ историковъ признаютъ, что это была самая чудовищная бойня на всемъ протяженіи исторіи Франціи.*) 40 тысячъ „плѣнныхъ", подвергшихся самымъ циничнымъ оскорбленіямъ и униженіямъ, побоямъ и плевкамъ, было доставлено въ Версаль, 7500 были сосланы въ Новую Каледонію, а военные суды вплоть до 1876 г. творили „дѣла правосудія" надъ жестоко побѣжденными. Такъ отомстила буржуазія тѣмъ, кто показалъ ей страшный для нея призракъ соціальной революціи.

* * *

Когда исполнители воли власть имущихъ обагрили кровью весь центръ Парижа, они взялись за отдѣльные кварталы, покрыли кровью и трупами Монмартръ, Бельвилль и другія парижскія предмѣстья. Порѣдѣвшіе ряды Коммунаровъ отступали, но не унывали и

*) Lavisse et Rambeau, „Histoire universelle".

борьба продолжалась упорная и жестокая; истощенные, измученные коммунары лишь съ послѣднимъ вздохомъ выпускали изъ рукъ оружіе. Послѣдній бой имѣлъ мѣсто на кладбищѣ Père-Lachaise, тутъ испустила Коммуна свой послѣдній вздохъ.

Какая иронія судьбы! Коммунары, эти „великіе художники будущаго, будущаго свободы и равенства“, тутъ на этомъ аристократическомъ кладбищѣ выпустили послѣдній зарядъ въ великой титанической борьбѣ противъ смертью дышащихъ темныхъ силъ прошлаго; тутъ они покрыли неизсякаемой славой свое великое знамя, въ кровавой борьбѣ ставшее краснымъ, и поднятое ими гордо и смѣло за лучшую жизнь, за большую свободу. Да, это было тутъ и, можетъ быть, тамъ, гдѣ не разъ стояли мы, смотря на безсмертный памятникъ ихъ славы, лежалъ горячей пулей пронзенный трупъ, а вокругъ разливалась лужа крови, и въ ней купались другіе трупы, изуродованные картечью. Тамъ, подъ пышными мавзолеями покоится прахъ „всего Парижа“—Парижа золота и биржевой игры, предательства, измѣны и крови, проституціи, вѣроломства и лести, подлости, мошенничества и лжи, низости и лицемѣрія. Съѣденные червями финансовые шахеръ-махеры, эксплуататоры легковѣрія, обманщики и плуты нашли себѣ здѣсь послѣднее жилище, надъ которымъ золотыми буквами изображены всѣ ихъ добродѣтели и заслуги.

Кровожадные герои въ богатыхъ мундирахъ, съ бѣлыми султанами на каскахъ, съ разноцвѣтными перьями на шляпахъ, опоясанные красными шарфами, эти мясники, давившіе народъ, уничтожавшіе культуру, охранявшіе средневѣковое варварство, затоплявшіе человѣчество потоками крови, топтавшіе свободу копытами своихъ лошадей, сѣявшіе всюду на своемъ пути смерть, горе, слезы и развратъ—почиваютъ здѣсь, еще при жизни воспѣтые прихлебателями и прихлебателями.

Кокотки, торговавшіе любовью, законныя и незаконныя проститутки, законныя и незаконныя содержанки, развратницы и истерички, проксенетки, торговавшія тѣлами несовершеннолѣтнихъ, жрицы продажной любви, царицы моды и ихъ рабыни, специалистки по дѣламъ выкидышей пріютились тутъ со своими бывшими возлюбленными и содержателями. Общественные дѣятели и министры, служители бога и государства, вожди народа во фракахъ, тогахъ и мундирахъ, въ цилиндрахъ, кепихъ и митрахъ, опиравшіеся на „божественную волю“ или на „волю народа“, коронованные и выборные жулики, торговавшіе человѣчествомъ, націей, „свободой“, „равенствомъ“, „во имя воли божьей“ иль интересовъ государства, вершители „правосудія“, любители сильныхъ ощущеній, vieux marcheurs—специалисты по дѣламъ растлѣнія хрупкихъ малолѣтокъ,—спятъ тутъ сномъ праведныхъ. Творцы исключительныхъ законовъ и ихъ исполнители, продажные писатели, змѣи журнализма, палачи побѣжденныхъ, однимъ словомъ, всѣ вороны, шакалы и гіенны въ человѣческихъ образахъ, всѣ любители всего подлаго, низкаго, циничнаго, измѣнническаго, олицетворявшіе въ жизни беззаконіе суда, жестокость палача, изувѣрство попа; „столпы общества“, носители и покровители грязи, обмана и лицемѣрія, всей условной лжи нашей цивилизаціи покоятся тоже здѣсь, и имена ихъ увѣковѣчены на богатыхъ и безвкусныхъ памятникахъ...—На этомъ проклятомъ кладбищѣ гніенія, позора и разврата великіе творцы,—Коммунары,—выпустили свои послѣдніе заряды, тутъ они, укрѣпляясь за могильными камнями, сражались до послѣдней капли крови, выпуская изъ охладѣвшихъ рукъ смертоносное оружіе, единственный вѣрный союзникъ угнетеннаго и униженнаго, лишь съ послѣднимъ издыханіемъ.*)

Фарисеи порядка, порядка смерти и нищеты, жрецы цивилизаціи и культуры, предатели свободы, предатели народа, и угнетатели, беря приступомъ каждую могилу, хотѣли доказать, что это кладбище позора, разврата и безчестія принадлежитъ имъ и только имъ!

Иронія судьбы! Тутъ на этомъ кладбищѣ великіе творцы будущаго создали безсмертный памятникъ своей неизсякаемой славѣ—Mur des fédérés (Стѣна союзниковъ). Не символъ ли это? Символъ смертельной ненависти между старымъ, сотканнымъ изъ позора, гніенія и разврата, и святымъ будущимъ свободы, равенства, счастья и любви!

Вспоминается мнѣ апокалипсическій разсказъ одного благороднаго старца, участника великой драмы. „Пойди посмотри на эту Стѣну, сказалъ онъ мнѣ, это наша Мекка. Я хожу туда очень часто, въ особенности когда сердце давитъ могильнымъ камнемъ ужасная тоска, на душу ложится какъ неумолимое отчаяніе кошмаръ ужасныхъ воспоминаній, тогда мнѣ нужно утѣшеніе, и я хожу туда. Всмотрись внимательнѣе въ безсмертную Стѣну и не бойся ужаса, который ты въ ней увидишь,—тѣни великихъ борцовъ не любятъ трусовъ.

Я смотрю на эту Стѣну, когда я тамъ одинъ и кругомъ все тихо, и кажется, что известь стала черно-красной, какъ свернувшаяся кровь, камни блестятъ, какъ бриллiанты, это скристаллизовавшаяся кровь и слезы коммунаровъ; но не слезы сожалѣнія и не слезы оплакивающаго свою собственную жизнь или свое личное горе, это слезы отчаявшихся выиграть бой, расчистить путь справедливости, это слезы злобы, вызванныя несправедливымъ пораженіемъ, это слезы тоски по торжествѣ. Говорятъ, что умирающіе въ великой борьбѣ за жизнь и свободу проливаютъ такія блестающія бриллiантомъ слезы. Я часто вижу тутъ тѣни Коммунаровъ. Темною ночью, когда на душѣ у меня чернѣе самой ночи, я потихонечку, никѣмъ не замѣченный, пробираюсь на кладбище и подхожу къ великому памятнику, всматриваюсь въ Стѣну, смотрю долго и упорно; они чувствуютъ меня, они знаютъ, что я хожу сюда, въ поискахъ за утѣшеніемъ... Предо мною проходятъ тѣни великихъ борцовъ, каждый камень принимаетъ опредѣленную форму: вижу я Флуранса съ головой, разрѣзанной по поламъ смертоносной вражьей шашкой; на его длинной широкой бородѣ, на лицѣ, полномъ самоотверженности и любви, я вижу засохшія комки его благородной крови; вижу я безстрашнаго и страстнаго поборника великой идеи угнетенныхъ, погибшаго мученической смертью Варлена; вижу благороднаго старца Делеклюза, который, не желая пережить пораженія Коммуны, взошелъ на одну изъ послѣднихъ баррикадъ и нарочно подставилъ свое великое сердце пулямъ версальцевъ; вижу я Милльера, котораго версальскіе „рыцари смерти“, ослѣпленные жаждой крови, ненавистью къ свободѣ, чтобы больше оскорбить Коммуну и его лучшихъ сыновъ, растрѣляли на кучѣ навоза; вижу я другихъ и еще другихъ борцовъ Коммуны, они живѣе живыхъ, они ободряютъ и утѣшаютъ меня, внушаютъ вѣру въ будущее... Смотрю я долго и упорно на Стѣну и мнѣ кажется, что камни ея, скристаллизовавшіе кровь и слезы Коммунаровъ, оформляются въ скелетъ; я слышу скрипъ костей, когда онъ поднимаетъ свою костлявую руку, обращаясь къ Парижу, — это духъ Коммунаровъ скорбящей душой говоритъ ему:

Парижъ! Колыбель нашихъ величаво-красивыхъ идеаловъ свободной полновластной жизни, великая мать всей нашей любви и печали! Каждая улица твоя орошена нашей кровью, все величіе твое создано нашимъ страданіемъ, костьми нашими вымощены твои мостовыя. Живешь ли ты, Парижъ, иль Неронъ смелъ и уничтожилъ тебя?

Парижъ! Сколько времени прошло съ того дня, когда насъ обезчестили на глазахъ твоихъ, когда рыцари смерти съ блаженной улыбкой на устахъ купались въ нашей крови и слезахъ, моремъ разлившихся по твоимъ улицамъ, по тѣмъ улицамъ, Парижъ, гдѣ теперь гуляютъ, ища веселія, дѣти твои? Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ кровожадный звѣрь въ богатомъ мундирѣ на глазахъ у тебя давилъ головы на мостовыхъ нашимъ малюткамъ, голодавшимъ еще въ утробѣ матери, и смѣялся на ихъ предсмертными судорогами?

Парижъ! Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ на глазахъ у тебя отдавалъ своей дикой ордѣ, пьяной отъ нашей крови, на обезчещеніе дочерей, женъ и матерей нашихъ?

Парижъ! Дитя наше возлюбленное! Не слушай проповѣди Іуды! Кровь не забывается, кровь нельзя забыть, Парижъ!

Парижъ! Колыбель нашихъ великихъ надеждъ и сладкихъ упованій! Не обманывай себя, не слушай Іуду! Парижъ, ты — ложь, ложь твоя цивилизація и культура, обманъ и призракъ твое величіе, уродство и безобразіе все твое безподобное искусство, уродливая игра слабости твоя наука, позоръ и развратъ твое безконечное веселіе, самъ ты, Парижъ, колыбель нашей сладчайшей мечты, нашего великаго и неизмѣннаго идеала, ты — безобразная клоака позора, нищеты и рабства, угнетенія, оскорбленія, вырожденія и разложенія, если надъ тобой не развѣвается великое знамя—знамя свободы и полновластной жизни.

Парижъ! Колыбель сладкихъ мечтъ нашихъ, свидѣтель нашего мученичества и оскорбленной смерти, покажись намъ еще разъ, что ты воспитаешь дѣтей твоихъ въ смертельной ненависти ко

*) Мнѣ кажется, что гдѣ-то, когда-то я читалъ аналогичное описаніе „народовластія“ этого знаменитаго кладбища, но не могу сказать ни гдѣ это было, ни когда это было.

всѣмъ нашимъ смерто-носцамъ. Ты уже клялся разъ, держи клятву, храни ее свято, не слушай Іуду, помни, что измѣнникъ клятвы самъ есть Іуда...“

Вспоминая слова старика, я съ ужасомъ и надеждой смотрю на Парижъ,—онъ еще спитъ, но въ немъ шевелятся черныя тѣни: онъ скоро проснется...

* * *

Подъ конецъ у Коммунаровъ не хватило и патроновъ. Послѣдній выстрѣлъ—послѣдній вздохъ Коммуны. Кончилась великая драма, надъ трагическимъ финаломъ ея спустился занавѣсъ—Великая Стѣна, неизсякаемый памятникъ страданія и борьбы. Но не умерла Коммуна, она пріютилась въ груди „страждущихъ и жаждущихъ“ и ждетъ своего реванша. Ея духъ витаетъ всюду, гдѣ сильно и творчески бьется пульсъ народа. Сегодня онъ во Франціи является призракъ революціи, завтра онъ въ Италіи, гдѣ поднимаетъ голодный бунтъ, послѣ завтра въ Испаніи, гдѣ измученные въ неволѣ труженики подъ его внушеніемъ, протягиваютъ символическія угрожающія „черныя руки“ въ сторону короны и инквизиціи, въ сторону гіеннъ и шакаловъ, ввергающихъ народъ въ рабство и голодъ, потомъ, пройдя океанъ, онъ, какъ гроза, несется надъ республикой трестовъ и милліардовъ, затѣмъ, какъ тѣнь кошмарнаго привидѣнія, онъ ложится надъ Россіей сытыхъ и довольныхъ, и повсюду онъ встрѣчаетъ откликъ въ душѣ угнетенныхъ, всѣ страждущіе и жаждущіе съ надеждою взираютъ на него, къ нему они протягиваютъ свои изсохшія отъ страданія и въ непосильномъ трудѣ руки.

Изъ закоптѣвшихъ фабричныхъ трубъ словно призывная пѣснь слышится его голосъ: „скромный труженикъ, терпѣливый страдалецъ, измученный и израненный, проснись, пора; оглянись вокругъ себя, не видишь своихъ собственныхъ страданій и страданій братьевъ твоихъ? Не видишь жгучихъ слезъ, нужду, тоску! Скоро слезы твои превратятся въ могучую волну... Посмотри въ даль... туда, туда... видишь красные пары? То красный туманъ крови, поднимающійся съ поля, гдѣ пали братья твои... А тамъ еще дальше, видишь свѣтъ, веселіе, радость и довольство—все твореніе рукъ твоихъ. Оглянись кругомъ, чтобъ видѣть все, ты, для свободы рожденный, въ цѣпяхъ неволи безнадежно тоскующій...

Подними гордо, смѣло и съ надеждой голову твою, отяжелѣвшую отъ долго гнетущаго тебя жестокаго рабства. Соберися жить, —подъ твоимъ знаменемъ собирается грозная армія могильщиковъ стараго строя...

Беззаконію придетъ свой чередъ—день страшнаго суда. Настанетъ великій вечеръ и послѣ жестоко мучительной ночи взойдетъ свѣтлая живительная заря... Заблистаетъ и засіяетъ солнце справедливости и будетъ всѣмъ скорбящимъ радость...

К. Ортелани.

ЗАМѢТКА О РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ СИНДИКАТАХЪ*).

I.

„Если какой нибудь инструментъ былъ сфабрикованъ для одной цѣли, то было бы странно требовать отъ него, чтобы онъ оказался также пригоднымъ и для другой“, говорилъ въ 1878 году рабочій-механикъ Баливэ, доказывая, что организованная въ цѣляхъ избирательной борьбы партія не является организаціей, способной отразить силою насильственный государственный переворотъ, который произведетъ буржуазія, разъ рабочая партія окажется опасной для ея господства. Эта фраза невольно приходитъ въ голову и въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о революціонныхъ синдикатахъ, совершенно не приспособленныхъ и приспособляющихся къ боевой дѣятельности въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не могущихъ силою отвѣтить на реакціонную и грубо-насильственную политику правящихъ классовъ, не могущихъ выставить обученые боевые отряды въ моментъ соціальной революціи. Какъ и всѣ серьезные рабочіе союзы, они ставятъ своей цѣлью борьбу съ предпринимателями за улучшеніе быта пролетаріевъ, затѣмъ нерѣдко организуютъ взаимопомощь и сверхъ того заявляютъ о желаніи своихъ членовъ уничтожить институтъ предпринимательства-наемничества, какія заявленія отнюдь не чужды, впрочемъ, и нѣкоторымъ (даже старымъ) англійскимъ традъ—юніонамъ. Синдикаты ведутъ наряду съ этимъ пропаганду анархическихъ или соціалистическихъ идей. Новое, что выдвигаетъ революціонный синдикализмъ—это указаніе на единственно возможный путь въ дѣлѣ освобожденія рабочихъ отъ двойнаго ига капитала и государства—путь всеобщей забастовки, какъ пролога соціальной революціи. Вотъ здѣсь то и вспоминаются слова Баливэ. Допустимъ прежде всего, что такая организація, какъ профессіональные и промысловые союзы, объединенные биржами труда и конфедераціей, не только пригодна для достиженія первыхъ трехъ цѣлей, но и то, что она является лучшей изъ возможныхъ организацій, ставящихъ себѣ указанныя задачи. Сдѣлавъ это допущеніе, мы все таки не отобьемся отъ вопроса, который формулируется слѣдующимъ образомъ: этотъ инструментъ, сфабрикованный для борьбы съ хозяевами, для помощи безработнымъ, для поддержанія созданія анархо-соціалистическихъ убѣжденій, годится ли онъ для соціальной революціи.

Спѣшимъ оговориться: цѣль этой замѣтки не сводится къ борьбѣ съ синдикалистическимъ теченіемъ среди анархистовъ-коммунистовъ. Синдикаты, въ особенности же революціонные, полезны и для улучшенія быта наемныхъ рабочихъ, и какъ арена для пропаганды и какъ почва для самостоятельнаго появленія освободительныхъ идей. Безспорно—не даромъ, а наоборотъ съ большой пользой велась та работа анархистовъ, результатомъ которой (наряду съ другими условіями:—подходящей средой и пр.) и явился революціонный синдикализмъ. Нѣтъ даже сомнѣнія, что анархисты-коммунисты должны быть во всѣхъ рабочихъ союзахъ, разъ только эти союзы не зажимаютъ имъ рта и не преслѣдуютъ явно-враждебныхъ освобожденію рабочихъ цѣлей. Наряду съ этимъ позволительно думать, что вѣчно движущаяся жизнь требуетъ новыхъ формъ (или осложненія старыхъ) даже для тѣхъ рабочихъ организацій, которыя не идутъ далѣе борьбы за улучшеніе быта рабочихъ въ рамкахъ современнаго эксплуататорскаго строя, а приближеніе момента соціальной революціи настойчиво требуетъ новой формы для того, чтобы съ наименьшими усиліями и потерями добиться кореннаго переворота.

Признавая наличность свѣтлыхъ сторонъ въ революціонномъ синдикализмѣ, думая даже, что онѣ не достаточно освѣщены, а частью затемнены такъ называемый синдикалистской литературой, въ которой работаютъ, между прочимъ, очень далеко стоящіе и отъ синдикатовъ, и отъ пролетаріата люди, можно все таки не останавливаться въ этой замѣткѣ на положительныхъ сторонахъ синдикализма, а наоборотъ подчеркнуть тѣ отрицательныя явленія, которыя имъ порождаются и сдѣлать это на томъ основаніи, что свѣтлыя стороны этой организаціи и этого движенія не устраняютъ (хотя въ значительной степени и компенсируютъ) наблюдаемые недочеты. Насколько возможно, надо только не повторить общеизвѣстныхъ аргументовъ, а, гдѣ это придется, выставить послѣдніе, въ ихъ истинномъ значеніи.

Прежде всего, едва ли вѣрно то что синдикализмъ, организуя рабочихъ, какъ классъ, не имѣетъ другихъ границъ, кромѣ границъ класса. Эти границы и уже и шире, а кромѣ того невѣрно и то, что синдикаты организуютъ рабочій классъ, хотя можно сказать, что они пытаются организовать рабочихъ въ классъ. Какъ извѣстно въ синдикатъ можетъ войти всякій рабочій, но мы знаемъ, что всякій рабочій можетъ, по мнѣнію демократовъ, пользоваться всѣми благами равноправія гражданъ, знаемъ также, что фактически онъ не пользуется имъ, и та возможность, на которую ссылаются демократы, считается нами фикціей. Ясно, что далеко не весь революціонный пролетаріатъ входитъ въ эти союзы; боязнь лишиться мѣста, недостатокъ смѣлости, энергіи и пр. мѣшаетъ войти въ нихъ многимъ рабочимъ, причемъ эти рабочіе отнюдь не могутъ считаться не пригодными для рѣшающей борьбы революціонерами: многое заставляетъ думать, что въ моментъ соціальной революціи и эти не бывшіе въ рядахъ синдикалистовъ пролетаріи проявятъ колоссальную энергію и стойкую храбрость, а въ настоящее время они внѣ синдикатовъ, такъ какъ имъ кажется, что часъ соціальной революціи пробьетъ черезъ десятки лѣтъ, а жить сейчасъ надо.

Ставъ на другую точку зрѣнія, можно утверждать, что, разъ вступленіе въ синдикатъ обусловливается не одной только принадлежностью къ рабочему классу, а обязанностью платить хотя бы ничтожнѣйшіе взносы, можно утверждать, что мы имѣемъ дѣло съ организаціей не класса, а тѣхъ членовъ класса, которые желаютъ платить эти взносы. Возможно, что при наличности очень небольшихъ взносовъ (которые могутъ, впрочемъ, возра-

*) Наше отношеніе къ нѣкоторымъ изъ положеній автора изложены въ нижеслѣдующей статьѣ—„Еще къ вопросу о формахъ массовой организаціи“. Ред.

сти) это замѣчаніе не имѣетъ особо важнаго практическаго значенія, но во-первыхъ и мелочи жизни чреваты послѣдствіями, а во-вторыхъ психологическое значеніе этого замѣчанія—внѣ спора. Не всякій рабочій, какъ таковой, какъ членъ рабочаго класса, имѣетъ голосъ въ синдикальной организаціи, а только членъ синдиката; только платящій взносы рабочій получаетъ возможность (при отсутствіи другихъ препятствій, мѣшающихъ вступить въ синдикатъ) принимать активное участіе въ дѣлахъ, касающихся всего рабочаго класса. Отождествленіе синдикалистовъ съ рабочимъ классомъ, несмотря на все отсутствіе такъ называемыхъ теоретиковъ синдикализма, въ значительной степени является натяжкой. Изъ только что сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, что синдикаты должны быть распущены или что имъ надо отмѣнить членскіе взносы; изъ дальнѣйшаго изложенія станетъ яснымъ, что дѣло идетъ о совсѣмъ другомъ.

Намъ кажется, что такое явленіе, какъ наличность организаціи, фактически лишающей часть рабочихъ права рѣшающаго голоса, неизбѣжно создаетъ въ средѣ синдикалистовъ, будь они десять разъ революціонны, то, что можно назвать (очень не точно, конечно, исключительно для того, чтобы пробудить въ товарищѣ читателѣ нужную намъ ассоціацію идей) чувствомъ аристократизма, превосходства, правда только въ ничтожной мѣрѣ поддерживаемое силой (не заплатишь, не дадимъ, — силой не дадимъ, если захочешь взять это право, право голоса).

Помимо сказаннаго, революціонные синдикаты создаютъ, какъ думается, не ту психологію, которую мы считаемъ пролетарско-классовой. У рабочаго, не имѣющаго той собственности, которая выдѣляла бы его изъ рядовъ собратьевъ (мебель, платье, даже деньги на сберегательной книжкѣ не являются такой собственностью, которая отчерчиваетъ его отъ другихъ рабочихъ, такъ какъ все это—мебель, платье, деньги (послѣднія, хотя бы по субботамъ, хотя и не на книжкѣ имѣется у всѣхъ рабочихъ),—у рабочаго-синдикалиста появляется новая собственность, которой совершенно нѣтъ у рабочихъ не-синдикалистовъ — это собственность — самъ синдикатъ, тотъ синдикатъ, который онъ любитъ, бережетъ, уважаетъ, которымъ гордится, который даетъ ему нѣкоторую увѣренность на жизненномъ пути и съ которымъ онъ связываетъ свои, какъ экономическія, такъ и альтруистическія надежды. Этотъ новый духъ новой собственности, разъ онъ слабо парализуется мыслью о конечной цѣли синдиката, о соціальной революціи, разъ повседневныя синдикальныя дѣла—борьба съ хозяевами за лучшія условія труда и пропаганда революціоннаго соціализма или коммунизма—заполняютъ мысли синдикалиста—а мысль о соціальной революціи вспыхиваетъ только подъ вліяніемъ разныхъ случайныхъ условій и гаснетъ (вѣдь постоянство работы, какъ прямой военной подготовки къ соціальной революціи, въ синдикатахъ, какъ таковыхъ, вовсе нѣтъ), эта новая психологія претворяется въ стремленіе спасать синдикатъ отъ краха, защищать его какъ свой родной очагъ, а отсюда, если не шагъ къ реформизму, то все таки шагъ къ компромиссу съ реформизмомъ. Правда, эти шаги не могутъ считаться очень опасными: такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ подъ вліяніемъ и объективныхъ условій революціонизмъ не можетъ не восторжествовать въ рабочей средѣ, но досадны и тѣ отсрочки освобожденія порабощеннаго народа, которыя создаются этими шагами къ компромиссамъ.

Рабочій классъ въ цѣломъ (б. м. давно уже) доросъ до пониманія и полнаго воспріятія принципа „всякій человѣкъ имѣетъ равное съ тобой достоинство". Современный строй общества не позволяетъ практически осуществлять этотъ принципъ, но въ предѣлахъ рабочаго класса онъ можетъ быть осуществленъ и осуществится только тогда, когда двери рабочей организаціи будутъ широко открыты для всякаго рабочаго, какъ таковаго, этотъ принципъ осуществится только тогда, когда рабочая организація поставитъ всякаго рабочаго въ такое положеніе, при которомъ онъ получаетъ возможность работать въ ней, какъ полноправный ея членъ. Какъ устроить такую организацію будетъ сказано ниже, а теперь, говоря о революціонныхъ синдикатахъ, куда принимаются рабочіе, сознавшіе необходимость борьбы съ институтомъ предпринимательства, и куда входятъ все таки не всѣ такіе рабочіе, надо согласиться съ тѣмъ, что синдикатами организуется только часть той части рабочаго класса, которая является классомъ für sich, та же его часть, которая является рабочимъ классомъ an sich, цѣликомъ остается за бортомъ этой организаціи. Рабочій классъ въ цѣломъ является классомъ „для себя" только въ потенціи, и только въ моментъ соціальной революціи онъ въ цѣломъ станетъ классомъ für sich.

Сдѣлаемъ небольшое отступленіе и укажемъ, что хотя границы революціонныхъ синдикатовъ сужены для пролетаріевъ, онѣ расширяются, включивъ въ ряды синдикатовъ и представителей другихъ группъ населенія. Революціонные синдикаты учителей, мелкихъ чиновниковъ, малоземельныхъ крестьянъ и пр. такъ же естественны, какъ и синдикаты рабочихъ. Всѣ они эксплуатируются тѣмъ или инымъ (иногда очень сложнымъ, обходнымъ, какъ нѣкоторыя группы малоземельныхъ крестьянъ) способомъ, между нѣкоторыми изъ нихъ и рабочими синдикатами трудно провести не чисто абстрактное и не грубо внѣшнее разграниченіе; всѣ они имѣютъ передъ собою, какъ и синдикаты, страшныхъ враговъ рабочихъ—государства и богачей; всѣ они могутъ быть кровно заинтересованы въ дѣлѣ соціальной революціи. Эти синдикаты должны войти въ федеративную связь съ синдикатами пролетаріевъ, не такую впрочемъ тѣсную, какъ эти послѣдніе между собою. На этихъ синдикатахъ мы не можемъ останавливаться въ нашей замѣткѣ.

Революціонные синдикаты не могутъ считаться тѣми ячейками, изъ которыхъ только и можетъ развиться будущій строй общества. Они вовсе не являются необходимымъ условіемъ возникновенія этого строя. Ни одна изъ тѣхъ функцій, которыя выполняются нынѣ синдикатами, не нужна съ момента побѣды возставшаго народа; всѣ онѣ будутъ абсолютно ненужными, и синдикаты умрутъ своей смертью, свершивъ все, что должны были совершить. Конечно производители будущаго общества организуются для производства и распредѣленія продуктовъ, но имъ придется объединиться для этого въ новыя спеціально для этой цѣли приспособленныя организаціи, вовсе не придерживаясь той формы, которая приспособлена для четырехъ вышеуказанныхъ, нынѣ преслѣдуемыхъ синдикатами задачъ. Синдикатъ — это эфемерида капиталистическаго строя, которая вмѣстѣ съ нимъ и погибнетъ. На другой день соціальной революціи начнетъ слагаться новое общество, для котораго нужны новыя формы и прямой, хотя и безъ труда исправимой ошибкой, будетъ попытка навязать ему преходящія, возникшія при господствѣ капитала учрежденія. Революціонные синдикалисты оставятъ, впрочемъ, будущему обществу дорогое наслѣдство — синдикалисты будутъ энергично отстаивать федеративный и автономный принципъ будущаго строительства.

Къ слову сказать — безспорно то положеніе, по которому вовсе не обучаются въ синдикатахъ дѣлу будущаго производства и распредѣленія (какъ не научаются этому и въ кооперативахъ). Если бы даже рабочіе и могли учиться въ синдикатахъ дѣлу современнаго веденія хозяйства, то въ новомъ обществѣ имъ пришлось бы переучиваться, такъ какъ современное индивидуальное хозяйство non sens въ строѣ будущаго. Не бросившись въ воду, плавать не научишься; пока не устранены предприниматели и ихъ управляющіе, негдѣ учиться дѣлу новаго строительства. Конечно, всякій рабочій обучается въ настоящее время тому *главному*, чѣмъ ему придется заниматься въ обществѣ будущаго; онъ обучается своему ремеслу, своему промыслу. Онъ учится этому не въ синдикатѣ, конечно, а въ мастерской, и масса рабочихъ всегда состоитъ изъ мастеровъ своего дѣла.

Слова, что синдикаты надо считать ячейкомъ будущаго общества, многимъ пришлись по душѣ, и это вполнѣ понятно. Они звучатъ, если не очень гордо, то за то „очень научно", но это научность нео-марксизма,— научность sui generis, — и цѣна ей невысокая. Конечно, жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ; объ этомъ говорилъ еще двѣ тысячи слишкомъ лѣтъ тому назадъ Гераклитъ, что не мѣшаетъ с.-д.-амъ носиться съ такой новостью и говорить о ней, какъ объ интереснѣйшемъ открытіи. Конечно, каждой формѣ общественной жизни предшествовала другая форма или точнѣе другія формы, но дѣлать изъ этого выводъ, что синдикаты должны воспитать рабочихъ для самостоятельнаго веденія производства, должны создать разныя учрежденія, которыя вытѣснятъ государство — это значитъ просто-на-просто разсказывать сказки. Указанный процессъ затянулся бы на сотню лѣтъ безъ какой нибудь надежды на то, что рабочіе приблизятся благодаря ему къ обществу будущаго, чѣмъ теперь.

Новый строй общества сплошь и рядомъ появлялся, какъ результатъ насилія со стороны мѣняющихъ старый строй людей. Жили ахейскіе крестьяне, торговцы и ремесленники, пришли дарійцы, обратили крестьянъ въ полу-рабовъ, въ полу-крѣпостныхъ (илотовъ), обложили данью и воинской повинностью торговцевъ и ремесленниковъ п

образовали на спинахъ тѣхъ и другихъ свое своеобразное общество спартіатовъ. Жили земледѣльцы въ Британіи, пріѣхали норманскіе разбойники, завоевали Британію и устроили феодализмъ. Если бы кто либо сказалъ спартіатамъ и норманамъ, что имъ надо учиться, воспитываться въ какихъ либо учрежденіяхъ для того, чтобы впослѣдствіи образовать воинственное общество крѣпостниковъ, сидящихъ на шеѣ побѣжденнаго населенія, они только посмѣялись бы надъ такими совѣтами. Рабочимъ никого не надо закрѣпощать для того, чтобы жить работая; имъ надо только побѣдить современныхъ крѣпостниковъ и ихъ вооруженныя силы, а тамъ ужъ они устроятся по своему. Здѣсь насиліе опять таки сыграетъ свою роль, оно уничтожитъ тотъ гнетъ, который не позволяетъ общественной жизни вылиться въ желательныя для большинства населенія формы, а птицѣ, которая вырвется изъ клѣтки, учиться летать не придется. Рабочіе умѣютъ производить все, что надо; трудно представить себѣ что либо менѣе сложное, что либо болѣе простое, какъ экономическое и общественное устройство людей будущаго, и все дѣло вовсе не въ подготовкѣ рабочихъ массъ къ такому строю, вовсе не въ созданіи синдикатами какихъ-то несуществующихъ и не могущихъ возникнуть вытѣсняющихъ государство учрежденій, а въ организаціи силы, которая сможетъ справиться съ силой поработителей и ихъ вольныхъ и невольныхъ защитниковъ. Синдикатамъ не только не надо создавать какихъ бы то ни было учрежденій, но имъ и для повседневной борьбы надо имѣть свободныя руки; синдикалисты хорошо понимаютъ это, стараясь не отягощать себя даже такими учрежденіями, какъ учрежденія взаимопомощи.

То „вѣчное", безъ чего не могло и не можетъ существовать человѣчество — мастерская и рабочій одиночка, связанный въ своей трудовой дѣятельности съ массою другихъ производителей, разумѣется, останутся;—эти вѣчныя по своей сущности „учрежденія" являлись, являются и явятся тѣми необходимыми ячейками, безъ которыхъ немыслимо и будущее общество, и никакихъ другихъ ячеекъ для него создавать не надо. Въ желательную же комбинацію между собою эти ячейки вступятъ тогда, когда силою, будетъ сброшена та власть капитала и государства, которая держитъ народъ въ порабощеніи.

Возвращаясь еще разъ къ той психологіи, которая создается синдикатами, укажемъ, что синдикаты, организовавшіеся отдѣльно отъ многихъ рабочихъ, воспитываютъ иной разъ въ своихъ членахъ ту психологію, которая заставляетъ рабочаго стоять за право производителя на его полный продуктъ труда. Этотъ принципъ —не нашъ принципъ, онъ можетъ выразиться въ томъ, что коммунизмъ будетъ имѣть мѣсто только внутри синдикатовъ, изъ которыхъ одни будутъ бѣднѣе, другіе богаче, и которые будутъ бороться между собою при обмѣнѣ своими издѣліями. Нашъ принципъ — это равное право всѣхъ членовъ общежитія на всѣ продукты труда, приготовляемые въ общежитіи, право рѣзко расходящееся даже съ правомъ синдикатовъ вольныхъ ассоціацій производителей на произведенный ими продуктъ труда. Замѣтимъ здѣсь, что если между революціонными синдикатами большинство все таки является коммунистическимъ, то это потому, что сильна пропаганда коммунистовъ въ синдикатахъ, сильна пропаганда самой жизни, ея логика, а не потому, что синдикатъ воспитываетъ рабочихъ коммунистами.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о томъ, въ какія формы должна вылиться дѣйствительно классовая организація пролетаріевъ, остановимся еще на одномъ положеніи. Присматриваясь къ дѣятельности синдикатовъ, прислушиваясь къ ихъ прессѣ, невольно задаешься вопросомъ—революціонны ли революціонные синдикаты. Вѣдь даже соціальдемократы называютъ себя революціонерами, а любящая свое спокойствіе буржуазія кого угодно назоветъ революціонеромъ. Понимая подъ революціоннымъ дѣломъ практическую подготовку къ соціальной революціи, и не предрѣшая вопроса о томъ, должны ли синдикаты заниматься такой подготовкой, мы спрашиваемъ, заняты ли они ей? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить безусловно отрицательно. Синдикаты не создали даже вольной прессы, которая необходима для того, чтобы познакомить рабочихъ революціонеровъ, хотя бы съ техническими пріемами будущей борьбы. Вѣдь теперь нельзя строить такія баррикады и такъ защищать ихъ, какъ ихъ строили и защищали нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ; рабочіе ничего не знаютъ о необходимыхъ пріемахъ нападенія и защиты, а разсчитывать на то, что солдаты перейдутъ на сторону рабочихъ, можно только условно: можетъ быть перейдутъ, а можетъ быть нѣтъ, перейдетъ одна часть арміи, а другая нѣтъ. Изучаютъ ли синдикалисты вопросъ о томъ, гдѣ именно и какъ можно взять оружіе въ моментъ возстанія, знаютъ ли члены синдикатовъ, какъ надо обращаться съ ружьями, пушками, пулеметами, взрывчатыми веществами, какъ закладывать фугасы, дѣлать разные пороха, загражденія разныхъ въ томъ числѣ и новыхъ типовъ и пр. и пр. и пр. Ведется ли такая работа синдикатами. Конечно нѣтъ! Это не дѣло синдикатовъ. Знаютъ ли синдикалисты, какъ и гдѣ арестовать генераловъ, офицеровъ, полицейскихъ чиновъ, какъ взять полицейскіе участки, обезоружить и разогнать низшихъ чиновъ полиціи, какъ занять всѣ тѣ мѣста, гдѣ могутъ мобилизироваться эти враждебныя рабочимъ силы, какъ окружить и какими именно баррикадами казармы, рвами, ямами, фугасами и пр. и пр. сдѣлать невозможнымъ вывозъ пушекъ изъ тѣхъ помѣщеній, гдѣ онѣ находятся и т. д. и т. д. Разумѣется, не знаютъ.

Быть можетъ все таки синдикаты серьезно изучаютъ дѣло штрейкмахерства, изучаютъ способы, какими можно парализовать тѣ средства передвиженія и сообщенія, которыми воспользуется въ противномъ случаѣ повинующаяся капиталистамъ и государству часть арміи и затѣмъ знакомятъ съ этими способами широкую массу рабочихъ; быть можетъ они изучаютъ вопросъ о томъ, какъ сдѣлать фактически невозможной въ нужную минуту работу штрейкбрехеровъ въ томъ числѣ и солдатъ и какъ, сдѣлавъ невозможной работу штрейкбрехеровъ, сохранить возможность быстро наладить дѣло для самихъ себя. И на эти вопросы приходится отвѣтить отрицательно, такъ какъ нѣкоторыя случайныя указанія, о которыхъ идетъ иногда рѣчь между синдикалистами, напр., указанія на то, какія части и какихъ именно машинъ надо унести съ собой, чтобы сдѣлать невозможной работу, указанія на то, что въ котлы надо бросить мыло и т. п. — все это не имѣетъ ничего общаго (даже въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ объ электротехникахъ) съ математически разработанной компаніей штрейкбрехерства въ моментъ всеобщей забастовки.

Можно исписать рядъ страницъ, задавая такіе вопросы, но на всѣ послѣдніе опять таки получится отрицательный отвѣтъ. Короче, — дѣлу революціоннаго заговора революціонные синдикаты не служатъ, а пока это такъ, пока рабочіе не грозятъ выставить свою обдуманную систему нападенія и защиты противъ систематически планомѣрной, но все готовой защиты государствомъ самого себя и капиталистовъ — до тѣхъ поръ эксплуататоры всѣхъ видовъ и типовъ могутъ спать спокойно. Никому неизвѣстно, разумѣется, сколько рабочихъ готовы возстать для захвата средствъ производства и уничтоженія власти: разсчитывается и не безъ основанія, что подъ вліяніемъ не подготовляемыхъ и не учитаемыхъ причинъ, когда нибудь да вспыхнетъ возстаніе. Конечно, и такъ можетъ случиться, но все же та армія лучше, которая знаетъ, сколько человѣкъ станетъ подъ ея знамена въ любую минуту. А синдикалисты не знаютъ, какъ кажется, даже методовъ (правда новыхъ), при помощи которыхъ можно произвести подсчетъ боевыхъ силъ.

Само собою напрашивается замѣчаніе, что все это не дѣло революціонныхъ синдикатовъ, что на такое дѣло ихъ нельзя подвинуть. Приходится согласиться съ этимъ, можно пойти далѣе и доказывать, что синдикаты вовсе не являются особо подходящей почвой, на которой можетъ вестись такая работа со стороны, — хотя бы анархистами-инструкторами, поставившими своею цѣлью ознакомленіе рабочихъ съ практическими пріемами борьбы во время возстанія. Изъ всего сказаннаго понятно, что со словомъ революціонный синдикализмъ нельзя соединять представленіе о синдикалистахъ, готовящихся къ соціальной революціи: можно говорить только о синдикалистахъ, желающихъ революціи и ожидающихъ ея... — съ нетерпѣніемъ или спокойно — это другой вопросъ. Понятно, что „сознательные" буржуа ни за что не повѣрятъ, если имъ скажутъ, что синдикаты угрожаютъ начать завтра соціальную революцію; неудивительно и то, что правительства боятся не синдикализма, а антимилитаризма, той дѣятельности, которая является важной, но частичной и не совсѣмъ полной подготовкой къ соціальной революціи.

Изъ того, что синдикалисты не готовятся къ возстанію и не готовятъ къ нему рабочихъ, вовсе еще не слѣдуетъ, что синдикаты безполезны для освободительнаго движенія пролетаріата. Очень важно и то, что не найдя въ синдикатахъ практическаго революціонизма, мы находимъ въ нихъ революціонизмъ настроенія, который они и переливаютъ въ рабочія массы. Революціонное настроеніе безспорно существуетъ въ синдикатахъ, и оно не

можетъ быть уничтожено статьями такихъ поверхностныхъ теоретиковъ синдикализма, какъ Г. Лягардель, слова котораго почему то попавшія вмѣстѣ съ его статьей на столбцы „Revolution“ мы и процитируемъ: „...всякое практически революціонное дѣйствіе можетъ быть только медленнымъ и прогрессивнымъ. Было бы ребячествомъ ожидать чудесъ отъ жизни. Ни бунтъ, ни возстаніе, ни государственный переворотъ ничего не измѣнятъ въ сущности (réalité intime) вещей. Гражданинъ Дюбрейль справедливо напомнилъ когда-то краснорѣчивый примѣръ парижской коммуны. Къ чему служатъ власть, ружья, баррикады и бомбы, разъ масса неорганизованная и несознательная не знаетъ перваго слова своей роли“. Передъ нами во весь ростъ стоитъ на своемъ подгнившемъ пьедесталѣ соціальдемократъ бернштейніанецъ. Боясь народнаго возстанія, не имѣя понятія о томъ, что представляетъ изъ себя масса, онъ забылъ даже о томъ, что коммуна существовала въ осажденномъ городѣ, существовала безъ году недѣлю и была раздавлена внѣшней силой. Намъ мало интересенъ, понятно, такой теоретикъ синдикализма, какъ Г. Лягардель, но все таки характерно, что хотя неудачный, но все таки теоретикъ того синдикализма, который онъ же самъ величаетъ революціоннымъ, можетъ писать такія фразы, не возбуждая всеобщаго смѣха. Все дѣло въ томъ, разумѣется, что революціонизмъ настроенія не является синонимомъ революціонизма практическаго. Для послѣдняго тоже нужна подходящая (т. е. общепролетарская классовая организація, и если ея нѣтъ, она должна создаться. Съ людскою пылью можетъ справиться только стихійное движеніе, результатовъ котораго нельзя учесть. Принимая во вниманіе возможность и такого движенія, необходимо все таки противопоставить искусственному закрѣпощенному, служащему государству боевому аппарату, — естественный, вольный, служащій народу, но боевой же аппаратъ большей, чѣмъ первый, разрушительной силы и по своему качеству и по своему количеству.

II.

Допустимъ, что дѣятельность синдикатовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ всѣмъ назрѣвшимъ въ пролетаріатѣ задачамъ. Въ такомъ случаѣ синдикальная организація нуждается все таки въ расширеніи; она должна поглотить весь рабочій классъ. Необходимо, чтобы весь рабочій классъ чувствовалъ себя организованнымъ, а для этого а также и для другихъ цѣлей надо противопоставить государству, включающему въ себя и тѣхъ, кто явно ему враждебенъ, тѣхъ, для кого государство вредно и невыгодно,—организацію пролетаріата, какъ цѣлаго класса, т. е. такую организацію, членомъ которой считался бы каждый рабочій, только потому что онъ рабочій, въ которой онъ имѣлъ бы право голоса, возможность участвовать во всѣхъ дѣлахъ, касающихся рабочаго класса. Основными единицами такой организаціи, не сливающейся но соприкасающейся на низахъ съ организаціей синдикалистовъ, должны считаться сходы рабочихъ мастерскихъ (фабрикъ, заводовъ, мануфактуръ, ремесленныхъ заведеній, магазиновъ и пр.) и сходы рабочихъ одиночекъ, т. е. рабочихъ домашней промышленности, ремесленниковъ, кустарей и пр. Членами сходовъ, независимо отъ своего участія въ синдикатахъ, должны быть и синдикалисты, при чемъ, какъ члены сходовъ, они являются рабочими данной мастерской, и какъ синдикалисты рабочими данной профессіи, что далеко не одно и то же. Конечно, не всѣ члены мастерскихъ, не всѣ рабочіе одиночки будутъ принимать участіе въ сходахъ, но важно то, что всякій рабочій явится при наличности описываемой организаціи членомъ послѣдней, безъ всякаго вступленія въ какое либо учрежденіе получающимъ право голоса во всѣхъ рабочихъ дѣлахъ. Всякій сходъ численностью въ X человѣкъ (X—величина перемѣнная, въ зависимости отъ мѣста и времени) можетъ послать своего товарища въ то новое отдѣленіе при биржѣ труда (на этой стадіи новая организація сливается съ синдикалистической), которое мы назовемъ хотя бы „совѣщаніемъ рабочихъ“. Въ биржахъ труда будутъ представлены такимъ образомъ не только интересы отдѣльныхъ профессій, но и интересы отдѣльныхъ мастерскихъ (что не всегда совпадаетъ) и интересы всѣхъ рабочихъ. Дѣло синдикатовъ и биржъ труда придти на помощь организующемуся классу и найти для такихъ сходовъ и совѣщаній необходимыя помѣщенія. Главной задачей „совѣщаній рабочихъ“ явится освѣдомленіе о всѣхъ перепитіяхъ современной борьбы съ хозяевами и постоянныя сообщенія о ходѣ этого дѣла членамъ сходовъ, а черезъ нихъ всѣмъ рабочимъ мастерскихъ, а также и всѣмъ рабочимъ одиночкамъ. Всякій сходъ, всякій рабочій получаетъ право представить въ „совѣщаніе“ любой свой проектъ, совѣтъ, указаніе, свѣдѣніе и пр. Особенно внимательно „совѣщанію“ придется слѣдить за стачками и локаутами и въ случаѣ надобности дѣлать на сходахъ и въ мастерскихъ сборы для ихъ поддержки. Биржи труда, въ ихъ полномъ составѣ, должны выработать отчетность для такихъ сборовъ и каждая стачка будетъ тогда чувствовать на своей спиною организованную поддержку всего рабочаго класса, а не только синдикатовъ; каждая стачка можетъ обратиться черезъ конфедерацію не только къ синдикатамъ, но черезъ „совѣщанія“ ко всему рабочему классу. „Совѣщанія“ должны получать отъ биржъ труда всѣ свѣдѣнія о ходѣ рабочаго дѣла для распространенія ихъ по мастерскимъ, всю пропагаторскую и агитаціонную литературу и т. д. Конечно, денежные сборы будутъ въ этой организація не обязательными, добровольными, но при обращенія, при личномъ обращеніи къ рабочимъ даже двухъкопеечныя пожертвованія явятся громадной силой. Неважно, что не всѣ рабочіе будутъ давать въ этомъ случаѣ деньги, не важно, что не всѣ они будутъ участвовать на сходахъ, (здѣсь въ недалекомъ будущемъ можно расчитывать на заразительность примѣра), важно то, что безъ отношенія къ тому, какъ энергична дѣятельность того или другого рабочаго, каждый изъ нихъ будетъ знать, что имѣется всеклассовая, безпартійная организація, членомъ которой онъ числится, и которая, хочетъ ли онъ или не хочетъ, всегда обращается къ нему по всѣмъ принципіальнымъ и непринципіальнымъ рабочимъ дѣламъ. Важно и то, что каждый рабочій почувствуетъ за своей спиной могучую „силу всѣхъ и каждаго“ и воспрянетъ духомъ. Эта организація важна и тѣмъ, что она можетъ не считаться съ разными разрѣшающими и запрещающими законами, она посредствомъ action directe завоевываетъ свое право на существованіе. Нельзя уничтожить и разбить базу этой организаціи—мастерскую и сходы рабочихъ; пока имѣются объединенные мастерской или разрозненные рабочіе, надъ ними всегда будетъ воздвигаться надстройка болѣе или менѣе многочисленныхъ сходовъ, послѣдніе могутъ быть только обращены въ тайные, да и то не иначе какъ при условіи полнаго отказа государства отъ права собраній, отъ демократизма. „Совѣщанія рабочихъ“ постоянно, чѣмъ чаще, тѣмъ лучше, мѣняющія свой составъ, опять таки будутъ постоянно возникать то при биржахъ труда, а если это не удастся, то параллельно съ ними, то явно, то въ крайности тайно, при чемъ революціонные синдикаты и революціонные синдикалисты въ синдикатахъ реформистскихъ свяжутъ ихъ съ синдикальной организаціей. Можно упомянуть еще, что эта организація дастъ возможность вздохнуть полной грудью революціонерамъ, задыхающимся нынѣ въ реформистскихъ синдикатахъ.

Товарищи понимаютъ, что здѣсь набросана только основная мысль о такой организаціи; подробный планъ ея долженъ быть выработанъ коллективнымъ трудомъ, а жизнь внесетъ въ него свои безапелляціонныя поправки.

Эта новая всеклассовая рабочая организація важна и тѣмъ, что она можетъ быть явится и той формой, въ которую выльется строительство будущаго общества. Въ основѣ ея будетъ лежать не только эфемерида-синдикатъ, но и вѣчная отъ временъ троглодитовъ, существующая въ современномъ обществѣ, неизбѣжная въ строѣ коммунизма мастерская, и наряду съ ней всегда существующій и всегда нуждающійся въ единеніи и обмѣнѣ мыслей одиночка-работникъ.

III.

Для товарищей, которые думаютъ, что часъ соціальной революціи далекъ отъ насъ, дальнѣйшее изложеніе будетъ не интереснымъ, но тѣ, кто вмѣстѣ съ авторомъ этихъ строкъ пришли, на основаніи своего опыта-знанія, къ убѣжденію, что революція стоитъ у насъ за плечами, усердно приглашаются дочитать эту замѣтку.

Для пролетаріевъ настало время создать такую организацію, которая поставила бы своею цѣлью не только пропаганду необходимости соціальной революціи, что попутно съ другими задачами удовлетворительно выполняетъ революціонный синдикализмъ, не только вела бы борьбу съ капиталомъ и государствомъ въ рамкахъ существующаго строя (отъ борьбы съ злоупотребленіями этихъ институтовъ существующій строй не разрушится), но такую, которая поставила бы своею цѣлью борьбу за полное освобожденіе производителей отъ рамокъ-тисковъ современнаго

строя, т. е. такую, которая практически подготовляла бы социальную революцію. Выше описанная организація является лучшей изъ возможныхъ почвъ для подготовки вооруженнаго возстанія; придется только немного усложниться; помимо открытыхъ сходовъ и явныхъ связанныхъ съ биржей труда совѣщаній, наряду съ ними, придется создать тайные сходы единомышленниковъ и тайныя „совѣщанія", которыя широко бы распространяли въ рабочихъ массахъ боевыя свѣдѣнія, необходимыя для того, чтобы возставшій пролетаріатъ не явился стадомъ овецъ, которыхъ будутъ рвать зубами волки, а представилъ изъ себя болѣе грозную вооруженную силу, чѣмъ та, которую выставитъ противъ него буржуазія. Въ этихъ группахъ, въ „совѣщаніяхъ рабочихъ", въ другихъ случаяхъ рядомъ съ ними, но всегда такъ, чтобы можно было передать рабочимъ всѣ свѣдѣнія, которыя касаются боевого техническаго дѣла, должны стоять анархисты-коммунисты — инструкторы. Рабочій классъ долженъ быть обученъ техникѣ военно-революціоннаго дѣла лучше, чѣмъ обучаются простому военному дѣлу солдаты правительственно-капиталистической арміи; въ массахъ должно быть разлито знаніе военно-революціонной техники; рабочій классъ долженъ, какъ современные запасные, явиться потенціальной организаціей, которая въ любую минуту можетъ развернуться въ боевую армію, каждый батальонъ которой долженъ знать несложную теорію саперкаго революціоннаго дѣла, знать каждый домъ своего квартала, особенно тѣ дома, гдѣ живутъ враги народа, мѣста, гдѣ можно взять лопаты, ломы и оружіе... короче, долженъ знать все, что надо знать солдатамъ и саперамъ возстанія. Не менѣе широко должна быть знакома рабочамъ массамъ сложная для всѣхъ профессій, но простая (и потому легко усвояемая) для каждой профессіи, техника штрейкмахерства.

Инстукторы тѣ которые пойдутъ въ первую голову въ дни возстанія и первыми сложатъ свои головы, должны быть подготовлены въ боевыхъ группахъ анархистовъ-коммунистовъ.

О томъ, какія видоизмѣненія необходимо внести въ указанную организацію, разъ дѣло идетъ о русскихъ условіяхъ, писать не приходится по чисто конспиративнымъ условямъ. Василій Бабешко, убитый царскими палачами 14 іюня 1907 г., говорилъ когда-то: „легальные союзы могутъ дѣйствовать только такъ, какъ это не опасно для буржуазіи, разрѣшившей ихъ. Богачи для того и разрѣшаютъ рабочимъ объединяться въ открытые союзы, чтобы направить рабочее движеніе по мирному, безполезному для рабочихъ и не опасному для богачей, пути. Только въ тайномъ союзѣ рабочіе могутъ примѣнять единственно полезные, рѣзко насильственные способы борьбы", и, конечно, самый полезный способъ борьбы это соціальная революція. Этими словами можно бы и кончить нашу замѣтку, но еще нѣсколько словъ pro domo sua. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что можно выставить лучшій планъ, чѣмъ предложенный на этихъ страницахъ, но авторъ убѣжденъ, что вѣрны его основныя положенія — необходимость созданія всеклассовой пролетарской организаціи, необходимость практической подготовки къ соціальной революціи. Дѣло болѣе опытныхъ товарищей указать на лучшую реализацію этихъ принциповъ. Для автора важно то, что мысль товарищей будетъ работать и въ намѣченномъ направленіи.

А. Ивановъ.

РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ ТУРЦІИ И МАКЕДОНСКІЕ ИНСУРГЕНТЫ.

(Наброски изъ исторіи движенія.)

„Пишу это письмо подъ громъ орудій и ружейныхъ залповъ.... Только что провозгласили новаго тирана, новаго султана Решадъ-эфенди. Младо-турки ликуютъ, а съ ними и вся буржуазная сволочь... Гляжу я на всю эту „революціонную комедію" и диву дивлюсь... Разскажу по порядку. Мы съ нашимъ пароходомъ пришли какъ какъ разъ въ роковой день 10-го апрѣля. Вечеромъ по городу разнесся слухъ, что ночью старо-турки начнутъ рѣзню всѣхъ христіанъ. Уже нѣсколько дней Констатинополь былъ осажденъ Македоно-Адріанопольскими младо-турецкими войсками и волонтерами.

Султанъ дрожалъ, онъ напрягалъ послѣднія, усилія, чтобы сломить энергію осаждающихъ. Но напрасно... Всѣ негодяи стараго режима поняли, что пришелъ ихъ конецъ, и поэтому рѣшились на

Еще къ вопросу о формахъ массовой организаціи.

(По поводу статьи т. Иванова).

Статью т. Иванова, помѣщенную выше въ этомъ же номерѣ „Буревѣстника", нельзя отнести въ разрядъ тѣхъ „критическихъ" потуговъ, направленныхъ по адресу революціоннаго синдикализма, которые заполняютъ въ послѣднее время столбцы нѣкоторыхъ анархическихъ журналовъ. Мы, анархисты-синдикалисты, разумѣется, безусловно несогласны со многими существенными положеніями этой статьи, но для насъ интересны тѣ организаціонныя построенія автора, которыя основаны на вѣрѣ въ основное значеніе безпартійныхъ массовыхъ организацій въ современномъ соціальномъ движеніи. Вотъ почему я считаю нелишнимъ остановиться на статьѣ т. Иванова.

Оставляю въ сторонѣ критику синдикатовъ, какъ ячеекъ будущаго общества, критику, съ которой въ нѣкоторыхъ ея частяхъ, *но не по существу*, можно согласиться. Интересующихся нашимъ отношеніемъ къ данному вопросу отсылаю къ моимъ статьямъ въ №№ 8 и 15 „Бур—ка". Обратимся къ вопросу о массовой организаціи, которому главнымъ образомъ посвящена статья т-ща Иванова.

Въ своемъ принципіальномъ отношеніи къ безпартійной профессіональной рабочей организаціи и въ вопросѣ объ участіи въ ней анархистовъ-коммунистовъ—авторъ стоитъ близко къ намъ. Ему совершенно чуждъ безпочвенный индивидуалистическій революціонаризмъ, столь характерный для непримиримо-„принципіальныхъ" критиковъ революціоннаго синдикализма изъ рядовъ западнаго и русскаго анархизма. Но совершенно справедливо не считая идеальными, съ точки зрѣнія возможнаго приближенія соціальнаго переворота, даже наиболѣе революціонныя формы пролетарскаго движенія романскихъ странъ, авторъ въ поискахъ за болѣе совершенными формами рабочей организаціи, идетъ, по нашему мнѣнію, по невѣрному пути. Какъ я не разъ указывалъ на страницахъ „Буревѣстника", мы анархисты-синдикалисты, признавая первостепенную роль въ революціонно-соціальномъ движеніи массъ безпартійной профессіональной организаціи, не считаемъ однако возможнымъ удовлетвориться *одною* ею. Эту широкую *открытую* профессіональную организацію мы считаемъ необходимымъ дополнить *тайными* группами, выполняющими техническія революціонныя функціи. Но, говоримъ мы, въ періодъ подпольной подготовительной работы эти тайныя группы, само собой разумѣется, не смогутъ охватить широкія массы пролетаріата, въ ихъ ряды войдутъ лишь его наиболѣе революціонные и сознательные элементы. Въ періодъ же открытой соціальной войны, когда партизанскія выступленія отойдутъ на задній планъ, и враждующіе классы встрѣтятся лицомъ къ лицу, въ этотъ моментъ, мы думаемъ, не будетъ надобности въ тайныхъ группахъ. Ихъ существованіе даже нежелательно въ теченіе этого переходнаго періода, такъ какъ всякая партійная група неизбѣжно будетъ стремиться къ гегемоніи въ народномъ движеніи, а отсюда шагъ къ захвату власти и партійной диктатурѣ. Народная соціально-революціонная армія составится тогда изъ всѣхъ живыхъ элементовъ пролетаріата, которые, нужно полагать, сгруппируются вокругъ его естественно выросшей на почвѣ повседневной экономической борьбы автономной профессіональной организаціи. На этой точкѣ зрѣнія стоимъ мы не одни; какъ указывалось въ упомянутыхъ статьяхъ „Буревѣстника", ея придерживаются и многіе изъ западно-европейскихъ анархистовъ-коммунистовъ, а также и революціонные антипарламентарные соціалисты, сторонники Эрве (принявшіе въ послѣдніе время названіе *инсуррекціо-*

послѣднее средство: отомщеніе въ видѣ бойни христіанъ. Но и это имъ не удалось! Ночью уже въ 3 часа началось наступленіе конституціонныхъ войскъ. Въ 5 часовъ утра шла канонада во всѣхъ концахъ. Всюду сражались. Всѣ младотурецкіе батальоны вступили въ столицу 11-го, живо занимая всѣ позиціи. Смѣняли и арестовывали полицію... Захватывали хаджей-подстрекателей, контръ-революціонеровъ солдатъ и прочую сволочь. Нѣкоторыхъ здѣсь же на улицахъ и разстрѣливали. Революція, военная революція была въ полномъ разгарѣ. Громъ пушекъ, ружейные залпы, трескъ пулеметовъ, гулъ людей, все это слилось въ общій, какой-то протяжный вой. Опоры трона Абдулъ-Гамида, въ лицѣ его вѣрныхъ защитниковъ: хаджей и старотурокъ, валились одна за другой. Казармы брались приступомъ. Я былъ очевидцемъ взятія Топъ-Хане. Славная была картина. Македонскіе четы ворвались во дворъ Топъ-Хане и перебѣгая съ мѣста на мѣсто, открыли частый огонь по казармѣ. Оттуда отвѣчали. Люди падали съ обѣихъ сторонъ, какъ мухи. Наконецъ изъ казармы Топъ-Хане выкинули бѣлый флагъ... Сдались... Кричали „да здравствуетъ свобода!“ Часа черезъ два вывозили уже болѣе 50 повозокъ съ трупами. А сколько раненыхъ?! Сколько вообще пало людей въ этотъ день, ставшій отнынѣ историческимъ?! Что за оригинальную картину представляла изъ себя „интернаціональная армія“ волонтеровъ... Тутъ были таборы: болгаръ, сербовъ, грековъ, евреевъ, албанцевъ и др. Въ 6 часовъ утра по большому мосту прошла громадная македонская чета въ 1000 человѣкъ, подъ предводительствомъ Паницы. Повстанцы пѣли „Жив е той, жив е тамъ на Балкана“ — старую революціонную болгарскую пѣсню анархиста Христо Ботева. Кровь у меня закипѣла, сердце сильно забилось подъ звуки знакомой пѣсни. Македонскіе повстанцы, — эти истые борцы, — распѣваютъ революціонную пѣснь на улицахъ деспотическаго Констатинополя! Не диковинно ли?! Словомъ получилось такое настроеніе, что трудно его передать на словахъ. Все смѣшалось въ головѣ въ общую сумму, разнообразныхъ впечатлѣній.“

Такъ писалъ намъ нашихъ товарищъ-морякъ, котораго судьба привела быть очевидцемъ турецкой революціи.

Видя самоотверженіе солдатъ и македонскихъ инсургентовъ, поражаясь ихъ героизмомъ и безпредѣльной готовностью къ самопожертвованію во имя „Свободы“, смутно ими понимаемой, товарищъ съ прискорбіемъ описываетъ намъ то „ликованіе дурней“, которое происходило послѣ провозглашенія новаго султана. „Le roi est mort! vive le roi!“ кричала толпа, оправдывая историческое пророчество стараго звонаря: „Такъ было, такъ будетъ!“ Великая трагедія человѣчества смѣнилась водевильнымъ фарсомъ. Не дѣлая своихъ комментаріевъ, мы въ нашемъ очеркѣ постараемся набросать рядъ картинъ изъ турецкихъ революціонныхъ дней и охарактеризовать въ общихъ чертахъ положеніе дѣлъ.

Итакъ свершилось!... Въ Константинополѣ, — этомъ очагѣ вѣкового рабства и деспотизма — произошла политическая революція. Низложенъ и заключенъ подъ стражу „кровавый султанъ“ Абдулъ-Гамидъ. Взяты штурмомъ, съ атакой бомбами и артиллерійскимъ огнемъ, твердыни деспотизма. Перебито и перевѣшано нѣсколько тысячъ приверженцевъ стараго режима. Революціонеры побѣдили: міровой городъ въ ихъ рукахъ. Кажется, полная побѣда конституціонной арміи, торжество политической свободы.

Но духъ рабства и религіознаго изувѣрства еще силенъ у простого магометанскаго народа. Издыхающее чудовище, Абдулъ-Гамидъ, создавшее свое царство на пирамидѣ человѣческихъ череповъ, умѣлъ омрачить дни обновленія страны новыми злодѣяніями и звѣрствами. Многіе надѣятся, что это послѣдніе взрывы ненависти магометанскаго фанатизма. Это только кровавые призраки страшнаго прошлаго! Попытки умирающаго абсолютизма отомстить еще разъ мятежникамъ и революціонерамъ неслыханными насиліями, которыми такъ прославились россійскіе и азіатскіе погромщики.

Телеграфъ изъ Малой Азіи приноситъ день за днемъ ужасающія новости. Дикія орды курдовъ и баши-бузуковъ, подстрекаемыя бѣжавшими изъ столицы реакціонерами, совершаютъ надъ беззащитнымъ населеніемъ многострадальной Арменіи дикія насилія. Города Мушъ, Діарбекиръ, Мерсина, Адана преданы опустошенію; мужчины перебиты; женщины и дѣти подвергнуты изнасилованіямъ. Цѣлыя плодородныя провинціи разграблены, жилища и поля сожжены или уничтожены. Ужасъ смерти и разрушенія царитъ кругомъ... Въ одинъ моментъ чудныя долины Арменіи превратились въ мрачное кладбище — гробницу болѣе 15,000 труповъ.

А тамъ, изъ далекой Сиріи, идутъ вѣсти о новой, надвигающейся грозѣ. Среди батальоновъ, оставшихся вѣрными своему х.-

---

налистовъ)*). Но признавая необходимость въ современный подготовительный періодъ тайныхъ революціонно-техническихъ группъ, мы главной основой будущей народной революціонной арміи все-же считаемъ его естественную экономическую организацію.

Т. Ивановъ стоитъ на другой точкѣ зрѣнія. Онъ призываетъ къ созданію массовой *боевой* организаціи. Какъ увидитъ всякій, кто читалъ статью т. Иванова, его организаціонные планы не являются во всемъ ихъ объемѣ абстрактными, придуманными построеніями. Источникъ этихъ плановъ лежитъ въ недавней россійской дѣйствительности, ихъ породила россійская революція: Идея о „совѣщаніяхъ рабочихъ“, предлагаемыя т. Ивановымъ, несомнѣнно внушена ему тѣми формами рабочей организаціи, которыя сами собой выросли въ краткій періодъ россійской революціи; я подразумѣваю „совѣты рабочихъ депутаовъ“, сыгравшіе такую значительную роль въ революціонные дни.

Но взявши свою идею изъ дѣйствительности, изъ соціальнаго опыта, т. Ивановъ не принялъ во вниманіе тѣхъ условій, при которыхъ желательная для него форма массовой безпартійной организаціи оказалась возможной и даже единственно возможной. Вотъ какъ одна изъ анархистско-коммунистскихъ группъ, работавшихъ въ Россіи въ срединѣ 1906 года, объясняла возникновеніе „совѣтовъ рабочихъ депутатовъ“: „Россійскій пролетаріатъ не имѣлъ ни времени, ни возможности сорганизоваться подобно французскому. Событія толкнули его на путь рѣшительной борьбы, когда организація его не только еще совершенно не сложилась, но даже еще не намѣтился характеръ, который она приметъ. Разразилась революція, и пролетаріатъ настойчиво сталъ искать организаціонныхъ формъ, которыя могли бы въ революціонный моментъ объединить рабочія массы, выражать ихъ стремленія и координировать ихъ дѣйствія. И подобно грандіозной идеѣ всеобщей стачки, самопроизвольно зародившейся подъ вліяніемъ экономическихъ и соціальныхъ условій въ средѣ рабочихъ массъ, подобно синдикальному движенію, самобытно выросшему изъ нѣдръ рабочаго класса, такъ же самостоятельно возникла въ средѣ рабочаго класса идея о боевомъ объединеніи въ формѣ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ“*). Возникновеніе совѣтовъ рабочихъ депутатовъ объясняется здѣсь отсутствіемъ въ Россіи революціонно-синдикальныхъ организацій. Правда въ „дни свободы“ Россія съ неимовѣрной быстротой стала покрываться профессіональными рабочими союзами, но они были основаны въ большинствѣ случаевъ соціаль-демократами, сводившими роль этихъ союзовъ исключительно къ повседневной борьбѣ и выборной агитаціи, и были закрыты раньше, чѣмъ естественная эволюція могла ихъ привести къ революціонно-синдикальной программѣ и тактикѣ. Такимъ образомъ широкія безпартійныя революціонно-настроенныя пролетарскія массы могли сорганизоваться въ Россіи только вокругъ „совѣтовъ рабочихъ депутатовъ“. Руководясь этими именно соображеніями, пишущій эти строки въ то время, когда реакція еще не восторжествовала окончатель-

*) Статья была уже набрана, когда стала извѣстна революція болонскаго съѣзда итальянскихъ революціонныхъ синдикатовъ, почти единогласно постановившая образовать внутри синдикатовъ тайныя группы для выполненія въ желательные моменты необходимыхъ актовъ разрушенія и саботажа.

Что подобныя рѣшенія синдикалистовъ не останутся лишь благими пожеланіями, а претворятся въ революціонное дѣло, — показываютъ многочисленные акты саботажа на телеграфныхъ линіяхъ, происшедшіе одновременно въ ночь на 2 Іюня во многихъ частяхъ Франціи.

*) „Буревѣстникъ“ № 4 „Проектъ доклада въ «совѣтъ рабочихъ депутатовъ» харьковской группы а.-к.“

лифу, происходитъ волненіе. Они грозятъ своимъ нашествіемъ, новыми злодѣяніями, новыми новыми потоками крови.

Далеко не все обстоитъ благополучно и въ Европейской Турціи, гдѣ въ провинціи Албаніи, происходитъ смутное броженіе, тщательно раздуваемое реакціонерами. Да и въ очагѣ революціи, въ самой Македоніи существовала всегда и продолжаетъ существовать глубокая національная вражда между турками, греками, влахами, болгарами и сербами.

Кромѣ того безпокоится турецкая земельная аристократія—беи. Она стоитъ пока за конституцію, надѣясь, что съ ея утвержденіемъ придетъ успокоеніе въ страну, вѣчно терзаемую возстаніями, набѣгами четей. Не надо замѣтить, что двѣ третьихъ обрабатываемой земли въ Турціи принадлежитъ духовенству и бюрократіи, и лишь одна треть въ собственности у земледѣльческаго населенія. Это одна изъ причинъ всесилія бывшей камарильи и духовенства. Революція пока не затронула аграрныхъ отношеній, въ которыхъ царитъ чисто средневѣковый феодализмъ. Эксплуатація крестьянства неньовѣрна... Земледѣльцы-пролетаріи обычное явленіе. Они обложены страшными податями и налогами, выколачиваемыми обанкрутившимися государствомъ. Мелкіе собственчики притиснуты беями, платятъ „десятину", живутъ въ кабальныхъ отношеніяхъ и обложены „натуральной" повинностью. Они быстро разоряются и пауперизируются. Нѣкоторыя провинціи, напр. долина рѣки Вардара, до того разорена, что скорѣе представляетъ видъ пустыни, чѣмъ обитаемаго трудовымъ народомъ края. Жители, живущіе въ плодородномъ краѣ, вынуждены влачить самое жалкое существованіе, питаясь овощами, а подчасъ и кореньями. Аграрный вопросъ—камень, который лежитъ по дорогѣ всѣхъ политическихъ революціонеровъ и обойти его имъ не удастся. Сельскіе буржуа-беи стоятъ пока за реформированіе страны, но, когда въ парламентѣ депутаты поднимали вопросъ о надѣленіи народа землею, послѣдніе говорили „если конституція означаетъ отнятіе у насъ земель—тогда никакой конституціи мы не желаемъ". Этимъ особенно пользуется теперь мусульманское духовечство и разжигаетъ классовую ненависть, спекулируя на законахъ корана и выставляя себя выразителями народныхъ стремленій.

Пока въ Македоніи нѣтъ аграрнаго, соціальнаго движенія. Народъ терпѣливо ждетъ разрѣшенія „аграрнаго вопроса" парламентскимъ путемъ. Ну, а что будетъ дальше? Не представляютъ ли для всѣхъ властъ и капиталъ имущихъ грозную опасность македонскіе крестьяне, закаленные въ нуждѣ и горѣ, воспитанные рядомъ возстаній, хорошо вооруженные и организованные въ чети? Сегодня они помогаютъ комитетамъ „Объединенія и Прогресса", чтобы низложить кровожаднаго коронованнаго палача, завтра они могутъ пожелать низложенія самого комитета, а тамъ остается посчитаться съ земельной буржуазіей, со всѣми эксплуататорами и пьявками крестьянскаго труда.

Младо-турецкіе комитеты „Объединенія и Прогресса", совершая государственный переворотъ, опираясь на армію и славянскихъ волонтеровъ, стоятъ передъ сложной дилеммой.

Какъ удержать свое вліяніе? Какъ сохранить политическое равновѣсіе?

Пока многія условія имъ въ этомъ благопріятствуютъ. Однимъ изъ главныхъ нужно считать неразвитость общественныхъ отношеній. Въ самой Турціи слабо выражены классовыя противорѣчія. Капитализма почти не существуетъ; буржуазія находится въ эмбріональномъ состояніи. Вся промышленность и торговля эксплуатируется иностраннымъ капитализмомъ. Этотъ спрутъ охватилъ своими щупальцами всѣ промышленныя учрежденія страны: банки, фабрики, желѣзныя дороги, рудники, даже почты и школы находятся въ монополіи у иностранцевъ.

Неразвитость національной индустріи, вліяніе европейцевъ, все это заставляетъ мѣстную мелкую и среднюю буржуазію сплачиваться и искать поддержки у „Объединенія и Прогресса". Торжество младо-турокъ, это вѣдь торжество національное, это централизація и обновленіе имперіи, сохраненіе ея единства, возрожденіе и укрѣпленіе промышленности, вытѣсненіе европейцевъ. А что давалъ имъ старый режимъ—Абдулъ-Гамида? Какія они извлекли выгоды изъ вѣчныхъ мятежей, бунтовъ, карательныхъ экспедицій? Всюду царилъ упадокъ, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Всюду опека назойливыхъ европейцевъ, съ ихъ институтомъ инспекторовъ, жандармеріей, постояннымъ вмѣшательствомъ и контролемъ, подъ видомъ покровительства угнетаемаго народа, на самомъ же дѣлѣ для грабежа и наживы.

Младо-турки „Объединенія и Прогресса" хорошо уловили настроеніе мусульманъ и сумѣли въ короткое время сплотить подъ

но, и можно было ждать новаго подъема народнаго движенія, рекомендовалъ анархистамъ-коммунистамъ вступать въ „совѣты рабочихъ депутатовъ" и приложить при этомъ всѣ усилія къ тому, чтобы эти рабочія учрежденія, принявшія подъ вліяніемъ парламентскихъ соціалистическихъ партій характеръ *революціонно-политическій* и *законодательный*, превратить въ *соціально-революціонныя совѣщанія* рабочихъ*).

Но т. Ивановъ полагаетъ, что анархисты-коммунисты должны насадить такія организаціи и въ тѣхъ странахъ, гдѣ уже имѣются на лицо сильные профессіональные союзы. Правда онъ не предлагаетъ уничтожить послѣдніе, но главную роль въ организаціи массъ для соціальной революціи онъ все-же отводитъ новымъ „совѣщаніямъ рабочихъ". Но развѣ не ясно, что если бы западные анархисты-коммунисты даже рѣшили послѣдовать совѣту т. Иванова, то изъ ихъ попытокъ ничего бы не вышло. Эти формы организаціи оказались пригодными въ Россіи въ революціонный періодъ, когда внезапно подвинувшіяся событія поставили предъ рабочимъ классомъ опредѣленную задачу: довести революцію до ея конечной цѣли, или въ крайнемъ случаѣ урвать у государства и капитала максимумъ возможныхъ уступокъ. Тогда каждый день выдвигалъ предъ „совѣщаніями рабочихъ" новые злободневные вопросы, которые эти совѣщанія, и только они, должны были немедленно разрѣшить. Для такого періода, періода революціи, когда нарушаются всѣ мирныя и легальныя формы организаціи и воздѣйствія, совѣты рабочихъ делегатовъ, „совѣщанія рабочихъ", оказалась соотвѣтствующими; недаромъ онѣ были созданы самимъ рабочимъ классомъ въ процессѣ революціонной борьбы. Но какъ только настроеніе понизилось, и подъемъ духа въ народныхъ массахъ сталъ уступать мѣсто реакціи,—всѣ попытки создать новые совѣты рабочихъ депутатовъ оказались тщетными. Они уже не соотвѣтствовали новому настроенію, для нихъ не было дѣла,—и въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ удавалось ускользать отъ полицейскихъ преслѣдованій, эти организаціи умирали естественной смертью. Созданныя въ процессѣ революціи, они оказались ненужными въ сѣрыя будни реакціи. Остатки энергіи рабочаго класса уходили на дѣятельность въ легальныхъ профессіональныхъ союзахъ,—этихъ россійскихъ тредъ-юніонахъ,—болѣе или менѣе отвѣчавшихъ мелкимъ запросамъ мирнаго времени, пока наконецъ и эти союзы не были задушены окончательно обнаглѣвшимъ „самодержавно-конституціоннымъ" правительствомъ.

Какую же роль отводитъ т. Ивановъ „совѣщаніямъ рабочихъ" въ мирное время? Всѣ тѣ задачи, которыя онъ ставитъ этимъ „совѣщаніямъ", съ успѣхомъ выполняются или могутъ выполняться синдикатами. Главнымъ доводомъ т. Иванова въ пользу необходимости этихъ „совѣщаній" является предположеніе, что въ этихъ „совѣщаніяхъ" всѣ рабочіе, даже неорганизованные, будутъ видѣть *свою* организацію. Но это вѣрно лишь для революціоннаго времени, когда въ выборахъ делегатовъ въ „совѣщанія" можетъ участвовать очень значительная, если не большая часть всего пролетаріата. Въ мирное же время массы останутся совершенно равнодушными къ этой „затѣѣ", такъ какъ для экономической борьбы онѣ всегда организовывались въ профессіональные союзы. Невѣрно также и предположеніе т. Иванова, будто Конфедерація Труда является представительницей лишь синдикатовъ. Это ея оффиціальная функція, фактически она представляетъ всѣ сознательные пролетарскіе элементы страны. Почтово-телеграфные чиновники, не входившіе въ Конф. Тр. въ своей борьбѣ съ французскимъ правительствомъ, знали, что за ихъ спиной стоитъ Конфедерація, а черезъ нея и вся сознательно-революціонная часть французскаго пролетаріата.

*) „Буревѣстникъ" № 6—7 „Всерос. раб. съѣздъ и соціалъ-демократія".

своимъ знаменемъ тысячи людей различныхъ классовъ и положеній. Добились они и поддержки всѣхъ національныхъ революціонныхъ организацій, какъ-то арабской и армянской („Дашнакцутюнъ") въ Малой Азіи, и всѣхъ македонскихъ комитетовъ, какъ автономистовъ, такъ и крайнихъ централистовъ съ Яне Сандансинимъ во главѣ.

Если съ турецкой буржуазіей и мелкимъ чиновничествомъ ихъ сблизила идея національнаго единства, жажда эманципаціи отъ иноземнаго ..га и возрожденія своей промышленности, — то съ македонцами ихъ спаяла во-едино общая ненависть къ абсолютизму, страстное желаніе свалить Абдула-Гамида. Младо-турки посулили своимъ энергичнымъ союзникамъ полную автономію, они предложили даже образовать вокругъ обновленной Турціи нѣчто вродѣ обширной Балканской Конфедераціи, въ которую войдутъ не только Македонія, Албанія, Арменія, Аравія, но и сосѣднія независимыя государства, начиная съ Греціи и кончая Сербіей, Болгаріей и Черногоріей. Эти идеи вскружили голову не одному политическому революціонеру.

Сумѣютъ ли младо-турки удовлетворить всѣмъ группамъ и національностямъ, разрѣшатъ ли они всѣ экономическіе и политическіе вопросы, минуя Сциллы и Харибды,—покажетъ ближайшее будущее. Мы не беремся предсказывать. Пока можно замѣтить одно, что младо-турки дѣйствуютъ хитро и разсчетливо,- лавируя между отдѣльными категоріями общества, избѣгая взять въ свои руки бразды правленія, предоставляя его разнымъ Магометамъ, Хильми-пашамъ и К° и вліяя на политическую жизнь черезъ свои клубы и вліятельную прессу.

Они надѣются сохранить соціальную гармонію, они хотятъ такъ устроить, чтобы и „волки были сыты, и овцы цѣлы". Удастся ли?! Еще во время прошлогоднихъ событій, на ясномъ небосклонѣ появились нѣкоторые симптомы грядущей грозы, но это только мерцающія на отдаленномъ горизонтѣ зарницы. Мы говоримъ о забастовкахъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ въ Малой Азіи, носившихъ рѣзко выраженный экономическій характеръ, о волненіяхъ многочисленнаго люмпенпролетаріата большихъ портовыхъ городовъ, такъ часто эксплуатируемаго въ корыстныхъ цѣляхъ реакціонной камарильей.

Сказалась эта „опасность слѣва" и въ нынѣшнемъ году, наканунѣ самой революціи. Какъ она была вызвана? Что произошло до рокового дня возстанія контръ-революціонеровъ?

Въ Константинополѣ 25 марта былъ убитъ либеральный журналистъ органа „Сербести" Хасанъ-Фехми. Кто были убійцы, — осталось тайной. Но либералы подозрѣвали въ этомъ младо-турокъ, съ которыми у нихъ была упорная борьба. Страсти съ каждымъ днемъ разгорались. Могла всякую минуту вспыхнуть междуусобная война. Но здѣсь случилось нѣчто непредвидѣнное. Организованный недавно черносотенный „Магометанскій Союзъ" рѣшилъ воспользоваться подходящимъ моментомъ и разослалъ по казармамъ своихъ агентовъ-провокаторовъ, которые призывали возстать во имя попраннаго религіознаго закона. Іезуитски хитрые хаджи-заговорщики дѣйствовали обдуманно и ловко, боясь прямо посягнуть на конституцію.

Но планы ихъ потерпѣли полное фіаско. Утромъ громадныя толпы солдатъ III и IV батальоновъ, руководимыя софтами и ходжами, собрались на Атъ-Мегданѣ. Солдаты арестовали и частью перебили младо-турецкихъ офицеровъ, напали на парламентъ и атаковали его. Было убито нѣсколько депутатовъ и по ошибкѣ начальникъ полиціи Назимъ. Другая толпа мятежниковъ неистовствовала въ городѣ, избивала иностранцевъ, громила конституціонные клубы. Надежды реакціонеровъ не сбылись: вся армія не перешла на сторону контръ-революціи. Вѣрныя конституціи войска вступили въ бой съ мятежниками.

А въ это время строилъ свои козни Абдулъ-Гамидъ, окруженный шайкой клевретовъ. Объявлена была отставка министерства. Назначено новое, съ великимъ визиремъ Тевфикомъ-пашей во главѣ. Когда же султанъ узналъ, что младо-турецкія войска двигаются къ столицѣ, онъ рѣшился на послѣднее средство, сталъ организовывать бойню христіанъ, чтобы вызвать такимъ образомъ вмѣшательство Европы.

Въ то же время онъ писалъ германскому и австрійскому императорамъ, предлагая имъ оккупировать столицу Македоніи.

Революція разрушила его планы. Событія разростаются съ удивительной быстротой. 9-го апрѣля въ Сенъ-Стефано засѣдаетъ уже Національное Собраніе, которое одобрило дѣйствіе революціонной арміи. Послѣдняя, оцѣпивъ кольцомъ Константинополь, 10 апрѣля начала штурмъ. Взяты были казармы, дворецъ Ильдизъ-Кіоскъ, захваченъ въ плѣнъ самъ грозный „повелитель правовѣрныхъ" Абдулъ Гамидъ. Совершены массовые разстрѣлы его сподвижниковъ. Самъ низложенный султанъ увезенъ въ городъ революціи — Салоники, гдѣ его содержатъ подъ строгимъ надзоромъ, въ ожиданіи суда.

Газета македонскихъ федералистовъ, „Народная Воля", посвящая статью прибытію „дорогого гостя" Абдулъ-Гамида, выражаетъ надежды, что этотъ деспотъ, правившій 30 лѣтъ при помощи насилія и террора, совершавшій клятвопреступленія, не останавливавшійся передъ грабежемъ и „государственной измѣной", будетъ по достоинству наказанъ.

Мы лично являемся противниками разныхъ осужденій и каръ, по приговорамъ всякихъ судовъ, хотя бы и революціонныхъ. Мы предпочли бы видѣть Абдулъ-Гамида разстрѣляннымъ во время мятежа отрядомъ ворвавшихся во дворецъ солдатъ-революціонеровъ.

Ибо, акты народной ненависти не нуждаются въ санкціи. А теперь—Абдулъ-Гамидъ въ плѣну у революціи.*)

Не будь на младо-турокъ давленія со стороны европейской дипломатіи, они навѣрное съ большимъ удовольствіемъ повѣсили бы своего бывшаго повелителя на самыхъ высокихъ воротахъ города. Но Европа, проклятая дипломатія,—она всюду суетъ свой носъ. А теперь имъ приходится разыгрывать комедію военнаго суда надъ измѣнникомъ націи, оправдывать свои поступки различными комментаріями.

До настоящаго времени мы останавливались по преимуществу

*) Военные трибуналы въ Константинополѣ, выносящіе свои приговоры и публично совершающіе смертныя казни, уподобились въ данномъ случаѣ французскимъ якобинцамъ эпохи Великой Революціи. Это опасный путь, на который равнымъ образомъ вступаютъ всѣ политическіе революціонеры, апологеты диктатуры. Едва ли нужно прибавлять, что военная диктатура младотурокъ еще болѣе ужасна по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ всякая диктатура. Сначала пали на эшафотѣ головы враговъ „справа", сподвижниковъ развѣнчаннаго тирана, затѣмъ приходитъ очередь опозиціонеровъ, членовъ „Либеральнаго Союза", а тамъ—кто знаетъ? не ожидаетъ ли опасность македонскихъ „сапаратистовъ" и всѣхъ „крайнихъ"?!

Кромѣ того турецкіе „демократы", поспѣшивъ провести исключительные законы о печати, о правѣ стачекъ и бродяжничествѣ, пока ровно ничего не сдѣлали для облегченія судьбы голоднаго крестьянства. Н-

---

Еще много, конечно, придется работать революціоннымъ элементамъ Конфедераціи для того, чтобы побѣдить сильныя и въ ея средѣ реформистскія теченія, еще много придется положить силъ для того, чтобы уничтожить въ этой организаціи остатки трэдъ-юніонистскаго духа и сдѣлать ее въ дѣйствительности сильной соціально-революціонной организаціей, но для этого путь одинъ:—пропаганда словомъ и дѣломъ на почвѣ ежедневно возникающихъ конфликтовъ съ государствомъ и капиталомъ и дополненіе открытой массовой организаціи нелегальными тайными группами.

Т. Ивановъ недовѣрчиво относится къ способности Конфедераціи Труда мобилизовать народную революціонную армію, онъ полагаетъ, что она пригодна лишь для организаціи мирной легальной профессіональной борьбы. Будущее покажетъ, насколько правъ былъ въ своемъ недовѣріи т. И. Но если бы даже Конфедерація профессіональныхъ союзовъ въ рѣшительный моментъ оказалась неспособной выполнить мобилизацію народной арміи, пролетаріатъ безъ сомнѣнія создалъ бы въ революціонный періодъ новыя формы организаціи, причемъ возможно, что эти послѣднія были бы близки по типу къ тѣмъ, какія создались въ періодъ русской революціи. Анархисты-коммунисты, стоящіе на точкѣ зрѣнія массового движенія, вошли бы, конечно, въ эти новыя организаціи. Но пока гадать не приходится, и мы должны быть тамъ, гдѣ въ настоящей моментъ бьется пульсъ массового пролетарскаго движенія; въ нынѣшнее время этимъ мѣстомъ являются синдикаты, и туда мы должны направить всю нашу энергію.

Искуственныя же насажденія союзовъ и партій предоставимъ тѣмъ, кто не вѣритъ въ творческій духъ народныхъ массъ, и кто считаетъ свою партію призванной освободительницей народа.

М. Равскій.

на отдѣльныхъ эпизодахъ послѣдняго переворота, теперь намъ придется указать на тѣ причины, которыя издавна подготовляли его, ослабляя и дезорганизуя турецкій абсолютизмъ. Еще деспотъ всея Россіи, Николай I называлъ Турцію „больнымъ человѣкомъ". Болѣзнь ея была неизлѣчимая, хроническая; она проявлялась въ формѣ финансоваго банкротства и разложенія бюрократіи.

Съ этого времени, подъ вліяніемъ возстаній балканскихъ славянъ, оттоманская имперія шла быстро къ своему паденію. Въ 90-ые годы вспыхнули безпорядки въ Арменіи, правительство отвѣтило звѣрскими погромами, превративъ страну въ кровавыя гекатомбы труповъ.

Армянскіе революціонеры отомстили за себя. Въ Константинополѣ впервые услышанъ былъ голосъ динамита. Бомбы армянскихъ террористовъ заставили заговорить весь міръ.

Покушеніе на Абдулъ-Гамида принудило этого трусливаго, какъ и всѣ тираны, человѣка сдѣлаться „вѣчнымъ отшельникомъ" Илдизъ-Кіоска. А страна продолжала проявлять непокорство.

Еще задолго до появленія младо-турокъ и конституціоннаго движенія въ Турціи началось революціонное движеніе въ Греціи, на островѣ Критѣ, въ Македоніи...

Особенно видную роль въ дѣлѣ разрушенія абсолютизма сыграла послѣдняя, поэтому на движеніи этой страны мы и остановимся подробно въ этой части нашего очерка.

Въ Македоніи, еще въ 1878 году, въ живописной долинѣ Солунскаго (Солониксsuccкаго) вилаета вспыхнуло такъ называемое Крѣсненское возстаніе крестьянъ, которые, примитивно вооруженные, напали на турецкія казармы, перебили солдатъ и завладѣли ихъ оружіемъ. Въ теченіе недѣли повстанческое движеніе быстро охватило всю провинцію на рѣкѣ Струмѣ и нашла отголосокъ даже въ другомъ концѣ Македоніи, въ Розложской долинѣ. Мѣстныя власти были разбиты и въ паникѣ разбѣжались. Возставшіе крестьяне были полными хозяевами положенія. Но скоро нахлынули полчища регулярной арміи и башибузуки. Движеніе было жестоко подавлено. Болѣе 10,000 крестьянъ бѣжало и искало убѣжища въ сосѣднихъ государствахъ, въ Сербіи и Румыніи.

Въ покоренной провинціи воцарились надолго „карательныя экспедиціи", которыя и чинили всюду судъ и расправу.

Настала мертвая тишина, едва только нарушенная въ 80-ые годы такъ называемымъ „Охридскимъ заговоромъ", открытымъ и задушеннымъ въ самомъ началѣ.

Македонія была подавлена дикой реакціей, мертвящей всякое живое проявленіе, которая и длилась ровно 15 лѣтъ. Только въ началѣ 90 гг. началось снова пробужденіе духа возмущенія: то здѣсь, то тамъ вспыхиваютъ стихійные бунты крестьянъ. Въ 1893 г. въ странѣ уже организуется тайная „Внутренняя Революціонная Организація", ставящая своей цѣлью вызвать *народную массовую революцію.* Слѣды ея дѣятельности не замедлили проявиться: въ 95 году вспыхнуло частичное возстаніе, превратившееся въ открытое сраженіе съ войсками. Съ этого времени событія идутъ crescendo, превращаясь къ 1902 году въ широкое партизанское революціонное движеніе.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробно останавливаться на захватывающихъ по своему драматизму событіяхъ изъ македонской революціонной жизни, полной бурными столкновеніями, повстаніями, взрывами бомбъ и динамита. Правительству Абдулъ-Гамида пришлось серьезно считаться съ этимъ движеніемъ. Въ теченіе пятилѣтія оно получило рядъ рѣшительныхъ ударовъ и ничего не успѣло въ дѣлѣ задушенія революціи.

Тогда оттоманскія власти рѣшились терроризировать всю страну, залить ее кровью мирнаго населенія, истребляя огульно всѣхъ македонцевъ... Настала эра террора, конфискацій и разграбленій имущества, массовыхъ убійствъ, по судамъ и безъ оныхъ; введена была самая страшная инквизиція, съ сжиганіями, сажаніемъ на колъ, вытягиваніемъ жилъ...

Всѣ знаменитыя тюрьмы, отъ „Эди-Кузе" въ Салоникахъ до Мало-Азіатской „Будрумъ-Казе" стали свидѣтелями средневѣковыхъ ужасовъ, при одномъ воспоминаніи о которыхъ морозъ подираетъ по кожѣ. Мартирологъ македонскихъ революціонеровъ, погибшихъ за эти мрачные годы, безконеченъ. Но и здѣсь ожиданія Абдулъ-Гамида и его шайки не оправдались. Революціонный духъ не вымеръ въ Македоніи, а принялъ еще болѣе рѣзкую и опредѣленную форму. Дѣятельность нелегальныхъ четей увеличивалась... Возстанія стали перманентными. Ряды инсургентовъ быстро росли, пополняясь бѣжавшими изъ разворенныхъ провинцій крестьянами. Дѣйствія ихъ становились все болѣе рѣшительными и дерзкими. Вооруженные ружьями системы „Манлихеръ" и ручными динамитными бомбами, они становились неуловимыми для войскъ и жандармеріи, скрываясь въ лѣсныхъ трущобахъ или горныхъ ущельяхъ.

Каковы были цѣли македонскихъ революціонеровъ, какая программа лежала въ основѣ „Внутренней Революціонной Организаціи?" Какъ мы уже говорили выше, ея ближайшей цѣлью была *массовая революція.* Македонская борьба велась безъ всякой опредѣленной идеологіи—въ рядахъ ея революціонной арміи были націоналистическіе и республиканскіе, соціалистическіе и анархическіе элементы. Адскій режимъ абсолютизма спаялъ ихъ въ одно цѣлое. Ихъ боевой лозунгъ былъ простъ и ясенъ: „*Свобода или Смерть*",—вотъ слова которые красовались на ихъ красномъ знамени.

Идейная пропаганда велась слабо; некогда было: дикія азіатскія условія мѣшали не только созданію революціонной прессы, но и вообще всякой литературы на родномъ языкѣ. Партизанская борьба четей пріучила революціонеровъ къ бивуачной, кочевой жизни. Эти своеобразные „лѣсные братья" проводили весну и лѣто въ горахъ, а зиму коротали, скрываясь по пограничнымъ селеніямъ.

Единственной школой ихъ была сама жизнь. Они начали борьбу безъ доктрины, безъ опредѣленной программы и выработали ее уже въ самомъ процессѣ борьбы.

Какъ итальянскій революціонеръ Карло Пизакане, македонцы ставили революціонные факты выше теорій. Когда делегаты ихъ попробовали впослѣдствіи сформулировать свои принципы, они высказались за федеративную республику—Балканскую Швейцарію. Выдвигая интернаціоналистскій принципъ, они отстаивали въ то же время идею полнаго самоопредѣленія національностей, автономіи и мѣстнаго самоуправленія.*) Душою македонской организаціи былъ Георгій Дѣльчевъ,— этотъ балканскій Гарибальди, типъ неутомимаго народнаго революціонера,— впослѣдствіи трагически погибшій въ сраженіи 21 апрѣля 1903 года при с. Банницѣ, Сѣрскаго санджака. Дѣльчевъ былъ крайнимъ республиканцемъ-федералистомъ, въ послѣднее время онъ симпатизировалъ анархизму, и вокругъ него группировалась лучшая революціонная молодежь, съ анархистами Нунковымъ и Михаиломъ Герджиковымъ во главѣ. Вліяніе анархистскихъ элементовъ на организацію сказывалось и въ ея тактикѣ, которая такъ не по нутру была болгарской соціальдемократіи, писавшей, что „македонскіе дѣятели постоянно предпочитаютъ анархическій методъ пропаганды дѣйствіемъ пропагандѣ словомъ и почти исключительно прибѣгаютъ къ первому" (см. „Два направленія" Бол. Раб. Соц. Пар.). Соціальдемократы порицали македонскихъ дѣятелей этого періода за терроризмъ и революціонное партизанство, за ихъ базированіе на крестьянствѣ, а не на наемныхъ рабочихъ, которые кстати сказать въ тѣ времена были крайне малочисленны и представляли собой скорѣе мелкихъ ремесленниковъ, чѣмъ индустріальный пролетаріатъ.

Впослѣдствіи, когда македонскіе революціонеры убѣдились, что реализаціи ихъ стремленій мѣшаетъ не только разлагающаяся имперія оттомановъ, но и весь синклитъ европейскихъ государствъ, конституціонныхъ и республиканскихъ, вся западная буржуазія, живущая насчетъ грабежа и хищенія природныхъ богатствъ Македоіи, тогда они смѣло сдѣлали вызовъ й послѣднимъ.

Потерявъ надежду на свое освобожденіе отъ ига Турціи, ибо этому сознательно препятствуетъ заинтересованная „демократическая Европа" и „братская балканскимъ славянамъ Россія", македонцы рѣшили развернуть свою борьбу на два фронта и нанести ущербъ экономическимъ интересамъ другихъ государствъ. За подобный поворотъ тактики особенно энергично агитировалъ нынѣ погибшій товарищъ К. Нунковъ, авторъ брошюры: „Руководство къ приготовленію взрывчатыхъ веществъ".

Участвуя въ македонскомъ движеніи, анархисты принимали неоднократно участіе и въ террористическихъ актахъ (напр. взрывы иностранныхъ судовъ „Гвадалквивиръ", „Васкопу", поѣзда-экспрессъ на линіи Бургаза и др.) и въ цѣломъ рядѣ сраженій съ войсками.

Достаточно припомнить геройское вооруженное сопротивленіе съ метаніемъ бомбъ, которое оказали войскамъ (въ 2000 человѣкъ) анархисты Св. Мерджановъ и Соколовъ и ихъ 9 товарищей

---

*) Соціальдемократы, издававшіе въ 90-ые годы органы „Революція" и „Политическая Свобода", тоже защищали федерализмъ и въ тактикѣ доходили до признанія политическаго терроризма. Н. Р.

во время одной „экспропріація“ бея въ с. Кивечь-Хасъ-Квой.*) Бой длился нѣсколько часовъ. Соколовъ и 6 товарищей пали убитыми; Мерджановъ и остальные были ранены, арестованы и затѣмъ публично казнены въ Адріанополѣ, въ ноябрѣ 1901 года.

Въ другомъ столкновенія въ с. Клиново Солунскаго вилайета, повстанцы, руководимые болгарскимъ анархистомъ Вербаномъ Килифарскимъ, благополучно избѣгли истребленія ихъ жандармами и скрылись.

Особенно же видную и руководящую роль игралъ въ возстаніяхъ послѣднихъ лѣтъ (1901—03) анархистъ-коммунистъ Михаилъ Герджиковъ**), участвовавшій въ кровопролитныхъ сраженіяхъ въ с. Мусаково, Бѣлицы, Василико (Адріан. вилайета).

Во время тайной конференціи македонскихъ революціонеровъ на Св. Горѣ, онъ поддерживалъ предложеніе Г. Дѣльчева и соціалиста Стефанова, которые настаивали на томъ, чтобы массовое возстаніе было дополнено террористическими дѣйствіями нелегальныхъ четей.

На этомъ же конгрессѣ революціонеры обсуждали вопросъ о провозглашеніи общаго возстанія, о рядѣ покушеній на видныхъ сановниковъ и учрежденія, принадлежавшія буржуазіи, — какъ-то: банки, фабрики, рудники въ Рожденѣ, Гюреджикѣ и др. Предложеніе анархическихъ элементовъ взяли верхъ; въ качествѣ методовъ, удобныхъ для примѣненія, были признаны всѣ виды и формы action directe, будутъ ли это акты, митинги протеста, демонстраціи, повстанческія дѣйствія, кромѣ того парализованіе функцій коронныхъ судовъ, экономическая борьба: бойкотъ, отказъ отъ уплаты податей.

Этотъ конгрессъ рѣшилъ планъ возстанія, и делегаты разъѣхались для постановки работы на мѣстахъ. Въ качествѣ прелюдіи къ возстанію рѣшили устроить террористическую компанію. Въ апрѣлѣ 1903 года въ Салоникахъ, столицѣ Македоніи, совершена была серія динамитныхъ покушеній, отъ которыхъ пострадали интересы не только Турціи, но и всей Европы.

Первый былъ 15 апрѣля, — это взрывъ французскаго парохода „Гвадалквивиръ“, доставлявшаго турецкимъ властямъ боевые припасы. Далѣе слѣдуютъ взрывы бомбъ: на главной почтѣ, въ поѣздѣ-экспрессъ, идущемъ въ Константинополь, наконецъ самый страшный взрывъ адской машины въ Оттоманскомъ банкѣ. Все зданіе было охвачено пламенемъ, раздался подземный гулъ, какъ при землетрясеніи. Газопроводъ въ городѣ былъ испорченъ, всюду погасли лампочки. Настала темнота. Паника воцарилась неописуемая. Въ это время нѣсколько революціонеровъ была атакованы властями, они мчались въ фаэтонахъ, защищаясь ручными бомбами.

Оказаны были вооруженныя сопротивленія, у „Вардаръ—Копія“ застигнутый террористъ защищался и былъ застрѣленъ. Второй товарищъ, засѣвшій возлѣ кафе „Альгамбра“ въ своей квартирѣ, долго защищался, выбросилъ въ осаждающихъ 36 динамитныхъ бомбъ и, не видя исхода, покончилъ съ собой. Убитъ былъ и террористъ, пытавшійся проникнуть съ разрывнымъ снарядомъ въ зданіе градоначальства. Всѣ террористы, исполнители актовъ въ банкѣ, на вокзалѣ, у русскаго консульства, были убиты. Вотъ ихъ имена: Цвѣтко, Илья Трочковъ, Ладо Пинговъ, І. Іордановъ, Диме Мечето и К. Кирковъ. Они умерли, мужественно отстрѣливаясь. Усмиривъ крамольниковъ, турецкія власти начали бойню мирнаго населенія. Пало болѣе 250 обывателей. Имущество ихъ было разграблено. Неизвѣстно, что сталось бы дальше, если бы не пушечные выстрѣлы австрійской эскадры, которая прибыла въ гавань. Какъ по мановенію волшебнаго жезла бойня прекратилась.

Отголоскомъ солунскихъ событій была еще бойня, учиненная въ Монастырѣ властями, подозрѣвавшими тамъ существованіе заговора. Всѣ эти звѣрства вызвали сильное возбужденіе въ странѣ. Революціонеры съ усиленной энергіей готовили возстаніе. Оно вспыхнуло 20 іюля почти повсемѣстно, въ Солунскомъ, Битолійскомъ, (Монастырскомъ), Скопскомъ и Адріанопольскомъ вилайетахъ.

Многіе города были во власти инсургентовъ. Казармы брались штурмомъ; взрывались мосты и желѣзнодорожныя линіи, чтобы замедлить передвиженіе войскъ; было нѣсколько случаевъ взрывовъ воинскихъ поѣздовъ, съ человѣческими жертвами.

*) См. мою корреспонденцію „Революціонное движеніе въ Македоніи“, „Хлѣбъ и Воля“ № 6. 1903—1904. Н. Р.

**) Впослѣдствіи арестованный въ Болгаріи, какъ редакторъ анархическаго органа „Свободное Общество“, вскорѣ послѣ убійства президента министровъ. Н. Р.

Многіе общественныя зданія были подложены при помощи петролеума, накачиваемаго изъ пожарныхъ помпъ и затѣмъ разрушены. Въ г. Крушево были смѣщены всѣ власти, и установлено народное самоуправленіе, то же самое было введено впослѣдствіи въ городахъ и селахъ Адріанопольскаго вилайета, гдѣ руководилъ дѣйствіями революціонныхъ четъ тов. М. Герджиковъ. Два мѣсяца слишкомъ „гуляли“ повстанцы по Македоніи, терроризируя беевъ, избивая властей и войска. Эта революціонная „демонстрація“ не прошла безслѣдно. Турецкое правительство растерялось; вмѣшались европейскія власти, двинувъ свою эскадру, въ македонскіе порты. Они обязали Турцію произвести коренныя реформы въ странѣ, подъ строгимъ контролемъ европейцевъ.

Русскій и австрійскіе императоры держали по поводу македонскихъ событій въ Мюрштегѣ (Венгрія), коронованные союзники рѣшили оказать свое „высокое покровительство“ „угнетеннымъ славянамъ.“ Для реформаторской работы Хильми-паши открылось широкое поприще. Послѣ возстанія, вплоть до 1906 года не произошло особыхъ событій въ Македоніи. Реформы, проектируемыя европейцами, какъ слѣдовало ожидать, остались только на бумагѣ. Со смертью Г. Дѣльчева произошли перемѣны въ „революціонной организаціи,“ и на конгрессѣ 1906 года она уже распалась на двѣ фракціи: націоналистовъ—автономистовъ и централистовъ, вдохновляемыхъ энергичнымъ революціонеромъ Я. Сандансколомъ. Анархическое вліяніе ослабло; нѣкоторые товарищи вернулись въ Болгарію*), гдѣ попытались создать чисто анархическое движеніе (какъ напримѣръ В. Килифарскій, М. Герджиковъ, К. Тодоровъ и др.), остальные сложили свои буйныя головы въ горахъ и долинахъ Македоніи. Вокругъ Яна Санданскаго стали группироваться новые люди, преимущественно соціалисты бланкискаго типа. Они высказались въ будущемъ за демократическую республику, за конституцію и единство Турціи*) въ настоящемъ, — поэтому они стали поддерживать коммитетъ „Объединеніе и прогрессъ“.

„Автономисты“ упрекали ихъ въ туркофильствѣ, въ измѣнѣ старымъ принципамъ—послѣдніе въ свою очередь упрекали первыхъ въ шовинизмѣ и національмѣ. Завязалась вражда,**) которая не прекращается и до настоящаго времени. Адепты Санданскаго, поддерживаемые мѣстными соціалъ-демократами, укрѣпились главнымъ образомъ въ сѣверномъ округѣ и Адріанопольскомъ вилайетѣ, автономисты же преобладаютъ въ районахъ: Скопскомъ, Солунскомъ и Битолійскомъ.

Послѣ провозглашенія конституціи въ 1908 году 29 августа состоялась очередная конференція македонскихъ революціонныхъ организацій въ Адріанополѣ. Въ виду измѣнившихся условій, былъ поднятъ вопросъ о превращеніи тайной организаціи въ *легальную* политическую партію, но это предложеніе было отвергнуто большинствомъ голосовъ, принявшимъ слѣдующую резолюцію: Революціонная организація продолжаетъ существовать. Она и впредь остается *революціонной* по своимъ цѣлямъ и средствамъ. Конгрессъ рекомендуетъ принять всѣ мѣры, чтобы сконцентрировать ея разрозненные ряды.“ Въ то же время македонскіе революціонеры поставили на очередь аграрный вопросъ, выразивъ свою солидарность и готовность поддержать крестьянство въ его движеніи во имя конфискаціи земель, принадлежащихъ всѣмъ беямъ и султану и передачи ихъ въ собственность всѣхъ малоземельныхъ и неимущихъ.

Съѣхавшіеся делегаты высказались также за примѣненіе въ дѣлѣ организаціи своихъ силъ принципа федерализма. Какія тенденціи возьмутъ верхъ въ македонскомъ движеніи, погрязнетъ ли оно въ тинѣ парламентаризма и реформизма, или выйдетъ на путь классовой борьбы, пытаясь разрѣшить при помощи action directe

*) Въ самое послѣднее время произошли въ Софіи аресты динамита и оружія, а также нѣсколькихъ анархистовъ, членовъ Солунской группы „Янаки“, яко бы готовившихся убить новопровозглашеннаго короля Фердинанда.

Это цареубійство предполагалось будтобы провести, какъ демонстрацію, въ отместку за авантюристическую политику дворцовой камарильи противъ Македоніи. Анархисты Н. Николаевъ, Вл. Найденовъ, и русскій Ерофеевъ и др. и до сихъ поръ содержатся въ тюрьмѣ „Черной Джаміи“, въ ожиданіи судебнаго процесса. „Македонскіе анархисты“ стали жупеломъ для болгарскаго либерально-демократическаго правительства. Н. Р.

**) Особенно обострились отношенія послѣ сенсаціоннаго убійства „санданистами“ македонскихъ дѣятелей: Бориса Сарафова и Ив. Гарванова, обвиненныхъ въ измѣнѣ національному дѣлу, въ интересахъ дворцовой политики Фердинанда и комп. Борисъ Сарафовъ, будучи большимъ диктаторомъ и честолюбцемъ, игралъ печальную роль въ движеніи, напоминая въ этомъ отношеніи Георгія Гапона.

(Смотр. „Македонская революціонная организація и болгарское правительство“. Открытое письмо Сѣрскаго революціоннаго комитета.) Н. Р.

сложный и запутанный аграрный вопросъ, покажетъ ближайшее будущее.

Въ заключенie намъ остается сказать нѣсколько словъ объ отношенiи македонцевъ къ послѣднимъ событiямъ. Революцiя въ Константинополѣ не захватила ихъ врасплохъ. Какъ только въ Салоники пришла вѣсть о переворотѣ и посягательствѣ на конституцiю, во всей странѣ стали организовываться митинги протеста и манифестацiи. Царило сильное возбужденie, народъ быстро вооружался. Отряды добровольцевъ изъ Велеса, Щина,, Кукуша, Гевгелiи, Струмицы потянулись въ столицу. Число волонтеровъ быстро росло. Вооруженные маузерами, одѣтые въ оргинальные костюмы, руководимые своими „воеводами" Сандансимъ, Паницей. Чернопѣевымъ, они шли на рѣшительный бой за свободу. Всюду неслись вольныя пѣсни, среди которыхъ слышны были и русскiя „Пѣснь труда" „Смѣло, друзья, не теряйте!" Эти мелодiи, неслись грозно и мощно, въ нихъ сказывалась гордая увѣренность, надежда на лучшее будущее. Они были полнымъ контрастомъ той унылой пѣсни, казненнаго русскаго бунтаря Д. Лизогуба, „Прости несчастный мой народъ!", которую такъ любили пѣть македонскiе узники, идя закованными въ кандалы, въ далекую каторгу Малой Азiи и Африканскихъ колонiй.

Македонскiе повстанцы пролили впервые свою кровь подъ стѣнами Константинополя. Они сражались, какъ львы и побѣдили. Абсолютизмъ палъ, и всѣ демократическiе элементы обширной имперiи празднуютъ свою побѣду.

Но будущее македонскаго народа, смѣлаго и энергичнаго, еще все впереди. Пройдя два первыхъ этапа вмѣстѣ съ турецкими революцiонерами, онъ будетъ вынужденъ уже одинъ идти впередъ, борясь за дальнѣйшее, экономическое и нацiональное освобожденie своей родины.

Н. Рогдаевъ.

РЕВОЛЮЦIОННОЕ ДВИЖЕНIЕ ВЪ КИТАѢ.*)

У насъ создалось очень туманное представленie о жизни Китая, объ экономическомъ положенiи его, о степени цивилизацiи, объ обычаяхъ и нравахъ обитателей этой страны.

Этому не мало способствовали сами китайцы, не охотно подпускавшiе близко къ себѣ европейцевъ, подходившихъ къ нимъ съ сознанiемъ своего моральнаго превосходства, силы, чѣмъ вызывали къ себѣ презрѣнie со стороны китайцевъ. Китай, несмотря на свое стремленie обособиться, долженъ былъ въ концѣ концовъ стать ареной, на которой столкнулись двѣ цивилизацiи: обитатели Запада, гордящiеся силой своей армiи, проникнутые предпринимательскимъ духомъ, полные стремленiй къ завоеванiямъ и грабежамъ, считающiе себя высшей нацiей благодаря бѣлому цвѣту кожи въ отличie отъ желтолицыхъ китайцевъ, третировали Китай, смотря на него, какъ на страну, способную быть лишь объектомъ ихъ грабежа и насилiя.

Китайцы же, опочивъ на лаврахъ своей многовѣковой цивилизацiи, смѣялись надъ грубыми иностранцами, но, благодаря развившейся пассивности, въ большинствѣ случаевъ подчинялись имъ. Миссiонеры шли въ Китай со словомъ евангелiя или библiи, предшествуя и помогая коммерсантамъ, сбывавшимъ туда негодные товары, наводнявшимъ страну алкоголемъ, опiумомъ и другими разрушающими организмъ продуктами. Когда же китайцы вздумали протестовать противъ наводненiя Европой всевозможными ядами своей страны, вспыхнувшая кровавая война доказала имъ, что „цивилизованные" англо-французскiе завоеватели не остановятся ни передъ какими средствами для сохраненiя выгодныхъ имъ рынковъ.

Китайское общество владѣло вѣковой цивилизацiей, бывшей въ полномъ расцвѣтѣ еще въ то время, когда Европа переживала перiодъ варварства. Но эта цивилизацiя, достигнувъ своего апогея, замерла.

Небесная Имперiя стала казаться спящей. Въ данное время эта неподвижность быстро исчезаетъ; огромная страна, пробуждаясь, выходитъ изъ оковъ вѣкового оцѣпенѣнiя. Особенно сильное стремленie къ перерожденiю проявилось послѣ возстанiя боксеровъ и послѣ наплыва въ Китай интернацiональныхъ армiй. Наряду съ попытками введенiя новшествъ и реформъ, предпринятыхъ правительствомъ, зарождается и развивается революцiонное движенie въ трехъ формахъ: республиканской, соцiалистической и анархической.

Дальше мы вкратцѣ разскажемъ объ исторiи новаго Китая.

Китай—страна больше земледѣльческая, чѣмъ торговая или промышленная. Большiя фабрики, крупныя торговыя предпрiятiя тамъ очень рѣдки и слишкомъ далеки отъ того развитiя, котораго онѣ достигли въ Западной Европѣ. Населенie Китая дѣлится на четыре класса:

I. Ученые или мандарины;
II. Земледѣльцы (хлѣбопашцы);
III. Фабричные рабочie;
IV. Торговцы (мелкie промышленники).

Въ сущности, было бы вѣрнѣе раздѣлять все китайское населенie на два класса, причемъ первый изъ нихъ, слагаясь изъ земледѣльцевъ, рабочихъ и мелкихъ промышленниковъ, составляетъ пролетарiатъ страны, подчиняющiйся классу мандариновъ, соотвѣтствующему западно-европейской буржуазiи. Титулъ мандарина можетъ быть какъ наслѣдственнымъ, такъ и прiобрѣтеннымъ за деньги, въ силу чего крупные землевладѣльцы и капиталисты всегда спѣшатъ воспользоваться этимъ правомъ, чтобы, ставъ ближе къ власти, оградить себя отъ произвола правительства и получить большую возможность эксплуатировать народъ по собственному усмотрѣнiю. Жестокость ихъ не уступаетъ жестокости нашихъ помѣщиковъ во времена крѣпостничества или жестокости феодаловъ въ дореволюцiонныя времена; такъ, подобно тому, какъ у насъ засѣкали крѣпостныхъ; подобно тому, какъ во Францiи колючими вѣтвями наказывали крестьянъ, — подобно этому мандарины-землевладѣльцы въ Китаѣ издѣваются надъ зависящими отъ нихъ крестьянами. Напримѣръ, за невзносъ вовремя податей хлѣбопашцы подвергаются наказанiю палочными ударами; въ такомъ случаѣ помѣщикъ отправляетъ провинившагося въ полицiю съ приложенiемъ своей визитной карточки, которая служитъ обвинительнымъ актомъ и доказательствомъ виновности несчастнаго должника. Въ полицiи ему приказываютъ немедленно платить, и, если крестьянинъ не подчиняется тотчасъ приказанiю, его тутъ же наказываютъ ударами палокъ.

Въ Китаѣ бываютъ частыя наводненiя, уносящiе порою цѣлые поселки; считаясь явленiемъ заурядным, они происходятъ съ одной стороны въ силу причинъ чисто естественныхъ (географическiя и климатическiя условiя), съ другой — вызываются самими мандаринами, находящими возможность и тутъ извлекать для себя выгоды въ видѣ получки страховыхъ денегъ за разрушенныя плотины.

Не меньшимъ бичемъ, чѣмъ наводненiя, бываютъ для Китая постоянно повторяющiеся голодные годы, являясь подобно другимъ бѣдствiямъ страны почти исключительно результатомъ хищничества и тиранiи мѣстнаго правительства.

На развитie прогресса мандаринатъ также легъ тяжелымъ ярмомъ; находя старый порядокъ выгоднымъ для себя, мандарины всѣми силами борятся съ новшествами, могущими чѣмъ либо нарушить установившiйся режимъ.

Не меньшимъ зломъ, чѣмъ мандаринатъ, является для китайскаго народа чиновничество, увеличивающееся съ каждымъ днемъ въ количествѣ, укрѣпляющееся въ силѣ и ведущее, пользуясь этимъ, народъ къ обнищанiю.

Рядъ вышеупомянутыхъ условiй, все больше и больше углубляющихъ пропасть между положенiемъ правителей-богачей и всей нацiи, и служитъ глубокимъ источникомъ для развитiя революцiонныхъ идей. Съ каждымъ днемъ приближается соцiальный кризисъ, который обостряется жестокостью и неприспособленностью самого китайскаго правительства.

Каждому извѣстно, что по своимъ размѣрамъ Китай занимаетъ огромное пространство, причемъ благодаря неусовершенствованному способу сообщенiя, дѣленiю языка на многiя нарѣчiя и очень сложному методу писанiя, сношенiя между составляющими его провинцiями страшно затруднительны; въ силу этого обстоятельства наиболѣе отдаленныя области страны часто находятся въ полномъ невѣденiи по отношенiю къ политическимъ событiямъ, происходящимъ возлѣ центра. Такъ, напримѣръ, было со смѣной династiи въ XVII вѣкѣ или съ движенiемъ боксеровъ въ 1900 г.; большинство населенiя не подозрѣвало о бунтѣ и результатахъ его и узнавало о немъ лишь по отчетамъ, выходившимъ впослѣдствiи; то же повторяется при постоянно вспыхивающихъ

*) Этотъ очеркъ составленъ по приложенiю къ „Guerre Sociale".

бунтахъ, которые правительству удается слишкомъ легко подавлять, дѣлая ихъ мѣстными, не давая разлиться въ широкое возстаніе.

Эта трудность сообщеній способствовала дробленію общественной жизни Китая на жизнь мелкихъ ассоціацій, которыя вылились въ форму религіозныхъ братствъ, семейныхъ организацій, обществъ взаимопомощи, между которыми наиболѣе любопытными являются общества нищихъ и бандитовъ. Наряду съ этими, болѣе или менѣе открытыми и терпимыми правительствомъ организаціями, существуютъ тайныя революціонныя общества, значеніе которыхъ было велико въ исторіи Китая, и участіе которыхъ играетъ не малую роль въ современномъ революціонномъ движеніи. Между ними наибольшимъ вліяніемъ пользуются „Общество Старыхъ Братьевъ" и „Общество Трехъ Точекъ" или „Тріады"; эти два общества зародились еще въ XVII в., поставивъ себѣ цѣлью борьбу противъ манджурскаго господства. Возстаніе 48—63 гг.*) было организовано главнымъ образомъ обществомъ Тріадъ.

Результатомъ этого возстанія было въ 51 году основаніе государства „Великаго Мира" („Тай-Пингъ"), которое лишило единства имперію, бывшую вѣрной страной династіи. На слѣдующій годъ Нанкинъ сдѣлался столицей революціоннаго государства. Гибель манджурскаго государства была очевидной, и ничто, казалось, не могло уже помѣшать его паденію. Но тутъ вмѣшались иностранцы, давъ имперскому правительству для борьбы съ возставшими наемныхъ солдатъ съ одной стороны и двинувъ регулярныя англо-французскія войска противъ подходившихъ къ Шанхаю революціонеровъ съ другой (62-й г.). Это вмѣшательство дало возможность правительству возстановить свое господство и вновь проявить силу своего деспотизма въ рядѣ самыхъ ужасныхъ репрессій.

Памятный всѣмъ бунтъ боксеровъ былъ организованъ націоналистскимъ и мистическимъ обществомъ „Па-Та-Гоей" („Общество Большого Ножа"). Догадливая императрица, понявъ угрожавшую ей опасность отъ возникавшаго движенія, во время сумѣла направить его противъ иностранцевъ.

Общество „Трехъ Точекъ", могучее главнымъ образомъ на югѣ, тѣсно связано съ современнымъ революціоннымъ движеніемъ. Эти общества, вербуя своихъ членовъ главнымъ образомъ среди земледѣльцевъ, рабочихъ и мелкихъ торговцевъ, сильно развиваютъ въ нихъ принципъ взаимопомощи; такъ, если одинъ изъ „братьевъ" подвергается какой-либо несправедливости, всѣ встаютъ на его защиту; съ этой цѣлью прибѣгаютъ даже къ террору, жертвами котораго нерѣдко падаютъ мандарины, ими-же часто организуются и руководятся стачки. Какъ „Тріады", такъ и „Общество Стар. Бр.", сохранивъ не смотря на застой въ китайской жизни революціонныя традиціи, не сумѣли понять моментъ, переживаемый въ настояще время Китаемъ; патріотическіе, націоналистическіе и даже шовинистическіе враги деспотической Манжудріи, они не поднимались выше намѣренія изгнать узурпаторовъ имперскаго трона; иногда лишь въ выпускаемыхъ ими воззваніяхъ проскальзывалъ демократическій элементъ, который пытались имъ привить представители идеи „Великаго Мира".

Эти общества,—вѣчно готовая къ возстанію армія,—чтобы не отстать отъ отъ теченія своего времени, должны быть обновлены новыми принципами, новой програмной дѣйствія.

Стремленіе къ возрожденію Китай чувствовалъ уже давно, для осуществленія чего дѣлались много разъ попытки, систематически неудававшіяся, благодаря противодѣйствію мандариновъ. Такъ, одной изъ этихъ попытокъ мало извѣстной европейцамъ, было намѣреніе Ванъ-Нганъ-Кэ — предводителя реформистской партіи — осуществить програму государственнаго соціализма, воспользовавшись довѣріемъ императора. Этотъ планъ былъ реализованъ въ 1070 г., но, встрѣтивъ отпоръ со стороны мандариновъ, сумѣвшихъ возбудить противъ него народное недовольство, былъ проигранъ.

Другая попытка произошла сравнительно недавно—въ послѣдніе годы XIX столѣтія.

Одинъ мандаринъ Кангъ-Іеу-Вей, реформаторъ, обладавшій оригинальнымъ умомъ, сумѣлъ пріобрѣсти большое вліяніе на императора и заставилъ его начать осуществленіе программы реформъ. Реализація этого плана длилась втеченіе ста дней, послѣ чего инициаторы его, за исключеніемъ самого, во-время скрывшагося Кангъ-Іеу-Вей, были схвачены и казнены по приказанію вдовствующей императрицы, низложившей императора съ помощью оставшихся недовольными его мягкостью мандариновъ.

⁂

Первыми провозвѣстниками освободительныхъ идей въ Китаѣ были студенты, уѣзжавшіе учиться за-границу и возвращавшіеся оттуда носителями республиканскихъ, соціалистическихъ или анархическихъ доктринъ; по прибытіи на родину ими велась пропаганда при помощи литературы, живописи, пропаганды словомъ, а иногда и дѣйствіемъ. Правительство, почувствовавъ силу вліянія новыхъ идей и разсчитывая этимъ ослабить быстро создавшееся революціонное настроеніе, рѣшило дать конституцію; по-сколько западно-европейская пресса прославляла на всѣ лады этотъ актъ правительства, по-столько соціальные революціонеры, видя въ немъ лишь тактическій пріемъ, продолжали по прежнему свое дѣло—дѣло борьбы съ автократіей.

Не имѣя возможности издавать свои органы въ предѣлахъ Китая, революціонеры перенесли издательство ихъ за-границу; китайское правительство и такъ постоянно искало предлоговъ для закрытія выходившихъ органовъ; между ними мы можемъ отмѣтить десять антидинастическаго, республиканскаго, иногда съ соціалистическимъ оттѣнкомъ направленія, одинъ органъ чисто соціально-революціоннаго направленія. Изъ анархическихъ мы можемъ назвать „Новое Время" (называемый теперь „Новый Вѣкъ"), „Естественный Законъ", „Справедливость" и „Равенство";*) послѣдній, послѣ недолгаго издательства въ Японіи, прекратилъ свое существованіе въ настоящее время.

Изъ анархической литературы переведены нѣкоторыя произведенія Кропоткина, Малатеста, нѣкоторыя статьи изъ анархическаго журнала „Свобода", издающагося на англійскомъ языкѣ въ Лондонѣ; какъ періодическія изданія, такъ и книги расходятся съ большимъ успѣхомъ среди китайцевъ. Трудно было ожидать такого быстраго пробужденія въ странѣ, общественная жизнь которой такъ долго находилась въ состояніи летаргіи; трудно было ожидать, чтобы революціонныя доктрины, бывшія раньше достояніемъ лишь интеллигентной молодежи, такъ быстро всосались въ всѣ слои общества, настолько глубоко внѣдрившись въ сознаніи народа, что главной тенденціей грядущей революціи, смѣло можно сказать, является ея стремленіе стать массовой, народной, нар[…]тающей снизу вверхъ въ противоположность всѣмъ предшест[…]вавшимъ попыткамъ нововведеній, предпринимавшихся правительствомъ. Настоящее революціонное движеніе, проявляющееся въ рядѣ стачекъ, аграрныхъ вспышекъ, военныхъ бунтовъ, опирается на силу самой безправной и экономически угнетенной народной массы, которая зоветъ на борьбу за свое освобожденіе.

Мы ниже назовемъ имена и вкратцѣ разскажемъ о дѣятельности и судьбѣ наиболѣе извѣстныхъ піонеровъ революціоннаго движенія.

Сунъ-Янгъ-Сэнъ, представитель „Партіи Переворота" (Кэмингъ), ставъ однимъ изъ представителей общества „Трехъ Точекъ", былъ преслѣдуемъ правительствомъ, бѣжалъ въ Нью-Іоркъ, откуда переселился въ Лондонъ; здѣсь 11-го октября 1896-го года его схватили на улицѣ агенты китайскаго посольства и препроводили въ посольское зданіе, откуда онъ былъ освобожденъ лишь послѣ энергичнаго протеста со стороны англійскаго правительства. Вернувшись на Дальній Востокъ, Сунъ-Янгъ-Сэнъ жилъ открыто, пользуясь чѣмъ французское правительство, желая услужить китайскимъ властямъ, выслало его изъ Тонкина.

Онъ былъ по своимъ убѣжденіямъ революціонный соціалистъ.

Тсо-Ронъ, будучи студентомъ въ Японіи, написалъ въ 1903 г. книгу подъ заглавіемъ „Революціонная борьба". Вернувшись въ Китай, онъ началъ вести пропаганду революціонныхъ идей въ Шанхаѣ; этотъ городъ раздѣленъ на части, управляемыя европейцами, къ которымъ китайское правительство обратилось съ требованіемъ ареста и заключенія Тсо-Ронъ въ тюрьму на три года. Будучи слишкомъ молодымъ—ему исполнилось лишь 18 лѣтъ—онъ не перенесъ заключенія и умеръ за годъ до окончанія срока. Думаютъ, что онъ или отравился самъ или былъ отравленъ.

Воо-Іе былъ студентомъ въ Пао-Тингъ-Фу,—одно изъ мѣстъ, гдѣ французы одерживали свои „славныя побѣды". Ему было 20

*) Возстаніе 48—63 г.г. „Тай-Пингъ" было національнымъ, антиманджурскимъ; вспыхнувъ въ области Куангъ-Си, по сосѣдству съ Тонкиномъ, оно быстро разлилось широкой волной, не замедливъ перенестись въ центральную область Китая и захватить все побережье Голубой Рѣки.

*) Журналъ, являющійся выразителемъ взглядовъ анархической ассоціаціи „Чуонинъ-Чи", имѣющей въ числѣ своихъ агитаторовъ Мо-Сон-сехъ и Чангъ-Чи.

лѣтъ, когда правительство командировало въ Европу пять министровъ съ цѣлью ознакомленія съ сущностью западно-европейскихъ конституцій. Воо-Іе, протестуя противъ этой комедіи, бросилъ подъ вагонъ бомбу въ моментъ отхода поѣзда. Два министра были легко ранены; бросавшій былъ тутъ же убитъ взрывомъ. Этотъ актъ произвелъ огромное впечатлѣніе и послужилъ сигналомъ къ усиленію активности революціонныхъ партій.

Ма-Фоо-Іе былъ офицеромъ въ центральныхъ провинціяхъ Китая. Будучи революціонеромъ, какъ и многіе его сослуживцы, онъ отдался пропагандѣ въ арміи; онъ былъ членомъ общества „Тріадъ", которое, благодаря усиліямъ его и его друзей, было обновлено новыми революціонными принципами. Онъ былъ арестованъ и казненъ по предписанію губернатора.

Непосредственнымъ результатомъ дѣятельности Ма-Фоо Іе было въ 1906 г. возстаніе безработныхъ рабочихъ въ шахтахъ Пингъ-Сіанга; послѣ того, какъ къ возставшимъ примкнули члены общества „Старыхъ Братьевъ" и вернувшіеся изъ за-границы студенты-революціонеры, количество инсургентовъ достигло тридцати тысячъ. Благодаря нерѣшительности революціонеровъ эта попытка освобожденія, заставившая дрожать представителей Имперіи, не была использована; Кемингъ-Таны рѣки Янгъ-Тсе-Кіанга не поддержали своихъ товарищей, и движеніе было съ жестокостью подавлено. Впослѣдствіи снова повторялись въ Пингъ-Сіангѣ бунты на экономической почвѣ; мы выше уже говорили, что подобныя вспышки вообще не рѣдки въ Китаѣ; такъ на слѣдующій же годъ тѣ же Кемингъ-Таны подняли возстаніе изъ-за новаго закона о податяхъ; раньше по тому же поводу вспыхнулъ бунтъ въ Кинтчеу и принялъ такіе размѣры, что правительству пришлось стягивать войска изъ двухъ сосѣднихъ провинцій для подавленія его.

Для характеристики такъ часто повторяющихся въ Китаѣ бунтовъ разскажемъ о переворотѣ, задуманномъ Сю-Си-Лянгомъ и вкратцѣ скажемъ объ инициаторѣ его.

Сю-Си-Лингъ, сынъ богатыхъ родителей отправился въ Японію, съ цѣлью поступить въ университетъ; тамъ онъ сталъ революціонеромъ. Вернувшись въ Китай, онъ хотѣлъ вступить въ ряды китайской арміи для пропаганды революціонныхъ идей, но благодаря плохому зрѣнію принятъ не былъ. Тогда онъ пріобрѣлъ титулъ мандарина, добился мѣста чиновника, и, завладѣвъ довѣріемъ губернатора, сталъ директоромъ полиціи. Въ 1907 г. при помощи нѣсколькихъ товарищей Сю-Си-Лингъ организуетъ заговоръ. Губернаторъ, узнавъ о существованіи какого то заговора, отдаетъ приказъ Сю-Си-Лингу арестовать главарей; такимъ образомъ не считаясь съ тѣмъ, что не все было еще организовано, ему пришлось ускорить срокъ, возстанія. Въ назначенный день Сю-Си-Лингъ стрѣляетъ въ губернатора и смертельно ранитъ его; чиновники полиціи обратились въ бѣгство; сдѣлавшись хозяевами положенія, инсургенты завладѣли полиціей; одинъ изъ нихъ Тенъ-Пэ-Іингъ, двадцатилѣтній студентъ, былъ убитъ во время стычки; другіе прежде чѣмъ сдаться, сопротивлялись въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Сю Си-Лингъ былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ вспоротіе живота. Палачи вырвали ему сердце. Вмѣстѣ съ нимъ подвергали самымъ тяжелымъ пыткамъ его товарища Ма-Тсонъ-Хенъ.

Безумно смѣлая попытка Сю-Си-Линга вызвала арестъ его двоюродной сестры Тшо-Кіенъ. Вернувшись изъ Японіи, гдѣ она была студенткой, Тшо-Кіенъ очень успѣшно повела пропаганду среди рабочей массы. Правительство зная объ этомъ, искало случая ее арестовать но это ему не удавалось благодаря ея ловкости. Послѣ дѣла Сю-Си-Линга, къ которому она вовсе не была причастна, и лишь изъ за ея родства съ Сю-Си-Лингомъ она была арестована и казнена безъ малѣйшаго намека на судъ или даже на допросъ.

Лишь десять лѣтъ тому назадъ вновь раздалось въ Китаѣ слово „Революція"; а мартирологъ людей, погибшихъ за нея, уже такъ длиненъ и печаленъ; но никто не скажетъ, что какъ усилія отдѣльныхъ борцовъ, такъ и массовыя вспышки пролетарскаго населенія были безполезны; нѣтъ! Подавленные сегодня, рабочіе еще съ большей энергіей подымались на другой день; унесенные въ царство смерти рукою палача революціонные одиночки вели за собою новыхъ заместителей. Такъ, мы видимъ, что революціонная армія Кемингъ—Тановъ теперь сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Въ то время, какъ пропаганда захватываетъ провинціи сѣвера, революціонность настроенія сильно подорвала непоколебимость и пекинской власти въ провинціяхъ центра, а еще въ большей степени—юга. 2.-го декабря 1908 года революціонеры напали на городъ Хо-Кеу, лежащимъ возлѣ Тонкина; при приближеніи повстанцевъ къ городу, солдаты, размахивая ружьями, съ радостью встрѣтили ихъ; они сами разстрѣляли губернатора, въ отвѣтъ на его отказъ сдаться революціонерамъ.

Хо Кеу былъ вскорѣ отбитъ у инсургентовъ при помощи французскихъ войскъ*).

Китайскіе революціонеры всегда богаты оружіемъ и военными припасами, которые они перевозятъ контрабандой на родину; иногда для этого они прибѣгаютъ къ хитростямъ въ родѣ слѣдующихъ: они держали на рѣкѣ много рыболовныхъ челноковъ, владѣльцы которыхъ получали разрѣшеніе держать оружіе и аммуницію для защиты отъ нападенія пиратовъ; случалось такъ, что эти послѣдніе систематически грабили революціонеровъ — рыбаковъ, давая имъ этимъ право на полученіе новаго разрѣшенія вооружаться; это никогда-бы не кончилось, если-бы услужливые иностранцы—на этотъ разъ англичане—снова не помогли деспотическому правительству Китая. Для характеристики той поспѣшности, съ которой англичане и французы всегда спѣшатъ услужить китайцамъ, укажемъ на смерть лейтенанта Вейганда, убитаго регулярными войсками въ то время, какъ онъ разоружалъ на французской территоріи повстанцевъ; неменьшимъ доказательствомъ ихъ продажности также является ихъ принципъ выдавать не только революціонеровъ и дезертировъ, но и охранять всю китайско-французскую границу; характерно также и то, что французская желѣзная дорога была предоставлена китайскимъ войскамъ, отправлявшимся для подавленія возставшаго Хо-Кеу. Манджурскіе тираны, найдя эту подлую услугу недостаточной, требовали отъ французовъ военнаго подкрѣпленія для борьбы съ крамолой.

Поскольку соціалисты и анархисты западной Европы привѣтствуютъ пробужденіе Китая для новой жизни, постольку съ недовольствомъ и злобой относятся къ этому представители капитализма буржуазныхъ государствъ. Да и можетъ ли быть иначе?! Освобожденіе Китая, въ которомъ они видѣли лишь рынокъ, удобный для сбыта гнилыхъ и негодныхъ товаровъ, лишь резервуаръ желтыхъ пролетаріевъ, предназначающихся для вытѣсненія бѣлыхъ! Китай, который такъ долго могъ быть объектомъ неизсякаемыхъ издѣвательствъ и насмѣшекъ, лихорадочно разбиваетъ оковы вѣкового рабства; освобожденіе этой страны грозитъ имъ потерей золотого дна для ихъ грабежей и насилія.

Представители буржуазной экономіи, всегда старавшіеся подчеркнуть безсиліе революціоннаго движенія, доказывали это ссылками на Дальній Востокъ, въ лицѣ котораго они пророчили врага рабочему движенію.

Дѣйствительность показала обратное. Революціонное движеніе въ Турціи, Персіи, Индіи, Японіи, Индокитаѣ и наконецъ въ самой Небесной Имперіи говоритъ, что „азіатская" опасность, о которой такъ громко кричала буржуазная пресса, грозитъ не успѣху соціалистическаго и анархическаго движенія рабочихъ разныхъ странъ, а стремится направиться какъ разъ противъ тѣхъ, съ кѣмъ рабочіе ведутъ борьбу,—противъ представителей капитала и государства.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

Первая всеобщая забастовка во Франціи.

Что такое государство?—Государство есть совокупность учрежденій, соотвѣтствующихъ тѣмъ формамъ общественной жизни, при которыхъ существуютъ классовыя раздѣленія и эксплуатація одного человѣка другимъ. Эти учрежденія, зародившись въ процессѣ войнъ, насилія, грабежа, являются органами насилія, эксплуатаціи, и до нѣкоторой степени онѣ представляютъ изъ себя боевую или защитительную организацію правящаго класса. Каждое изъ государственныхъ учрежденій сложно; оно представляетъ

---

*) Пропагандой антимилитаризма, очень сильнаго въ антимилитаристскомъ западно-европейскихъ революціонныхъ соціалистовъ, также сильно заражены войска по Янгъ-Тсе-Кіангу, возлѣ Тонкина. Въ доказательство приводимъ телеграмму, взятую нами изъ „Русскаго Слова" отъ 11-го мая. „Въ Цоконгѣ и Ватлунѣ вспыхнулъ мятежъ; взбунтовавшіяся войска примкнули къ инсургентамъ Кантона. Посланы войска для возстановленія порядка. Въ Кантонѣ арестовано 300 революціонеровъ; всѣ они препровождены для суда и казни въ Пекинъ.

изъ себя іерархическую лѣстницу всевозможныхъ канцелярій и инстанцій, послѣдовательная совокупность коихъ составляетъ министерство. Главнѣйшими министерствами, безъ коихъ само государство немыслимо, являются министерство финансовъ, военное, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Стоятъ ли во главѣ этихъ министерствъ министры, отвѣтственные предъ парламентомъ или передъ какимъ либо самодуромъ „помазанникомъ божьимъ", возсѣдаютъ ли въ канцеляріяхъ бюрократы республиканской, реакціонной или соціальдемократической окраски, — министерства вездѣ и всегда функціонируютъ сообразно одному и тому же плану и въ одномъ и томъ же направленіи, т. е. въ смыслѣ насилія власти и эксплуатаціи. Въ самомъ дѣлѣ, какова цѣль этихъ министерствъ?

Роль министерства финансовъ заключается въ выжиманіи налоговъ, въ выколачиваніи податей. Подъ угрозой продажи имущества и полнаго разгрома каждый гражданинъ долженъ „добровольно" удѣлять каждый годъ государству сумму денегъ, назначенную предусмотрительнымъ министерствомъ легальнаго грабежа. Министерства военное и морское ставятъ своею благородною цѣлью организацію массоваго убійства на сушѣ, на моряхъ и океанахъ, въ воздухѣ и подъ водой. Подъ угрозой наказаній эти министерства „набираютъ" молодыхъ и здоровыхъ людей, загоняютъ ихъ въ особыя тюрьмы-казармы, переодѣваютъ ихъ въ разноцвѣтныя одежды съ кокардами, бляхами и галунами и, отупляя дисциплиной и противоестественной жизнью, обучаютъ ихъ „геройскому" искусству убивать издали и вблизи всѣхъ тѣхъ, кого прикажетъ начальство.

Роль министерства внутреннихъ дѣлъ заключается въ поддержаніи внутренняго спокойствія и тишины, т. е. въ искорененіи крамолы и вольнодумства, въ насажденіи вѣрноподданническихъ чувствъ и въ постоянной борьбѣ съ коварными врагами „общественнаго порядка". Эта цѣль достигается кое какъ благодаря полицейскимъ, жандармамъ, шпіонамъ и солдатамъ, благодаря министерству юстиціи, которое при посредствѣ своихъ прокуроровъ, судей, тюремщиковъ и палачей неустанно караетъ „преступниковъ", осмѣлившихся дѣлать въ малыхъ размѣрахъ то, что въ большихъ размѣрахъ дѣлаютъ сами правители. А при помощи министерства народнаго „просвѣщенія" государство всегда борется и боролось противъ науки, противъ распространенія знанія и развитія критической мысли. Несмотря на государственныя репрессіи и всевозможныя цензуры, наука хотя и медленно прогрессировала, потребность знанія и критическій духъ проникли въ рабочія массы, и въ цѣляхъ самосохраненія государство монополизировало образованіе и создало новый органъ — министерство народнаго „просвѣщенія". Въ своихъ школахъ это министерство, орудуя умами ребятъ, насаждаетъ въ нихъ идеи, угодныя начальству и одобренныя комитетомъ какихъ либо дряхлыхъ „слугъ" или молодыхъ карьеристовъ. Тамъ оно прививаетъ дѣтямъ язву патріотизма и развиваетъ въ нихъ рабскія чувства повиновенія, холопства и смиренія. Подъ предлогомъ „просвѣщенія" оно создаетъ изъ нихъ вѣрноподданныхъ, неспособныхъ самостоятельно мыслить, ожидающихъ всѣхъ благъ отъ государства и благоговѣйно трепещущихъ передъ всѣмъ, кто богатъ, кто носитъ мундиръ, ордена, шашку или бляху. Въ рукахъ государства школа является приготовительнымъ классомъ для казармы и мастерской, и само министерство народнаго „просвѣщенія" является въ сущности органомъ народнаго помраченія.

Въ силу своихъ функцій всѣ эти министерства солидарны между собою; они опираются одно на другое и составляютъ государственный блокъ, вокругъ котораго группируются господствующіе паразиты, — знать, духовенство, буржуазія, — живущіе на счетъ крестьянъ и рабочихъ, пьявки, сосущія народную кровь.

По мѣрѣ осложненія общественной жизни государство-жандармъ принимаетъ промышленный характеръ. Въ силу финансовыхъ или стратегическихъ соображеній, съ цѣлью помѣшать расширенію рабочей борьбы, государство монополизируетъ почты, телеграфы, телефоны, желѣзныя дороги и то тѣ, то другія отрасли индустріи.

Какъ и всякій хозяинъ, государство-хозяинъ не производитъ само по себѣ ничего. Оно управляетъ производствомъ рабочихъ, эксплуатируетъ ихъ и пользуется ими сообразно государственнымъ интересамъ или интересамъ господствующихъ классовъ. Государство эксплуатируетъ своихъ рабочихъ не менѣе, чѣмъ какой либо хозяинъ, но оно убѣждаетъ ихъ, что они не обыденные рабочіе, а государственные служащіе, обязанные во имя патріотизма и общественнаго блага ревностно выполнять свою работу и терпѣливо переносить свою рабскую жизнь. Во имя „общественнаго" блага имъ запрещены и синдикальныя организаціи, и методы рабочей борьбы; во имя „долга службы" они должны дѣйствовать всегда въ интересахъ государства, и такимъ образомъ въ борьбѣ рабочихъ противъ эксплуатаціи они должны играть роль штрейкбрехеровъ, „желтыхъ", измѣнниковъ рабочаго класса. Пусть рабочіе бастуютъ; пользуясь своею почтой и телеграфомъ, правительство можетъ посылать приказы о мобилизаціи и необходимыя инструкціи всякаго рода начальствующимъ лицамъ; пусть рабочіе бунтуютъ,—благодаря своимъ желѣзнымъ дорогамъ правительство можетъ посылать солдатъ для водворенія порядка и тишины. Пусть рабочіе покидаютъ фабрики и заводы и выходятъ на улицу, государственные служащіе будутъ все таки изготовлять порохъ, пушки и ружья. Пусть открываются новыя истины, пусть процвѣтаетъ наука, благодаря государственнымъ школамъ народъ все таки будетъ жить въ невѣжествѣ и грубомъ незнаніи. Благодаря монополизаціи промышленности государство выдѣляетъ изъ рабочей массы особый классъ рабочихъ—государственныхъ служащихъ. Оно прививаетъ имъ своеобразные предразсудки, милитаризируетъ ихъ и создаетъ изъ нихъ классъ „желтыхъ". Въ рукахъ правительства монополизація или національзація является однимъ изъ средствъ противо-рабочей борьбы, и министерство „общественныхъ" работъ министерствомъ эксплуатаціи и антиреволюціонной борьбы.

Въ функціонированіи всѣхъ этихъ министерствъ роль правительства незначительна. Орудуя посредствомъ министерствъ, каково бы ни было правительство, оно не можетъ дѣйствовать иначе, какъ сообразно съ функціями государственныхъ учрежденій. Если правительство и можетъ регулировать эти функціи, его настоящая роль заключается въ томъ, чтобы служить *декорумомъ*, благодаря которому маскируется роль государства и поддерживается вѣра въ возможную его благотворность, и чтобы служить,—въ случаѣ крайней необходимости,—козломъ отпущенія, когда рабочія массы возстаютъ противъ эксплуатаціи и власти.

Во Франціи, подъ вліяніемъ опыта всевозможныхъ правительствъ рабочіе пришли къ тому заключенію, что никакое правительство не способно уничтожить эксплуатацію и экономическое рабство. Лозунгъ стараго Интернаціонала: „Освобожденіе рабочихъ будетъ дѣломъ самихъ же рабочихъ" сталъ вновь лозунгомъ французскихъ синдикатовъ, которые, отбросивъ „политику", приняли методъ прямой непосредственной борьбы. Французскіе рабочіе не надѣются больше на государство; легальный захватъ власти при посредствѣ избирательнаго права является для нихъ лишь хитрой выдумкой буржуазіи, стремящейся отодвинуть въ отдаленное будущее рабочую революцію. Прямая борьба, т. е. стачки, все болѣе и болѣе революціонныя, саботажъ, бойкотъ, пропаганда и практика антимилитаризма и антипатріотизма, развитіе рабочей самодѣятельности, иниціативы и бунтарскаго духа, развитіе и практика рабочей солидарности—таковы пріемы борьбы французскихъ рабочихъ синдикатовъ, ассоціація коихъ составляетъ Всеобщую Конфедерацію Труда. Этимъ методомъ борьбы они надѣются создать необходимую „психику" для всеобщей революціонной забастовки, благодаря коей рабочія организаціи сумѣютъ экспропріировать буржуазный классъ и организовать самостоятельно коммунистическое производство и потребленіе безъ всякаго вмѣшательства государства и какихъ либо политиковъ. Такого рода тенденція рабочихъ синдикатовъ идетъ наперекоръ государственному стремленію обезличить людей, убить въ нихъ всякую критическую мысль, всякую иниціативу и самодѣятельность. Государство боролось свойственными ему средствами противъ этихъ тенденцій. Въ теченіе многихъ лѣтъ республиканское французское правительство преслѣдовало рабочіе синдикаты, но такъ какъ, несмотря на запрещенія и тюрьмы, они продолжали существовать и размножаться, правительство закономъ 1884 года дало имъ „легальное" существованіе. Въ силу этого закона рабочія организаціи становятся дозволенными, и правительство разсчитывало, что пассивное и консервативное большинство войдетъ въ нихъ и затопитъ въ своей массѣ революціонные элементы. Правительственныя надежды не оправдались, и борьба государства противъ синдикализма продолжается. Не осмѣливаясь и не будучи въ силахъ запретить синдикаты, правительство, сажая въ тюрьму болѣе энергичныхъ пропагандистовъ, старается привить синдикатамъ собственническіе инстинкты экономнаго буржуа. Оно старается сдѣлать изъ нихъ нѣчто подобное англійскимъ и нѣмецкимъ синдикатамъ, полныя стачечныя кассы которыхъ убили въ нихъ

членахъ всякій революціонный духъ. Весь интересъ современной французской жизни сосредоточенъ въ борьбѣ синдикализма и государственности, тѣхъ болѣе что развитіе синдикализма среди государственныхъ служащихъ открываетъ новую эпоху въ исторіи французскаго рабочаго движенія.

* * *

Въ силу финансовыхъ или стратегическихъ соображеній, съ цѣлью выдѣлить изъ рабочей массы особую категорію рабочихъ и создать изъ нихъ классъ „желтыхъ", штрейкбрехеровъ, — государство монополизировало нѣкоторыя отрасли промышленности. Ставши государственными служащими, рабочіе „національизированной" промышленности были подвержены экономической эксплуатаціи и особой формѣ политической эксплуатаціи, неразрывно связанной съ государствомъ, — фаворитизму. До тѣхъ поръ пока они были раздроблены и морально изолированы другъ отъ друга, государственные служащіе покорно переносили свою рабскую жизнь и фантазіи всевозможныхъ политиковъ. Мало по малу они организуютъ дружескія ассоціаціи, общества взаимопомощи и рискуютъ отъ времени до времени обращаться съ петиціями къ парламенту и министрамъ. Ихъ петиціи оставались, конечно, безъ послѣдствій. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ броженія революціонныхъ идей, подъ вліяніемъ пролетарской непосредственной борьбы, среди государственныхъ служащихъ зарождается сознаніе, что они такіе же рабочіе какъ и всѣ прочіе, что государство такой же хозяинъ-эксплуататоръ, какъ и всѣ другіе хозяева, и что подъ предлогомъ „общественнаго интереса" оно эксплуатируетъ и своихъ рабочихъ и своихъ потребителей — „общество". Необходимость болѣе энергичныхъ способовъ борьбы становится имъ очевидной, и то здѣсь, то тамъ ихъ ассоціаціи принимаютъ синдикалистскій характеръ. Правительство запрещаетъ эти „чиновничьи" синдикаты, увольняетъ со службы болѣе энергичныхъ людей. Но такъ какъ несмотря на правительственные громы и молніи движеніе не затихаетъ, оно обѣщало издать особые уставы для государственныхъ рабочихъ-„чиновниковъ". Государственные рабочіе рѣшили подождать появленія проекта, но, не надѣясь на правительственную милость, выбрали изъ своей среды „Комитетъ для защиты синдикальнаго права", т. е. права организовывать синдикаты, входить въ биржи труда и примкнуть къ Всеобщей Конфедераціи Труда. Въ 1906 году правительство опубликовало свой проектъ чиновничьихъ уставовъ. Проектъ вызвалъ взрывъ бурнаго негодованія. Въ отвѣтъ на него государственные служащіе выпустили „Открытое письмо министру внутреннихъ дѣлъ г. Клемансо", которое было расклеено на улицахъ Парижа и тщательно выскабливаемо агентами полиціи. Вотъ это письмо, характерное во всѣхъ отношеніяхъ:

„Центральный Комитетъ защиты синдикальнаго права государственныхъ, провинціальныхъ, коммунальныхъ муниципальныхъ наемниковъ постановилъ на своемъ засѣданіи отъ 22 сего марта отбросить цѣликомъ государственный проектъ чиновничьихъ уставовъ и продолжать борьбу до полнаго признанія правительствомъ закона 1884 года о синдикатахъ.

„Государственные наемники, сомнѣвающіеся еще въ истинномъ значеніи правительственнаго проекта и въ мотивахъ, которыми руководилась министерская коммиссія, найдутъ весьма полезныя для себя свѣдѣнія въ газетѣ „Petit Parisien", отъ 16 марта.

„Крупный органъ демократіи даетъ очень точную характеристику новаго устава, который гг. Клемансо, Бріанъ и Вивіани хотятъ намъ навязать.

„У насъ отбираютъ право стачки, такъ какъ, согласно „Petit Parisien", каждый чиновникъ, тѣмъ самимъ что онъ чиновникъ, заключаетъ съ государствомъ контрактъ, въ силу коего онъ обязуется способствовать правильному ходу общественныхъ предпріятій, а государство обязуется обезпечить ему пенсію по окончаніи его службы. Ни въ коемъ случаѣ чиновникъ не долженъ путемъ стачки пріостановить ходъ правительственной машины. „Въ силу своего до нѣкоторой степени привилегированнаго положенія онъ долженъ отрѣшиться отъ полной свободы и подвергнуть ее ограниченіямъ." Что же касается главной руководящей идеи проекта, то, сообразно „Petit Parisien", она заключается въ слѣдующемъ: „Правительство оставляетъ нетронутой стѣну, существующую въ настоящее время между рабочими синдикатами и ассоціаціями чиновниковъ. Оно не допускаетъ, чтобы можно было занимать какую либо общественную должность и входить въ Биржи Труда, гдѣ очень часто подвергаются критикѣ условія организаціи современнаго общества."

„Все это ясно и очень понятно.

„Мы никогда не признаемъ дѣйствительнымъ контрактъ, уменьшающій нашу свободу. Такъ какъ свобода, какъ мы ее понимаемъ, не есть отвлеченное понятіе, лишенное всякаго смысла, она не есть пустое слово, обезсиленное въ борьбѣ партій. Это вещь, которую мы понимаемъ и чувствуемъ непосредственно сами, — это вещь, принадлежащая лично намъ и заключающаяся въ употребленіи права. Наше же право формальное. Для насъ идея контракта исключаетъ идею власти и правительства. Мы не делегаты центральной власти, мы не агенты репрессивной и полицейской силы, мы рабочіе, обыкновенные производители, и мы желаемъ, чтобы съ нами обращались, какъ съ таковыми.

„Вы, г. предсѣдатель совѣта министровъ, вы говорите о политикѣ, государственномъ интересѣ, мы говоримъ объ индустріи. Для насъ государство такой же хозяинъ, какъ и прочіе, и между нами долженъ существовать простой обмѣнъ услугъ и только. Государство намъ даетъ наемную плату, мы ему продаемъ нашу работу, но мы желаемъ сохранить нашу свободу и независимость и быть господами нашей рабочей силы,—этой единственной вещи, которою мы обладаемъ. Развѣ правительство требовало когда либо отъ земельныхъ собственниковъ, чтобы они отказались отъ владѣнія ихъ землями или отъ фабрикантовъ отказа отъ владѣнія машинами? Нѣтъ! Никогда оно не требовало отъ нихъ, чтобы они пожертвовали обществу свою собственность. Съ нами же, со слабыми, изъ которыхъ правительство хотѣло сдѣлать избирательныхъ маклеровъ, съ нами обращаются иначе.

„Г. предсѣдатель, вашъ контрактъ является систематическимъ грабежемъ, ибо онъ требуетъ отъ насъ полнаго лишенія моральныхъ и экономическихъ правъ, полнаго порабощенія. Въ древности рабъ былъ, такъ сказать, прикованъ къ жернову своего господина. Теперь, подъ тѣмъ предлогомъ, что Государство стало промышленникомъ, Вы стремитесь приковать насъ къ государственному механизму. Могущество хозяина здѣсь вдвойнѣ увеличивается политической и принудительной властью. Самовластіе Государства прибавляется здѣсь къ привилегіямъ хозяина. Намъ угрожаютъ не только увольненіемъ со службы, но еще желаютъ примѣнить къ намъ систему штрафовъ и тюрьмы.

„Какая иронія! Государство становится все болѣе и болѣе жестокимъ, его тиранія—все болѣе и болѣе дерзкой, а намъ все время говорятъ о прогрессѣ. Вы, защитники капитала и привилегій, вы запрещаете намъ входить въ Биржи Труда, такъ какъ тамъ рабочіе критикуютъ современную соціальную организацію. Но это ихъ право, а также и наше. Рабочіе, единственные производители, настоящіе творцы всѣхъ богатствъ, все болѣе проникаясь сознаніемъ важности своей роли и своихъ экономическихъ функцій, хотятъ освободиться не только отъ ига хозяйскихъ мастерскихъ, но также и отъ ига современнаго общества, созданнаго по образцу мастерской. Ихъ цѣль — это замѣнить насильственное сотрудничество свободнымъ сотрудничествомъ; освободить, облагородить трудъ, уничтожить традиціонное Государство со всѣми группами и іерархіями, живущими внѣ производства; уничтожить отношенія, вытекающія изъ существованія съ одной стороны хозяевъ а съ другой невольниковъ-слугъ. Таковъ ихъ идеалъ, и этотъ идеалъ также и нашъ. Какъ рабочіе, мы не только имѣемъ право, но даже должны заняться организаціей производительныхъ силъ, организаціей общества.

„Въ нашей средѣ мы не прекратимъ борьбу съ рутиной, паразитизмомъ, фаворитизмомъ и особенно съ вмѣшательствомъ политики въ функціонированіе общественныхъ предпріятій. Ибо подобное вмѣшательство обезкураживаетъ служащихъ, оно уничтожаетъ всякое чувство самоуваженія, всякій духъ иниціативы, оно парализуетъ всякую волю, портитъ характеръ; оно понижаетъ профессіональный и нравственный уровень. Государственный, муниципальный и коммунальный пролетаріатъ сознаетъ, что съ требованіемъ права на пользованіе синдикальными прерогативами въ той же степени, что и рабочіе частной промышленности, онъ стремится замѣнить существующую административную неурядицу болѣе разумной и болѣе совершенной организаціей общественнаго производства, и что одновременно съ защитой своихъ собственныхъ интересовъ онъ также защищаетъ интересы производства.

„Мы желаемъ замѣнить абстрактное, идеологическое и энциклопедическое обученіе, даваемое Государствомъ, практическимъ, конкретнымъ и отвѣчающимъ дѣйствительнымъ нуждамъ различ-

ныхъ народностей, нуждамъ производителей; мы желаемъ привить дѣтямъ любовь къ труду, такъ какъ трудъ порабощенный и презираемый долженъ теперь стать новымъ идеаломъ, принципомъ всякой добродѣтели, цементомъ новой организаціи. Въ силу этихъ доводовъ мы отклоняемъ вашъ проектъ. Дѣло идетъ о нашемъ трудѣ, о предметѣ, „который послѣ любви меньше всего терпитъ власть".

„Для насъ трудъ — это священная вещь, и мы отказываемся проституировать ею во имя государственныхъ соображеній.

„Господинъ Предсѣдатель Совѣта, въ одной изъ вашихъ рѣчей, произнесенной въ Сенатѣ 17 сентября 1903 года, вы говорили: „Государство имѣетъ за собой долгую исторію убійствъ и крови. Всѣ совершенныя въ мірѣ преступленія, погромы, войны, обманы, сожиганіе людей, — все оправдывалось государственнымъ интересомъ. Да, Государство имѣетъ за собой длинную исторію, полную крови, — и вы знаете лучше, чѣмъ кто либо: сущность государства—неизмѣнна".

„Что касается насъ, рабочихъ, мы будемъ бороться противъ „ненасытнаго Молоха", противъ тирана-чудовища. Мы будемъ бороться за право, составляющее существенный атрибутъ человѣческой личности."

Центральный Комитетъ.

Правительство не оставило безъ отвѣта этотъ гордый манифестъ. Сообразно свойственному всякому правительству образу дѣйствія оно исключило изъ службы „комитетчиковъ" и еще болѣе старалось удержать стѣну, отдѣляющую государственныхъ служащихъ отъ рабочихъ частной промышленности. Тѣмъ не менѣе антигосударственныя идеи продолжали развиваться среди государственныхъ служащихъ; несмотря на преслѣдованія и запрещенія нѣкоторыя ассоціаціи государственныхъ наемниковъ, напр., почтальоновъ и школьныхъ учителей, приняли синдикальный характеръ и борьба продолжалась съ обѣихъ сторонъ.

• • •

Во то время, какъ среди государственныхъ служащихъ развивается сознаніе человѣческаго достоинства и общности рабочихъ интересовъ, въ то время какъ они стараются оторваться отъ государства и примкнуть къ рабочимъ синдикатамъ, въ средѣ Всеобщей Конфедераціи Труда происходятъ страстные споры, принять ли „чиновниковъ" въ Конфедерацію или нѣтъ? Не внесутъ ли школьные учителя, привыкшіе къ догматическому преподаванію, въ Конфедерацію свой схоластическій духъ? Не затопитъ ли чиновничья масса революціонные элементы Конфедераціи; не будутъ ли они стремиться играть роль господъ? Пусть они борятся сами, и когда подъ вліяніемъ борьбы ихъ психика преобразуется, тогда мы увидимъ. И Конфедерація, слѣдя съ большою симпатіей за борьбой чиновниковъ противъ своего хозяина-Государства, оставалась въ выжидательномъ положеніи. Слова, манифесты, протесты,—все это хорошо, но необходимы *факты* способные сблизить и, такъ сказать, слить въ борьбѣ „чиновничій" и рабочій пролетаріатъ. И этотъ фактъ разразился въ нынѣшнемъ году и всколыхнулъ глубоко все французское общество. Буржуазія съ ужасомъ спрашиваетъ себя, не находится ли она наканунѣ революціи, и тотъ же вопросъ съ радостью ставитъ себѣ рабочіе. Этотъ фактъ самостоятельно сблизилъ рабочихъ съ государственными служащими, онъ внесъ новую жизненную струю въ революціонное движеніе, онъ вызвалъ среди рабочихъ новый молодой энтузіазмъ и пробудилъ среди нихъ вѣру въ немедленную возможность всеобщей забастовки. Этотъ фактъ—это всеобщая забастовка почтовыхъ, телеграфныхъ и телефонныхъ служащихъ.

• • •

12-го марта этого года желѣзнодорожные почтальоны собрались въ одной парижской залѣ для обсужденія своихъ дѣлъ. Ихъ ораторы излагали печальное положеніе почтоваго пролетаріата, указывали на всевозможныя несправедливости, которыя они терпятъ со стороны начальства, и на униженія, которымъ подвергаются почтовые служащіе со стороны статсъ-секретаря Симьяна, стоящаго во главѣ почтоваго вѣдомства. Было рѣшено послать еще разъ делегацію, которая изложила бы ихъ жалобы министру общественныхъ работъ Барту. Делегація отправилась къ министру, а собраніе продолжалось. По окончаніи собранія ж.-д. почтальоны стройными колоннами пошли на встрѣчу своимъ делегатамъ и узнали отъ нихъ, что министръ отказался ихъ выслушать. Возбужденные поведеніемъ министра, они направляются къ парламенту, устраиваютъ тамъ демонстрацію противъ „народныхъ представителей" и министра и оттуда отправляются въ центральное телеграфное бюро. Полиція была немедленно предупреждена о неожиданной демонстраціи ж.-д. почтальоновъ, и подъ предводительствомъ префекта полиціи Лепина и ст.-секретаря Симьяна она нагрянула въ центральное телеграфное бюро. Произошла свалка, полиція свирѣпствовала, Симьянъ ругался, называя телеграфистокъ сволочью и проститутками, и дѣло кончилось арестомъ многихъ ж.-д. почтальоновъ, изъ коихъ 24 были преданы суду за „оскорбленіе начальства".

Такого рода поведеніе полиціи и правительства, оскорбленія, нанесенныя Симьяномъ телеграфисткамъ, вызвали среди всѣхъ почтовыхъ служащихъ страшное негодованіе. Что дѣлать? Какъ реагировать противъ правительственной тираніи? Мирное выжиданіе и раболѣпныя петиціи не имѣли никакого успѣха, и почтовымъ служащимъ стало ясно, что только всеобщая забастовка всего почтоваго вѣдомства можетъ заставить правительство относиться съ уваженіемъ къ своимъ служащимъ и выполнить ихъ требованія. Всеобщая забастовка — хорошо; но возможна ли она, когда почтовые служащіе не подготовлены къ ней, когда нѣтъ между ними синдикальныхъ организацій, когда они раньше никогда и не думали о всеобщей забастовкѣ. Такого рода вопросы задавали себѣ многіе служащіе, въ то время какъ другіе немедленно покинули работу и посредствомъ митинговъ стараются привлечь къ стачкѣ колеблющихся и сплотить въ моральное цѣлое всѣхъ почтовыхъ служащихъ. По инициативѣ ж.-д. почтальоновъ, забастовавшихъ въ тотъ же день, и нѣкоторыхъ телеграфистовъ былъ созванъ первый митингъ, состоявшійся вечеромъ 12-го же марта. Присутствовало тамъ около 3 тысячъ почтовыхъ служащихъ, и было рѣшено расширить и углубить движеніе. На другой день центральный телеграфъ бастуетъ почти всецѣло. Оставшіеся телеграфисты, освѣдомивъ всѣ провинціальные бюро о случившемся, работаютъ медленно, вяло, коверкаютъ телеграммы и такимъ образомъ практикуютъ своеобразный саботажъ. Съ цѣлью напугать почтовыхъ служащихъ правительство увольняетъ со службы „вожаковъ" и при посредствѣ своихъ судей осуждаетъ на нѣсколько дней тюрьмы кое-кого изъ арестованныхъ ж.-д. почтальновъ. Эти мѣры вызываютъ еще больше раздраженія среди служащихъ и то здѣсь, то тамъ различныя категоріи почтовыхъ служащихъ собираются, обсуждаютъ общее положеніе дѣлъ, входятъ въ сношенія съ другими категоріями и, такъ сказать, сплачиваются въ одно и организуютъ всеобщую забастовку. Митинги слѣдуютъ за митингами, и съ каждымъ днемъ стачка расширяется, съ каждымъ днемъ новыя категоріи почтовыхъ служащихъ примыкаютъ къ уже забастовавшимъ. И невозможно описать съ какимъ энтузіазмомъ встрѣчали делегатовъ ново забастовавшихъ секцій, когда, всходя на трибуну, они заявляли, что такая-то или иная секція покинула работу. И невозможно описать тотъ энтузіазмъ, когда среди всеобщаго молчанія многотысячнаго митинга предсѣдатель, по телефону, устроенному на трибунѣ же, входитъ въ сношенія съ Ліономъ, Марселемъ и другими городами въ то время, какъ правительство и буржуазія лишены всякихъ сношеній съ провинціей. Вслѣдъ за ж.-д. почтальонами и телеграфистами мало-по-малу бастуютъ разносщики писемъ и газетъ, рабочіе телеграфныхъ линій, телефонисты, почтовые механики и т. д., и 18 марта вся почтовая организація пріостановила работу. По примѣру Парижа бастуютъ Ліонъ, Сентъ-Этьенъ; Марсель волнуется; во всѣхъ большихъ городахъ почтовые служащіе организуютъ митинги, вотируютъ адреса солидарности и готовы при первой необходимости пріостановить всю почтовую работу. Французское движеніе находитъ откликъ въ средѣ товарищей другихъ странъ. Англійскіе, нѣмецкіе, американскіе почтовые „чиновники" посылаютъ денежную помощь, и больше того нѣмецкіе телеграфисты отказывались принимать французскія телеграммы съ момента объявленія всеобщей забастовки.

Несмотря на угрозы, на увольненія, стачка служащихъ приняла всеобщій характеръ. Правительство выписываетъ изъ провинціи такъ называемую вспомогательную категорію служащихъ. Но, какъ только они прибываютъ въ Парижъ, они объявляютъ тоже забастовку.

По мѣрѣ того, какъ борьба рабочихъ противъ эксплуатаціи и власти обостряется, по мѣрѣ того, какъ стачки становятся все болѣе и болѣе частыми, роль арміи осложняется. Убивать рабочихъ, разстрѣливать ихъ, разгонять ихъ митинги и демонстраціи—это естественная и классическая роль всякой арміи, измѣняется ли

она республиканской или монархической. Но этого оказывается теперь недостаточнымъ, и правительство стремится все болѣе и болѣе замѣнить забастовавшихъ рабочихъ солдатами. Такъ напр. во время стачки булочниковъ и во время стачки рабочихъ электричества правительство послало солдатъ, которые, подъ страхомъ тюрьмы, каторги и смертной казни, должны были работать на мѣстѣ забастовавшихъ рабочихъ. Такъ было и теперь. Но замѣна телеграфистокъ и другихъ почтовыхъ служащихъ солдатами не улучшили на много общаго положенія. Не имѣя достаточнаго профессіональнаго опыта, солдаты работали медленно, а горы писемъ и кипы телеграммъ все болѣе и болѣе увеличивались. Если всѣ силы, которыми располагаетъ буржуазія, были противъ почтовыхъ служащихъ, то рабочіе были на сторонѣ „чиновниковъ"; нѣкоторые синдикаты готовы были при первой необходимости забастовать тоже, но такъ какъ почтовые служащіе желали собственными силами побѣдить правительство, они оставались на выжидательномъ положеніи, а конфедеративный комитетъ выпустилъ слѣдующій манифестъ:

„Къ рабочимъ! Конфедеративный Комитетъ Всеобщей Конфедераціи Труда считаетъ своимъ долгомъ обратить ваше вниманіе на обстоятельства этой стачки и проситъ васъ оказать ей возможно большую поддержку. Подобно всѣмъ стачкамъ способы дѣйствія противъ рабочихъ являются одинаковыми, борятся ли рабочіе противъ хозяевъ, или чиновники противъ Государства. Вы знаете происхожденіе движенія. Оно зародилось не только изъ отказа Государства-хозяина выполнить требованія своихъ служащихъ, но въ особенности изъ надменности статсъ-секретаря Симьяна. Какъ могли они оставаться равнодушными передъ дерзостью этого грубіяна, который безъ всякаго уваженія къ женщинамъ обратился къ нимъ съ оскорбительной руганью на устахъ? Произвольные аресты, насиліе полиціи довели до крайности ожесточеніе нашихъ товарищей—почтовыхъ служащихъ. Кромѣ того вопіющенесправедливыя осужденія были произнесены противъ рабочихъ, виновныхъ лишь въ томъ, что они манифестировали свое негодованіе противъ Симьяна. Тюрьма за такое преступленіе — это чудовищно! Возмущенные такимъ образомъ дѣйствія почтовые служащіе объявили забастовку, и немедленно правительство посылаетъ противъ нихъ армію, не только подъ обыденнымъ предлогомъ поддержки порядка, но въ особенности чтобы замѣстить солдатами забастовавшихъ служащихъ. Пролетаріатъ еще разъ убѣдился, что армія направлена противъ рабочихъ. Всѣ силы, которыми располагаетъ правительство—полиція, судъ, армія—противъ почтовыхъ служащихъ, и чтобы ихъ поддержать, — необходимо, чтобы симпатія всего пролетаріата были съ ними. Рабочіе, какъ бы эта стачка не нарушала вашихъ привычекъ, какъ бы она васъ не стѣсняла, необходимо добродушно переносить временное стѣсненіе. Необходимо, чтобы почтовые рабочіе знали, что населеніе симпатизируетъ имъ. Это ободритъ ихъ и дастъ возможность продолжать борьбу до полной побѣды."

И сильные сознаніемъ невозможности для правительства обойтись безъ нихъ, сильные симпатіей рабочаго класса, почтовые служащіе продолжали борьбу. Ясно было, что съ каждымъ днемъ стачки затрудненіе правительства увеличивается. И несмотря на то, что крупныя промышленныя заведенія, торговыя дома и банки организовали свою собственную почту, несмотря на то, что появились частныя почтовыя агентства, несмотря на поведеніе парламента, выразившаго довѣріе правительству и объявившаго нелегальной забастовку чиновниковъ, буржуазія сознавала, что побѣда останется на сторонѣ стачечниковъ и нѣкоторыя буржуазныя газеты совѣтовали сами правительству выкинуть за бортъ товарища министра Симьяна. И тѣмъ не менѣе неожиданно 21-го марта стачечный комитетъ заявилъ, что стачка кончена, и что на другой день служащіе должны начать работу. Что же произошло? Во главѣ стачечнаго движенія стоялъ комитетъ, и вотъ какъ революціонныя газеты объясняютъ неожиданное и странное рѣшеніе комитета: Пока правительство боролось непосредственно противъ массы стачечниковъ, несмотря на осужденія, насиліе, шантажъ и распространеніе ложныхъ слуховъ, оно не могло внести въ среду стачечниковъ ни раздоре, ни недовѣрія другъ къ другу, послѣдствіемъ коихъ былъ бы провалъ самой стачки. Тогда оно рѣшило дѣйствовать на комитетъ. Этотъ комитетъ, состоявшій изъ сотни людей и выбранный на скорую руку въ самомъ началѣ стачки, когда служащіе готовы еще были возобновить работу при первомъ же обѣщаніи правительства удовлетворить кое-какія требованія, этотъ комитетъ держался вдали отъ

митинговъ и массы стачечниковъ и не былъ пропитанъ тѣмъ
боевымъ духомъ и тѣмъ энтузіазмомъ, который господствовалъ
среди послѣднихъ. Стачечный комитетъ былъ своего рода ста-
чечнымъ парламентомъ, гдѣ вмѣсто дѣйствія ведутся дискуссія, и
вокругъ этого парламента съ самаго же начала стачки вертѣлись
всякаго рода соціальдемократическіе и радикалистскіе депутаты,
интриги, сладостныя рѣчи и всевозможныя обѣщанія коихъ со-
здали въ концѣ концовъ у нѣкоторыхъ комитетчиковъ желаніе
войти въ сношенія съ правительствомъ. Разъ переговоры нача-
лись, комитетъ, пропитанный еще психикой начала стачки, повѣ-
рилъ туманнымъ обѣщаніямъ правительства и обѣщалъ пріоста-
новить забастовку. Какъ бы то ни было, это рѣшеніе вызвало
среди служащихъ страшное негодованіе и комитетъ былъ пригла-
шенъ дать публичное объясненіе. На другой день комитетъ явился
на митингъ, гдѣ присутствовало болѣе девяти тысячъ стачечни-
ковъ. Онъ объяснилъ тамъ свое поведеніе и долженъ былъ со-
знаться, что совершилъ крупную ошибку, и продолженіе стачки
было вотировано единогласно. Съ этого момента комитетъ не
игралъ никакой роли, но тѣмъ не менѣе начатые имъ переговоры
съ правительствомъ продолжались. Эти переговоры велись при
посредствѣ делегатовъ, среди которыхъ находились исключенные
со службы за стачку; делегаты отдавали отчетъ на митингахъ и
когда наконецъ стачечники сами сочли, что обѣщанія данныя
правительствомъ делегатамъ и публично подтвержденныя въ пар-
ламентѣ удовлетворяютъ ихъ, они рѣшили прекратить забастовку.
24-го марта почтовые служащіе въ назначенный ими же часъ
стройными колоннами направились къ центральной почтѣ. По
требованію служащихъ солдаты еще утромъ оттуда были удалены.
Парадныя двери были широко открыты, и стачечники тріумфально
вошли.

Чего добились стачечники? Каковы результаты стачки? Всѣ га-
зеты реакціонныя, консервативныя и революціонныя были соглас-
ны, что почтовые служащіе одержали побѣду, и вотъ, какъ оцѣ-
ниваетъ результатъ стачки революціонная „Guerre Sociale" („Со-
ціальная Война"): „Несмотря на нѣкоторыя ошибки стачка окон-
чилась моральной побѣдой. Можно было бы ожидать большаго,
но и то уже кое что значитъ, когда заставили государственную
власть, правительство преклониться передъ бунтомъ чиновни-
ковъ, когда заставили Клемансо принять вновь на службу всѣхъ
безъ исключенія стачечниковъ. И если въ этой борьбѣ чи-
новники завоевали лишь право забастовки, это успѣхъ громадный
по своимъ послѣдствіямъ. Заключеніе этой борьбы это то, что
рабочіе больше чѣмъ когда либо должны разсчитывать только на
самихъ себя и оберегать себя, какъ отъ чумы, отъ политики и
политиковъ даже соціальдемократическихъ." Болѣе подробно гово-
ритъ „Революція": „Стачечники приняли къ свѣдѣнію данныя
правительствомъ обѣщанія и заявили ему, что если хоть одно
обѣщаніе не будетъ вполнѣ выполнено, они готовы начать вновь
борьбу, къ которой впрочемъ они приготовляются уже теперь.
Это миръ, но вооруженный миръ. Моральное значеніе только что
одержанной побѣды громадно. Въ продолженіе недѣли слишкомъ ни-
что не могло внести деморализацію и раздоры среди бастующихъ
почтовыхъ служащихъ. Они не были подготовлены ко борьбѣ,
ихъ организація не существуетъ, у нихъ не было никакой тради-
ціи, никакого опыта борьбы, они не составляли даже единодуш-
ной корпораціи, и тѣмъ не менѣе въ нѣсколько часовъ въ нихъ
проявилось удивительное классовое сознаніе. Теперь, вернувшись
въ свои бюро, они знаютъ свою силу, они увѣрены въ самихъ
себѣ, и въ этомъ-то и заключается громадная, никѣмъ не оспа-
риваемая, моральная выгода ихъ побѣды. Они вышли изъ борьбы
увеличенными, тогда какъ правительство вышло изъ нея умень-
шеннымъ. Клемансо заявилъ въ парламентѣ, что принципъ власти
остался неприкосновеннымъ,—но принципъ власти не позволяетъ
правительству входить въ переговоры съ „бунтующими чиновни-
ками", „не имѣющими права бастовать". Государственный инте-
ресъ требуетъ отъ правительства, чтобы оно сопротивлялось всѣ-
ми силами и пользовалось всѣми средствами репрессіи. Правитель-
ство не сдѣлало этого, такъ какъ оно не осмѣлилось и не могло.
Оно оффиціально приняло делегатовъ „нелегальной" забастовки;
оно дебатировало съ людьми, которыхъ оно же стремилось пора-
ботить навсегда. Логическое если и не немедленное послѣдствіе
всего этого—это уменьшеніе капиталистическаго государства и
политической власти въ пользу организованныхъ рабочихъ. По-
слѣдствія этой побѣды очень важны и реакціонеры не примутъ
ее безъ протеста. Пусть почтовые служащіе не довѣряютъ. Они

напугали и заставили гордыхъ министровъ склонить голову. Всѣ тѣ, кто заинтересованъ въ существованіи современнаго соціальнаго строя, будутъ въ ярости отъ тріумфа стачечниковъ, — и больше чѣмъ когда либо наши товарищи должны остаться сплоченными. Когда начинаешь борьбу, тѣмъ самымъ обязуешься бороться до конца."

• • •

Итакъ стачка кончилась. Правительство обѣщало улучшить матеріальное положеніе почтовыхъ служащихъ и въ самомъ дѣлѣ нѣсколько дней потомъ жалованіе всѣхъ категорій почтовыхъ служащихъ было увеличено. Но стачечники требовали не только этого. Они требовали въ особенности отставки завѣдующаго почтовымъ вѣдомствомъ помощника министра Симьяна, они требовали безнаказанности за факты совершенные во время стачки; кромѣ того они требовали синдикальныхъ правъ, которыми пользуются остальные рабочіе. Правительство обѣщало безнаказанность и дало понять, что отставка Симьяна будетъ принята. Но не прошло и двухъ дней, какъ появилась офиціальная нота, что правительство намѣрено дать наградные тѣмъ служащимъ, которые не приняли участіе въ стачкѣ, и что оно открываетъ слѣдствіе по поводу послѣдняго манифеста, выпущеннаго почтовыми служащими, въ которомъ они высказывали свою благодарность населенію за симпатичное отношеніе къ стачкѣ, заявляя, что не признаетъ больше Симьяна своимъ начальникомъ. Эта нота вызвала среди служащихъ бурю негодованія. Былъ немедленно организованъ стачечный комитетъ съ цѣлью централизировать всѣ свѣдѣнія и рѣшенія всѣхъ секцій и объявить забастовку при первой необходимости. Но негодованіе было такъ сильно, что многіе почтовые служащіе хотѣли немедленно бросить работу, и только по просьбѣ комитетовъ они рѣшили подождать дальнѣйшаго хода событій. Въ провинціи негодованіе почтовыхъ служащихъ было тоже очень велико, такъ директоры почтъ телеграфировали министру, что, хотя они и приняли всѣ мѣры для обереганія телеграфныхъ линій, они не отвѣчаютъ за своихъ служащихъ, которые теперь сожалѣютъ, что не шли впереди перваго движенія. Раньше чѣмъ объявить новую забастовку, почтовые служащіе рѣшили подождать публичнаго отвѣта правительства на интерпеляцію въ парламентѣ по поводу появившейся ноты. 27-го марта правительство заявило въ парламентѣ, что оно не намѣрено давать наградныхъ тѣмъ, кто не бастовалъ, что же касается отставки Симьяна, оно ничего подобнаго не обѣщало. Манифестъ почтовыхъ служащихъ заявляетъ, что они не признаютъ больше Симьяна своимъ начальникомъ — говоритъ Клемансо министръ внутреннихъ дѣлъ. И вы хотите, чтобы правительство приняло подобную вещь? Мы не хотимъ, чтобы подначальные увольняли члена правительства." Парламентскіе дебаты окончились слѣдующимъ рѣшеніемъ: Палата рѣшаетъ дать чиновникамъ легальные уставы исключающіе формально право стачки и одобряетъ дѣйствія правительства.

Несмотря на рѣшеніе парламента, почтовые служащіе готовы были вновь покинуть работу, и правительство было принуждено закрыть уже начавшее слѣдствіе по поводу манифеста и отказаться отъ выдачи наградъ „желтымъ". „Правительство уступило —пишетъ „Революція", но нужно благодарить Клемансо за его измѣну данному слову, такъ какъ онъ этимъ показалъ, что почтовые служащіе должны надѣяться только на самихъ себя. Онъ показалъ имъ, что борьба ежедневна и что борьба, которую они вели, еще не кончена. Пусть почтовые служащіе не довѣряютъ, и пусть они держатъ себя всегда наготовѣ."

• • •

Парламентъ рѣшилъ издать особые для чиновниковъ уставы и съ цѣлью подготовить общественное мнѣніе къ появленію на свѣтъ этихъ уставовъ, съ цѣлью доказать государственнымъ служащимъ, что эти уставы будутъ изданы якобы въ ихъ же интересахъ, многіе депутаты и всякіе политики устроили 3-го апрѣля публичное собраніе, на которомъ присутствовало нѣсколько тысячъ чиновниковъ. „Каждый государственный служащій во время выполненія своихъ функцій становится самъ правительствомъ." „Наши права велики, но велики и наши обязанности. На насъ лежитъ великій долгъ не прерывать никогда правильнаго хода администрацій, необходимыхъ для соціальной жизни." „Вотъ разница между ассоціаціей и синдикатами." „Правительственный проектъ очень выгоденъ для чиновниковъ." Такъ говорили крупные бюрократы и депутаты, и ихъ сладкія рѣчи были встрѣчены криками и свистками. „Мы не довѣряемъ вамъ — говорилъ одинъ почтальонъ въ отвѣтъ на рѣчь докладчика государственнаго Совѣта. И поспѣшность съ коей парламентъ рѣшилъ издать чиновничьи уставы увеличиваетъ еще болѣе наше недовѣріе. Послѣднія событія показали настоящія чувства простыхъ рабочихъ администрацій. Вы говорите, что нѣтъ разницы между ассоціаціей и синдикатомъ. Для насъ эта разница очень велика. Такъ какъ простая ассоціація удерживаетъ стѣну между нами и рабочимъ классомъ, а мы не хотимъ этой стѣны. Мы хотимъ войти въ биржи труда и въ Всеобщую Конфедерацію Труда. Пусть не говорятъ намъ, что мы не имѣемъ права стачки. Мы побѣдоносно доказали, что мы можемъ брать это право, когда намъ угодно." Въ томъ же духѣ говорилъ секретарь школьныхъ учителей, и когда депутаты хотѣли защищать правительственныя идеи, ихъ рѣчи были перерываемы криками: долой пятнадцатитысячныхъ!"*) При всеобщемъ возбужденіи Пато, секретарь синдиката рабочихъ электричества требуетъ слова. Предсѣдатель ему отказываетъ. „Вы мнѣ отказываете, хорошо! я самъ беру его — отвѣчаетъ Пато и всходитъ на трибуну. Предсѣдатель дрожащимъ голосомъ объявляетъ засѣданіе закрытымъ и въ сопровожденіи бюрократовъ и депутатовъ уходитъ. Его мѣсто беретъ одинъ почтальонъ и собраніе продолжается. Пато объявляетъ, что „съ цѣлью утверждать солидарность государственныхъ рабочихъ и индустріальнаго пролетаріата синдикаты каменьщиковъ и электричества приглашаютъ „чиновниковъ явиться на митингъ, который состоится на слѣдующій же день". Это приглашеніе принято восторженными аплодисментами, и собраніе, устроенное депутатами и бюрократами, окончилось слѣдующимъ рѣшеніемъ: „Чиновники, — принимая во вниманіе, что правительственный проектъ уставовъ, подъ предлогомъ дать гарантіи чиновникамъ стремится уничтожить синдикальныя свободы и возвести высокій барьеръ между административнымъ пролетаріатомъ и организованнымъ рабочимъ классомъ, отбрасываютъ всякій проектъ уставовъ и требуютъ для государственныхъ наемниковъ права пользоваться закономъ 1884 года со всѣми его послѣдствіями."

Митингъ устороенный синдикатомъ каменьщиковъ и синдикатомъ рабочихъ электричества состоялся 4 апрѣля. Присутствовало тамъ около 15 тысячъ человѣкъ, и въ первый разъ рабочіе частной промышленности и государственные служащіе объединились тамъ въ общности стремленій и идей и сцементировали, такъ сказать, одинъ рабочій блокъ противъ власти и капитализма. Ораторы, говорившіе тамъ, были конечно противъ какихъ бы то ни было особыхъ для чиновниковъ уставовъ, но больше того они подвергли критикѣ всю капиталистическую и политическую организацію современнаго общества. „Власть и капиталъ — одинаково ненавистны. Всѣ депутаты безъ исключенія составляютъ шайку воровъ и мерзавцевъ. Отъ парламентаризма нечего ожидать; только прямая непосредственная борьба, саботажъ, акты насилія могутъ намъ дать что либо" — говорили одни. „Революція близка, и нѣтъ сомнѣнія, что чиновники помогутъ рабочему классу, когда она наступитъ" — говорили „чиновники". „Во время вашей стачки, товарищи чиновники, солдаты были посланы, чтобы васъ замѣнить, — вы имѣете, слѣдовательно, достаточно поводовъ, чтобы быть антимилитаристами. Но этого мало, нужно также, чтобы вы были антипатріотами. Это не значитъ, что у насъ нѣтъ отечества, но наше отечество вездѣ, гдѣ страдаютъ". — говорилъ Нато, секретерь Конфедераціи Труда. „Религіозная догма замѣнена еще болѣе опасной — буржуазной догмой. Роль учителя — дать образованіе соотвѣтствующее нуждамъ рабочаго класса. Такимъ образомъ реализуется умственная эволюція. И поэтому-то вступленіе учителей въ Конфедерацію Труда становится абсолютно необходимымъ" — говорилъ одинъ учитель; другіе ораторы говорили въ томъ же духѣ.

На этомъ митингѣ было рѣшено устроить секретный комитетъ состоящійся изъ 12 рабочихъ и 12 чиновниковъ, который долженъ заняться организаціей всеобщей забастовки и объявить ее въ извѣстный моментъ. Митингъ окончился рѣшеніемъ прибѣгнуть ко всѣмъ необходимымъ мѣрамъ, если правительство исключитъ со службы нѣкоторыхъ чиновниковъ, и объявить всеобщую забастовку чиновниковъ и рабочихъ — тѣсно солидарныхъ теперь — если правительство помѣшаетъ чиновникамъ войти въ биржи труда и конфедерацію.

---

*) Депутаты получаютъ 15.000 фр. жалованья.

Итакъ стѣна отдѣляющая государственныхъ служащихъ отъ рабочихъ рухнула. Несмотря на репрессіи, несмотря на многократныя заявленія парламента, что чиновничьи стачки нелегальны и что чиновники не должны входить въ Конфедерацію Труда, государственные служащіе объединились съ промышленнымъ пролетаріатомъ, и больше того самъ синдикализмъ принялъ чисто антипарламентскій характеръ. И это сознаетъ сама буржуазія, такъ какъ вотъ что писалъ капиталистическій органъ „Temps" по поводу митинга 4-го апрѣля: „Нельзя скрывать, что синдикальное движеніе приняло ярко антипарламентскій характеръ. Всѣ ораторы, говорившіе на митингѣ, настаивали на этомъ. Прежде всего будетъ замѣчено, что ни одинъ членъ парламента не былъ приглашенъ на этотъ митингъ. Такъ впрочемъ было на всѣхъ синдикальныхъ собраніяхъ послѣднихъ временъ. Не нужно политиковъ! Даже политики соціализма исключены, какъ и всѣ прочіе." Съ другой стороны революціонная „Соціальная война" писала: „Вчерашній митингъ — это тріумфъ синдикализма; это банкротство парламентаризма... Депутаты опротивѣли пролетаріату; рабочему классу тошнитъ отъ парламентаризма. Давно ужъ пора!" „Да теперь приходится плохо, когда на рабочихъ собраніяхъ заявляешь себя депутатомъ"—говорилъ съ горечью одинъ соціалистъ.

Стачка почтовиковъ, борьба административнаго пролетаріата за синдикальное право, развивъ среди государственныхъ служащихъ сознаніе своей силы и нѣкоторый бунтарскій духъ, сплотивъ ихъ въ одно съ рабочими, поставила синдикализмъ въ оппозицію къ парламентаризму, и рабочая синдикальная борьба приняла антипарламентскій характеръ. „Какъ бороться съ этимъ новымъ теченіемъ?" спрашиваетъ себя буржуазія. Необходимы репрессіи—отвѣчаютъ радикалы; необходимо хитрить—говорятъ соціальдемократы, и одинъ видный политикъ совѣтуетъ привлечь въ парламентъ кое кого изъ синдикалистовъ, такъ чтобы парламентъ имѣлъ въ своей средѣ нѣсколько представителей профессіональныхъ организацій. Благодаря депутатамъ-синдикалистамъ буржуазія надѣется пріостановить на нѣкоторое время развитіе революціонныхъ идей. Эти депутаты будутъ играть ту же растлевающую роль, которые играли соціалисты, и рабочее движеніе затихнетъ на многіе годы. Такого рода буржуазные замыслы заставляютъ уже нѣкоторыхъ синдикалистовъ прибавить къ пропагандѣ антимилитаризма и антипатріотизма пропаганду антипарламентаризма, „такъ какъ первый актъ синдикалиста долженъ заключаться въ отрицаніи *всей* буржуазной организаціи".

Такимъ образомъ въ процессѣ борьбы различныя категоріи пролетаріата сплачиваются въ одинъ блокъ; въ процессѣ борьбы развивается сознаніе своей силы, иниціативы, самодѣятельности, идеалъ расширяется, и все болѣе и болѣе углубляется пропасть между буржуазіей со всѣми ея учрежденіями,—парламентомъ, министерствами, правосудіемъ, арміей и между рабочимъ классомъ. Ни одно правительственное, государственное, буржуазное учрежденіе не можетъ способствовать интересамъ рабочаго класса. „Государство и система наемнаго труда составляютъ двѣ головы капитализма", говоритъ „Голосъ Народа"*) въ своемъ первомайскомъ номерѣ. Борьба съ капитализмомъ требуетъ, слѣдовательно, уничтоженія и Государства и системы наемнаго труда, и это уничтоженіе могутъ совершить только сами рабочіе, знающіе хорошо къ чему они стремятся и способные самостоятельно организовать и производство и потребленіе. И въ процессѣ борьбы развивается сознаніе этой способности.

Борьба учителей, почтовыхъ служащихъ, наемниковъ городскаго самоуправленія и вообще рабочихъ „національзированной" промышленности еще не кончилась. Несмотря на свои обѣщанія, правительство стремится при посредствѣ наказаній, репрессій, особыхъ законовъ удержать свою власть, но какъ бы то ни было моральный авторитетъ власти уменьшается, и государственные служащіе все болѣе и болѣе убѣждаются въ полной безполезности администраціи, министерствъ и парламентовъ. Больше того, эти государственныя учрежденія вредны для самого хода національзированной промышленности, и въ процессѣ борьбы преобразуется психика „чиновниковъ" и развивается сознаніе возможности организовать обученіе, почту и прочее безъ всякаго вмѣшательства Государства. Государство противится развитію этой психики, но какъ бы то ни было становится яснымъ, что наступающая революція смететъ систему наемнаго труда, государственный капитализмъ и всѣ государственныя учрежденія, становится яснымъ, что эта революція подготовитъ почву, на которой широко разовьются свободныя ассоціаціи свободныхъ людей.

А. Н.

ИЗЪ РОССІИ

ПАМЯТИ ЗАХАРІЯ РУБЛЕВСКАГО.

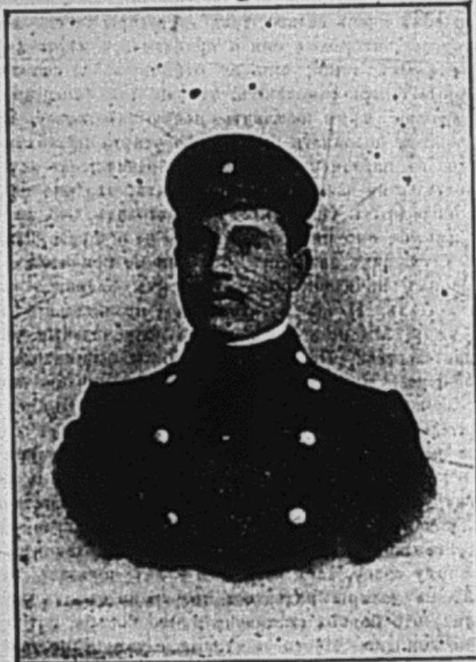
(Изъ Екатеринослава.)

Много товарищей пало въ этотъ годъ въ неравномъ бою съ власть и капиталъ имущими! Много слезъ и крови! Мартирологъ дорогихъ именъ увеличивался чуть не съ каждымъ днемъ. Не успѣли мы пережить трагическую кончину любимаго нашего друга Степана „Бѣлаго", какъ ненасытная шайка убійцъ, олицетворяющая наше правительство, снова пролила кровь борцовъ за народное дѣло.

Убиты анархисты-коммунисты: *Георгій Суховой* и *Захарій Рублевскій*—оба рабочіе.

Двѣ свѣжія могилы... Новыя жизни загублены презрѣнными палачами...

Мы привыкли хоронить близкихъ... Цѣлая вереница погибшихъ встаетъ въ нашей памяти... и теперь, провожая павшихъ друзей, мы испытываемъ чувство нѣкотораго облегченія. Наши братья по идеѣ погибли не въ тюремномъ застѣнкѣ отъ медленной агоніи, не на плахѣ отъ руки палачей... Судьба уготовила имъ славную смерть въ бою... Они умирали, разя своихъ враговъ.... Они внесли въ ихъ ряды ужасъ и смятеніе. Они отомстили за себя, какъ могли, сражаясь вдвоемъ съ цѣлыми полчищами кровожадныхъ псовъ государства. Эта геройская борьба, поединокъ двухъ революціонеровъ, вооруженныхъ револьверами, и многочисленныхъ стражниковъ, окружившихъ ихъ со всѣхъ концовъ,

Захарій Рублевскій

даетъ хорошій примѣръ, какъ умѣютъ умирать люди, не желающіе стать добычей власть и капиталъ имущихъ. Среди царства страха и унынія, рабства и покорности смѣло звучитъ ихъ гордый вызовъ, и его запомнятъ рабочіе, за освобожденіе которыхъ жили и умерли наши братья.

* * *

Было утро 26 февраля. Въ рабочемъ предмѣстьѣ Нижне-Днѣпровска, Султановкѣ, происходило необыкновенное движеніе. Гарцевали конные казаки, сновали взадъ и впередъ шпіоны... Двигались наряды полиціи, жандармовъ со своими „начальствами" во главѣ. Вся эта свора направлялась къ Церковной улицѣ, гдѣ оцѣпили домъ Долженко, пустынный и заброшенный. Полиція получила указанія, что въ этомъ домѣ происходитъ тайное собраніе

анархистовъ-коммунистовъ, на которомъ послѣдніе яко бы обсуждаютъ и вырабатываютъ планъ вооруженнаго нападенія на одно крупное капиталистическое предпріятіе.

Когда власти оцѣпили домъ, въ немъ началось какое-то движеніе, слышался неясный гулъ, шумъ сдвигаемой мебели... Спустя нѣсколько минутъ двери открылись, и оттуда выскочили вооруженные анархисты,*) дали залпъ въ спѣшившихся стражниковъ, и скрылись въ разныхъ направленіяхъ.

Испуганная полиція разбѣжалась. Четыре стражника и одинъ агентъ сыскной полиціи были ранены.

Немного успокоившись, власти раздѣлились на два отряда. Первый сталъ обстрѣливать пустой домъ. Второй — преслѣдовать революціонеровъ. Во время обстрѣла дома Долженко внутри царила зловѣщая тишина. Вдругъ раздался оглушительный грохотъ взрыва... Рухнула печь, отлетѣли ставни съ оконъ, разлетѣлись на мелкіе куски столы и прочая мебель. Это взорвалась бомба, начиненная мелинитомъ и положенная товарищами на окно.

Впослѣдствіи, когда оправившаяся отъ страха полиція проникла въ домъ, она обнаружила тамъ еще двѣ фитильныхъ бомбы, меньшаго калибра.

Во время погони двое товарищей—Рублевскій и Суховой—были настигнуты у зданія эстампажнаго завода. Они все время отстрѣливались. Но разстояніе между ними и полиціей съ каждой минутой уменьшалось. Скрыться уже не было возможности... Преслѣдователи остановились и предложили сдаться. Товарищи въ отвѣтъ на это послали послѣдній залпъ. Тогда озвѣрѣвшіе палачи разстрѣляли мужественныхъ революціонеровъ.

На другой день буржуазныя газеты оповѣстили, что власти прикончили двухъ „опасныхъ анархистовъ".

Одинъ изъ нихъ, Георгій Суховой, недавно еще оказалъ вооруженное сопротивленіе и скрылся отъ преслѣдователей. Второй—Захарій Рублевскій, давно розыскивался полиціей и обвинялся въ 24 вооруженныхъ нападеніяхъ. (См. „Биржевыя Вѣдомости" отъ 27 фев.)

* * *

Мы особенно близко знали Рублевскаго. Это былъ молодой рабочій, служившій одно время на желѣзной дорогѣ стрѣлочникомъ. Онъ крестьянинъ Могилевской губ. Съ дѣтства познакомился съ каторжной жизнью труженика-земледѣльца и выросъ непримиримымъ врагомъ всѣхъ сытыхъ и властвующихъ. Въ 1904 году служа на ж. д., Рублевскій попадаетъ въ командировку на Дальній Востокъ. Здѣсь онъ узнаетъ жизнь пролетарія во всей ея наготѣ. Онъ возвращается сознательнымъ рабочимъ, готовымъ бороться до конца за дѣло народнаго освобожденія. Въ то время, когда онъ жилъ въ Нижнеднѣпровскѣ, ему удалось познакомиться съ анархистами, и онъ примыкаетъ къ нимъ. Захаръ Рублевскій умеръ 23-хъ лѣтъ. Но онъ уже былъ вполнѣ сформировавшимся анархистомъ. Правда, неспокойная жизнь, вѣчныя скитанія мѣшали ему глубже разбираться въ вопросахъ теоріи и практики анархизма, но таковъ удѣлъ всѣхъ передовыхъ рабочихъ въ наше время. Всѣ лучшія силы, порывы отдаются не на пропаганду, агитацію, организацію рабочихъ массъ, не на творческую работу, а исключительно на террористическую борьбу.

Такъ и Захаръ. Съ лѣта 1908 года онъ былъ занятъ преимущественно боевыми дѣлами. Онъ принимаетъ участіе въ подготовкѣ нападенія на тюрьму съ цѣлью освободить заключенныхъ. Онъ участвуетъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, въ убійствѣ жандармскаго вахтмистра Ватца и шпіона Гаврилова. Осенью, съ двумя анархистами ему пришлось въ послѣдній разъ побывать въ послѣдній разъ на родинѣ, въ Могилевской губерніи. Здѣсь товарищи предполагали отбить у полиціи идущаго съ этапомъ „на уличеніе" анархиста. Это выполнить не удалось. Тогда Захаръ бросаетъ бомбу въ домъ помѣщика, мѣстнаго эксплуататора, уличавшаго арестованнаго анархиста.

Скрываясь послѣ взрыва, товарищи были настигнуты въ одномъ мѣстечкѣ сворой стражниковъ съ урядникомъ во главѣ. Завязалась перестрѣлка, Захаръ опасно раненъ. Со стороны нападавшихъ большія потери: убитъ урядникъ, двое стражниковъ, третій тяжело раненъ. Остальные бѣжали. Товарищи уносятъ Захара. Но у нихъ нѣтъ денегъ... Они одни въ незнакомыхъ мѣстахъ... Какъ быть? Организовываютъ экспромтомъ нападеніе на казенную монополію, достаютъ деньги и уѣзжаютъ въ Екатеринославъ.

Много аналогичныхъ случаевъ было въ жизни Захара. Полиція считала его какимъ-то кровожаднымъ террористомъ, убійцей по профессіи,—на самомъ же дѣлѣ онъ былъ добрый малый, немного даже сантиментальный. Условія россійской дѣйствительности сдѣлали изъ него террориста, и онъ испилъ свою горькую долю до конца. Онъ часто рвался, мечталъ объ иной жизни, онъ тяготился той обстановкой, которая мѣшала ему соприкасаться съ широкими массами; но пріѣхавъ „на пропаганду" въ Александровскъ, онъ почувствовалъ, что не можетъ вести ее. Не хватаетъ ни знанія, ни настроенія. Онъ вернулся къ намъ... И жилъ изо дня въ день, ожидая смерти. И она пришла.

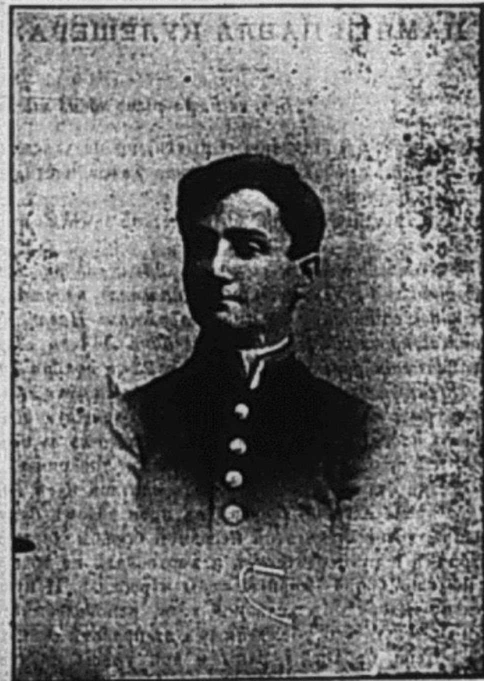
А.

*) По подсчету полиціи ихъ было 12, но по другимъ даннымъ полиція отъ страха сильно преувеличила число нападавшихъ.

МОИСЕЙ ЭЙКЕЛЬМАНЪ.

4 января 1909 г. въ 11 часовъ вечера въ Каменецъ-Подольскѣ погибли двое нашихъ молодыхъ товарищей: Моисей Эйкельманъ, гимназистъ 7-го класса и винницкій товарищъ Николай. Послѣдній мнѣ мало извѣстенъ.

Погибли они при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Подольская группа въ концѣ прошлаго года ощущала острую нужду въ оружіи; за доставку оружія изъ заграницы берется Моисей. Съ этой цѣлью онъ уѣзжаетъ заграницу и закупаетъ оружіе. Тутъ онъ встрѣчаетъ Николая, который послѣ винницкаго провала жилъ нѣкоторое время заграницей. Встрѣтившись съ Моисеемъ, Николай рѣшилъ возвратиться въ Россію и снова начать невольно прерванную жизнь бойца-революціонера. Захвативъ съ собой оружіе, оба товарища благополучно переходятъ утромъ 4-го января на русскую сторону. Опасаясь натолкнуться на объѣздчиковъ, которые разъѣзжаютъ по близости границы, они рѣшаютъ остановиться у товарищей и переждать до заката солнца, а вечеромъ, пользуясь темнотой, добраться до Каменца. Часть оружія они оставляютъ у товарищей, съ собой захватываютъ три револьвера съ патронами, и въ $10^1/_2$ часовъ вечера они уже въ Каменцѣ. Опасность осталась, казалась бы, позади. Товарищи едвали ожидали, что съ ними можетъ что-либо случиться въ городѣ, гдѣ Моисей превосходно зналъ мѣстность и гдѣ уже нѣтъ пограничной стражи. Но судьба рѣшила иначе.

Моисей Эйкельманъ

Прійдя въ городъ, товарищи прямо отправились на квартиру, причемъ одинъ изъ нихъ несъ въ рукахъ гимназическую одежду. Къ нимъ по дорогѣ присоединился третій товарищъ. Когда они подошли къ условленной квартирѣ, они послали этого товарища за ключемъ, а сами остались на улицѣ возлѣ гимназіи. Въ это

время къ нимъ подошелъ полицейскій надзиратель и спросилъ, что они держатъ въ рукахъ и кого ожидаютъ. Не удовлетворившись ихъ отвѣтомъ, онъ потребовалъ чтобы они отправились съ нимъ въ участокъ. Тогда одинъ изъ товарищей, отойдя на нѣсколько шаговъ въ сторону, выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ нѣсколько разъ въ надзирателя. Къ несчастью товарищъ промахнулся, и надзиратель, выхватилъ свой револьверъ, нѣсколькими выстрѣлами убилъ Моисея и Николая. Не удовольствовавшись этимъ, усѣрдный слуга Государства и Капитала изрубилъ шашкой трупъ Моисея.

Такъ погибли на зарѣ своей революціонной дѣятельности молодые народные борцы, всей душой преданные революціи. Полные силъ и надеждъ, Моисей и Николай много еще могли сдѣлать для народнаго дѣла; несчастная случайность не дала исполниться этимъ надеждамъ и превратила ихъ въ окровавленные трупы.

Моисей Эйкельманъ былъ убитъ 19 лѣтъ отъ роду. Родился онъ въ бѣдной еврейской семьѣ; отецъ его служитъ мѣщанскимъ старостой въ одномъ изъ мѣстечекъ подольской губерніи. Съ 4-го класса онъ уже самъ содержалъ себя уроками, продавая свой дѣтскій трудъ за ничтожные гроши сытымъ буржуа. Благодаря этому онъ уже шестнадцатилѣтнимъ юношей проникся пролетарской психикой. Онъ сталъ искать путей для освобожденія народныхъ массъ. Сначала онъ думалъ, что сіонистское движеніе можетъ освободить еврейскую бѣдную массу и примкнулъ къ сіонистамъ. Но вскорѣ онъ понялъ буржуазную сущность этого ученія и сталъ искать революціонеровъ, которые не только словомъ, но и дѣломъ боролись бы за освобожденіе народа. Онъ примкнулъ къ анархистамъ-коммунистамъ. Въ нашей группѣ онъ успѣлъ поработать всего 8 мѣсяцевъ, но за это короткое время онъ оказалъ ей цѣнныя услуги въ качествѣ пропагандиста. Онъ же первый изъ нашей группы завязываетъ сношенія съ солдатами и кладетъ основаніе антимилитарской (въ анархическомъ смыслѣ этого слова) пропагандѣ въ нашей мѣстности. Образъ молодого самоотверженнаго товарища будетъ долго жить въ памяти подольскихъ революціонеровъ.

Павелъ.

ПАМЯТИ ПАВЛА КУЛЕШЕВА.

„Безумно храбрымъ поемъ мы пѣсню"!

Окончились мученія, истязанія и пытки, но не угасла память о дорогомъ товарищѣ, печаль и ненасытная жажда мести, мести жестокой и беспощадной...

Съ появленіемъ единственной лаконической замѣтки въ мѣстной газетѣ, что:

„Военно-окружный судъ въ засѣданіи 25-го ноября 1908 года, выслушавъ дѣло о бывшемъ штурманѣ дальняго плаванія, лишенномъ всѣхъ правъ состоянія, ссыльно-каторжномъ Павлѣ Кулешевѣ, обвиняемомъ въ производствѣ взрыва въ домѣ №4 по Лермонтовскому пер. и нанесеніи ранъ чинамъ полиціи 22-го ноября 1907 года, призналъ его виновнымъ по выводамъ обвинительнаго акта и приговорилъ его къ смертной казни. Въ прошлую ночь смертный приговоръ надъ Павломъ Кулешевымъ приведенъ въ исполненіе", мы поняли, что настанъ предѣлъ мученіямъ товарища, который всю свою жизнь безкорыстно посвятилъ свѣтлой идеѣ анархизма, который все время активно боролся съ произволомъ буржуазіи и правительства, который въ этой неравной борьбѣ бывалъ часто организаторомъ и руководителемъ и жертвовалъ не только своей жизнью, но еще болѣе—жизнью жены и ребенка. И нужно быть дѣйствительно человѣкомъ желѣзной воли, непоколебимаго характера, нужно быть твердо убѣжденнымъ въ правотѣ дѣла, дабы, вынося такія потери, пораженія, раны и всѣ ужасы инквизиціи со стороны тюремныхъ палачей, не выдать ни однимъ словомъ, ни однимъ звукомъ своихъ товарищей! Не всякій можетъ быть Павломъ Кулешевымъ, какъ не всякій изъ „товарищей" можетъ назвать себя идейнымъ анархистомъ.

Павелъ Кулешевъ былъ хорошо извѣстенъ во всѣхъ группахъ, какъ теоретикъ и незамѣнимый практикъ, и какъ самый дѣльный и серьезный товарищъ. Еще до дней манифеста (читай: погромовъ) онъ былъ неоцѣнимъ,—будучи капитаномъ парохода, онъ перевозилъ оружіе и литературу, завязалъ сношенія съ македонцами и у нихъ выучился боевой техникѣ, незнаніе которой прямо преступно для анархиста.

Впослѣдствіи на его же квартирѣ, во время ареста тов. Порфирія Салимовскаго, при производствѣ обыска полиціей, взорвалась бомба.

Намъ пришлось бы здѣсь повторить о Кулешевѣ то, что написано уже о Салимовскомъ въ 10—11 № „Буревѣстника", какъ о его другѣ, товарищѣ и соратникѣ.

Павелъ Кулешевъ не терялъ времени, онъ дѣйствовалъ огнемъ и динамитомъ, мстя за погибшихъ товарищей и уничтожая буржуазную собственность. Это онъ вмѣстѣ съ другими анархистами захватилъ пароходъ „Софію" на Черномъ морѣ и исполнялъ на немъ роль капитана во время экспропріированія 50000 рублей банковыхъ денегъ. Рискуя быть раздавленнымъ, съ краснымъ фонаремъ въ рукѣ, онъ впослѣдствіи останавливаетъ курьерскій поѣздъ и исполняетъ роль машиниста на паровозѣ. Во время этого вооруженнаго нападенія былъ убитъ товарищемъ Давидомъ Рабинзономъ одинъ жандармъ, и сожжены вагоны вмѣстѣ со всѣми казенными деньгами. Въ общемъ Павелъ Кулешевъ былъ участникомъ болѣе сорока различныхъ предпріятій! Опытный пропагандистъ, руководитель многихъ матросскихъ забастовокъ въ порту, горячій сторонникъ террора и грозный мститель,—онъ въ то же время былъ самымъ отзывчивымъ и добрымъ товарищемъ. Еще одно громадное достоинство Кулешева, это его скромность и искренняя ненависть къ „презрѣнному металу". Онъ всегда говорилъ:„ хочешь узнать и провѣрить человѣка—имѣй съ нимъ финансовыя дѣла". Своимъ опытомъ, умомъ и качествами Павелъ настолько выдѣлялся изъ группы*), что пользовался большимъ авторитетомъ въ кругу своихъ товарищей, которые часто любили обращаться къ нему за разъясненіемъ спорныхъ вопросовъ. Какъ принципіальнаго противника авторитета, это всегда сильно огорчало его. За 8—10 мѣсяцевъ до ареста я познакомился съ нимъ на одной конспиративной квартирѣ. Я сразу обратилъ вниманіе на его умное лицо, въ которомъ виднѣлась мощь, энергія и необыкновенная сила воли. Сѣроватые, влажные глаза его имѣли выраженіе смѣлости и рѣшимости, и стойкость убѣжденій всегда звучала въ рѣчахъ его. На видъ ему было не болѣе 27 лѣтъ, онъ былъ очень хорошо сложенъ, выше средняго роста, гибкій, стройный, съ увѣренной, свойственной моряку походкой, съ большой окладистой бородой, которая лопатой обрамляла его лицо. Волосы у Павла были русые, а борода и усы носили чуть, чуть рыжеватый оттѣнокъ. И было что то такое въ чертахъ его лица, что невольно влекло къ нему, внушало безграничное довѣріе, и чувствовалось съ нимъ хорошо, свѣтло и радостно.

Бывали у Павла моменты задумчивости и скрытой печали, и тогда его щеки покрывались больнымъ лихорадочнымъ румянцемъ. Никогда, ни слова не говорилъ онъ ни о себѣ, ни о своихъ мукахъ. Подъ суровой внѣшностью этого „морского волка" скрывалась чистая, чуткая душа.

Кто знаетъ, можетъ быть и понынѣ онъ былъ бы еще на свободѣ или погибъ бы (какъ мечталъ) въ бою, съ оружіемъ въ рукахъ, если бы не провокація бывшаго товарища, также участника нападенія на курьерскій поѣздъ, Романа Лаевскаго, который за деньги донесъ на него полиціи и выдалъ оборудованную на его квартирѣ лабораторію.

Полиція 22 го ноября въ большомъ нарядѣ отправилась туда арестовать или прямо убить Кулешева, но его не застала, а захватила другого товарища, который мѣткими выстрѣлами уложилъ пять полицейскихъ съ начальникомъ отряда, а самъ скрылся невредимымъ. Произведя впослѣдствіи обыскъ, полиція взорвала лабораторію и этимъ взрывомъ буквально разрушила до основанія весь домъ. Для поимки Павла была поставлена на ноги вся полиція, но онъ скрываться не хотѣлъ и согласился уѣхать только тогда, когда представилось новое опасное дѣло въ другомъ городѣ, куда ѣхали товарищи.

Въ четыре часа дня, идя по Московской улицѣ вмѣстѣ съ товарищемъ Мишей Нехорошимъ, Павелъ подвергся нападенію пяти сыщиковъ сзади. Мишу моментально повалили на землю и связали; а Павла предварительно оглушили ударами револьверовъ по головѣ, а затѣмъ надѣли ему на голову мѣшокъ и обезоружили. Цѣлую недѣлю ихъ держали въ участкѣ. За это время товарищи успѣли списаться и приготовились отбить ихъ во время перевода

*) Анархистовъ-синдикалистовъ, а затѣмъ „Анархистовъ Юга" Россіи.

изъ участка въ тюрьму, но провокаторъ Романъ Лаевскій (въ это время еще никто не подозрѣвалъ его въ провокаторствѣ) предупредилъ полицію; послѣдняя приняла мѣры и препровождала каждаго товарища отдѣльно, въ сопровожденіи 6 городовыхъ. Перваго вели Мишу, а въ двухстахъ шагахъ за нимъ Павла. Браунинги у городовыхъ были на готовѣ, но Мишу это не остановило и онъ, подойдя по Московской улицѣ къ желѣзно-дорожному мосту, ринулся между городовыми, повалилъ двухъ на землю, но тутъ же былъ сраженъ нѣсколькими пулями и скончался. Когда къ этому же мѣсту подошли городовые съ Павломъ, послѣдній не взирая на все происшедшее, растолкалъ городовыхъ и тоже бросился бѣжать, но не успѣлъ онъ скрыться на 150 шаговъ, какъ свалился раненый шестью пулями, въ сѣняхъ дома по Софіевской улицѣ.

Впослѣдствіи его кое какъ вылечили въ тюремной больницѣ и осудили въ первый разъ къ 15 годамъ каторги за взрывъ на его квартирѣ; но этого было мало для гнусныхъ и подлыхъ палачей, ибо они хорошо знали, что Павелъ—непримиримый и вѣчный ихъ врагъ, что никакія обѣщанія облегченія судьбы и никакія пытки не склонятъ его идти на компромиссъ, и они осудили его вторично къ смертной казни „по выводамъ обвинительнаго акта" т. е. не имѣя фактовъ и доказательствъ, не имѣя даже свидѣтелей шпиковъ! *Имъ нужна была только смерть Павла, и они добились ея.*

Съ самаго ареста Павла держали въ тюрьмѣ болѣе 1½ года, подвергая изысканнымъ и страшнымъ пыткамъ, но передъ казнью онъ не далъ дольше издѣваться надъ собою своимъ палачамъ и, идя на эшафотъ, принялъ ядъ, такъ что его привезли на казнь почти мертвымъ, въ безсознательномъ состояніи.

Но предъ тѣмъ, какъ принять ядъ, онъ все таки успѣлъ сказать окружающимъ нѣсколько словъ о любви и правдѣ, передалъ товарищу, находящемуся заграницей, предсмертный привѣтъ и завѣщалъ друзьямъ не уставать въ борьбѣ за осуществленіе великой идеи. Умеръ онъ съ надеждой на отомщеніе и съ призывомъ къ непримиримой борьбѣ!

Его уже нѣтъ, и не хочется вѣрить, что съ нимъ сошла въ могилу такая сила любви, молодости и знанія. Спи же, дорогой товарищъ! и знай, что твоя смерть будетъ безпощадно и жестоко отомщена, помни что всѣ мы, знавшіе тебя, прониклись жаждой мести, она всецѣло насъ охватила и стала единственной нашей страстью!!..

* * *

Миша Нехорошій, участникъ многихъ дѣлъ, сознательный рабочій былъ надежнымъ товарищемъ и другомъ Павла.

Петръ Малиновскій, онъ же „Петро Крестьянскій," хорошо извѣстный на югѣ Россіи, какъ превосходный работникъ въ деревнѣ. Его талантливо написанные листки и прокламаціи, „обращенія къ крестьянамъ", вызывали всюду восторгъ и читались на расхватъ въ деревняхъ и городахъ. „Петро" даже завелъ въ одной глухой деревнѣ тайную типографію, гдѣ самъ не только составлялъ, но и набиралъ, печаталъ и распространялъ свои прокламаціи. Погибъ онъ въ Кіевской губерніи, осенью прошлаго года, во время перестрѣлки со стражниками. Крестьянство въ немъ потеряло рѣдкаго человѣка, который дѣйствительно зналъ его душу и умѣлъ съ нимъ говорить.

Давидъ Рабинзонъ былъ спропагандированъ въ тюрьмѣ. Очутившись на волѣ, онъ примкнулъ къ группѣ анархистовъ-синдикалистовъ, а затѣмъ работалъ въ переименовавшейся организаціи „Анархисты на Югѣ", въ составъ которой тогда вошла „крестьянская группа анархистовъ-коммунистовъ" во главѣ съ товарищемъ „Петро". Способный и смѣлый, закаленный врагъ буржуазіи и правительства,—Рабинзонъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ между прочимъ работалъ среди моряковъ въ порту, принималъ активное участіе въ нападеніи на „Софію", а также на курьерскій поѣздъ, во время котораго убилъ жандарма.

Въ 1909-мъ году 19-го апрѣля военно-окружный судъ приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Не желая умереть отъ руки палача, онъ по дорогѣ въ тюрьму, отравился ціанистымъ каліемъ.

К.

ХРОНИКА БОРЬБЫ.

Екатеринославъ. Въ прошломъ № „Буревѣстника" мы уже описывали геройскій вооруженный отпоръ, который оказалъ полиціи и жандармамъ, членъ нашей организаціи а.-к. *Степанъ Мамакинъ*, извѣстный болѣе подъ кличкой „Вѣлаго". Съ этого времени власти повели систематическую охоту на мѣстныхъ анархистовъ-коммунистовъ. Всюду въ рабочихъ кварталахъ шли облавы, обыски и аресты. Нелегальнымъ революціонерамъ пришлось скрываться. Нѣкоторые изъ нихъ, застигнутые врасплохъ, встрѣчали полицію вооруженнымъ сопротивленіемъ. Аналогичныхъ случаевъ такъ много въ нашей бѣдной иными революціонными проявленіями жизни, что ихъ трудно зарегистрировать точно и въ порядкѣ.

—Въ нашей хроникѣ мы приводимъ только наиболѣе характерные и притомъ хорошо извѣстные намъ отстрѣлы анархистовъ.

Такъ, на Выѣздной улицѣ, въ домѣ Григорьева, полицейскій отрядъ, во главѣ съ начальникомъ сыскного отдѣленія, пытался вечеромъ захватить одного товарища. Приблизившись къ квартирѣ и потребовавъ отпереть двери, власти остались ожидать въ прихожей. Вдругъ двери распахнулись, и оттуда послѣдовали частые выстрѣлы, которыми были ранены околоточный надзиратель фабричнаго участка Осколовскій и агентъ сыскного отдѣленія. Полиція въ паникѣ отступила. Товарищи, продолжая отстрѣливаться, выскочили на улицу и скрылись. Во время этого вооруженнаго столкновенія одинъ былъ сильно раненъ и впослѣдствіи скончался.*)

Аналогичный почти случай имѣлъ мѣсто 2-го марта въ городѣ, при попыткѣ полиціи задержать другого анархиста, скрывшагося въ одномъ домѣ. Онъ открылъ стрѣльбу, ранилъ полицейскаго, получилъ самъ рану и все же, прорвавшись сквозь цѣпь городовыхъ, скрылся.

Всѣ эти эпизоды, начавшіе эру вооруженныхъ сопротивленій, вызвали всевозможные толки среди рабочаго населенія. Среди окружающаго унынія и сѣренькой дѣйствительности, они ярко подчеркнули непримиримость рабочихъ анархистовъ, готовность ихъ скорѣе умереть въ бою, нежели отдаться живыми на истязанія, мученія, а затѣмъ и казнь, въ руки ихъ палачей.

Особенную же сенсацію произвело вооруженное столкновеніе двухъ анархистовъ на полустанкѣ Амуръ. Это было вскорѣ послѣ геройской гибели анархистовъ на Нижне-Днѣпровкѣ. Всюду сновали шпики, власти были насторожѣ... На платформѣ толпились пассажиры въ ожиданіи поѣзда, идущаго въ Екатеринославъ. По перрону прогуливались двое рабочихъ со сверткомъ въ рукѣ, въ которомъ оказалась бомба. Эти лица показались подозрительными околоточному надзирателю Зайцеву, и онъ сталъ за ними слѣдить. Выбравъ подходящій моментъ, полицейскій чиновникъ подскочилъ къ рабочимъ и крикнулъ:

— „Ни съ мѣста! Руки вверхъ! Вы арестованы!"...

Товарищи не потерялись... Они быстро встали со своихъ мѣстъ, причемъ одинъ изъ нихъ, съ бомбой, помѣстился позади, второй бросился на околоточнаго и началъ стрѣлять изъ маузера. Послѣдній отвѣчалъ тѣмъ же. Завязалась перестрѣлка. Публика, сторожа, станціонные служащіе въ паникѣ разбѣжались. „Тамъ анархисты! Стрѣляютъ! Не входите! Есть убитые!..." слышались отдѣльные голоса.

На выстрѣлы явились вооруженные стражники которые вмѣстѣ съ уцѣлѣвшимъ околоточнымъ преслѣдовали скрывавшихся, у берега Днѣпра, анархистовъ. На предложеніе сдаться, подъ угрозой „будемъ стрѣлять", они осыпали полицію градомъ пуль. Никто не былъ задержанъ. Это событіе сильно всполошило мѣстныя власти. На станціи безсмѣнно дежурятъ стражники. Полиція предполагаетъ, что скрывшіеся террористы—товарищи убитыхъ недавно анархистовъ З. Рублевскаго и Г. Сухового.

Кіевъ. Въ мѣстномъ военно-окружномъ судѣ состоялся недавно процессъ анархистовъ-коммунистовъ, по которому, между прочими, *Германъ Сандомірскій* и *Наумъ Тыша* получили 8 лѣтъ каторги, *Дубинскій*—15 лѣтъ каторги.

Проскуровъ (Камен.-Под. губ.). Въ военно-окружномъ судѣ 2-го марта слушалось дѣло крестьянина *Малайдаси*, 18 лѣтъ, обвиняемаго въ принадлежности къ анархистамъ-коммунистамъ, а также въ покушеніи на убійство урядника Волощука.

Малайдакъ по первому обвиненію осужденъ на 5 лѣтъ 4 мѣс. каторжныхъ работъ, по дѣлу же о покушеніи на убійство урядника оправданъ.

Енисейскъ. По дѣлу о недавнемъ бунтѣ политическихъ ссыльныхъ арестованъ административно-ссыльный, обвиняющійся въ принадлежности къ минской группѣ анархистовъ — *Израиль*

*) Умершій отъ ранъ товарищъ былъ рабочій съ Амура — [illegible] Черн[illegible], второй отступившійся — Георгій Суховой, третьяго фамиліи не извѣстна, и онъ не былъ даже вооруженъ.

Р.

Виленскій. Ему грозитъ военно-окружной судъ, и онъ все время содержится въ мѣстной тюрьмѣ въ крайне отвратительныхъ условіяхъ.

Одесса. Въ военно-окружномъ судѣ разбирался громкій процессъ пяти товарищей, обвиняемыхъ въ принадлежности къ анархистамъ-синдикалистамъ, въ нападеніи на курьерскій поѣздъ, въ метаніи бомбъ, убійствѣ жандарскаго унтеръ-офицера Калергина и пораненіи двухъ служащихъ. Дѣло длилось два дня. Подсудимые, *Давидъ Рабиловъ, Петръ Думатевъ, Тарасъ Топальскій, Ѳедоръ Бочаровъ,* и *Цезарь Риле* приговорены: одинъ къ смертной казни; остальные къ каторгѣ: одинъ къ 19 годамъ, двое къ 13 и послѣдній къ 8.

БИБЛІОГРАФІЯ.

„Анархистъ" № 3. Май 1909 г. Намъ нѣсколько разъ приходилось на страницахъ „Бур—ка" высказывать сожалѣніе, что наши антисиндикалисты нигдѣ въ печати не изложили своихъ организаціонныхъ плановъ. Теперь намъ приходится признать себя удовлетворенными. Не только „Бунтарь", являющійся выразителемъ „чернознаменскаго" направленія познакомилъ насъ со своими организаціонными построеніями, но даже отдѣльные товарищи на собственный страхъ и рискъ спѣшатъ подѣлиться съ читателями анархистской литературы своими организаціонными рецептами, долженствующими направить современное рабочее движеніе на истинный путь.

Статья т. Оскара Бурита — „Принципы трудового анархистскаго союза" представляетъ собой одинъ изъ такихъ спасительныхъ рецептовъ. Одно заглавіе уже звучитъ многообѣщающе, но статья даетъ еще больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе; тутъ излагаются не одни лишь „принципы", а дается весьма детальный проектъ организаціи тайной анархической профессіональной конфедераціи. Проектъ разработанъ настолько детально, что даже предусматриваетъ правила сношеній интеллигентскихъ анархистскихъ группъ съ проектируемой авторомъ „конфедераціей". О цѣнности этого организаціоннаго проекта можно судить уже по тѣмъ „теоретическимъ" предпосылкамъ, на которыя онъ опирается. Вотъ напр. одна изъ этихъ предпосылокъ: „Въ экономической борьбѣ рабочихъ обнаруживаются два процесса: процессъ экономическаго реформизма и процессъ соціальной революціи (?). Проявленія перваго вызываютъ (!) экономическую борьбу въ мирное профессіональное движеніе (?!). Проявленія второго — составляютъ сущность анархическаго движенія (?!!)...

Подобные теоретическіе перлы разбросаны по всей статьѣ. Что же касается самихъ организаціонныхъ плановъ автора, то ихъ единственное достоинство, на нашъ взглядъ, заключается въ томъ, что ихъ неосуществимость очевидна, и поэтому едва-ли кто либо попытается провести ихъ въ жизнь..

Т-щъ Вадимовъ („Капиталистическая дѣйствительность и формы рабочаго движенія") не строитъ никакихъ организаціонныхъ плановъ. Онъ считаетъ несовмѣстимой революціонную классовую борьбу не только съ легальнымъ организаціоннымъ строительствомъ, но и съ „*широкими* (курс. Вадимова) и массовыми *нелегальными* (курс. нашъ) организаціями". Это точка зрѣнія не новая: нѣсколько лѣтъ тому назадъ ее развивали русскіе безначальцы, и на западѣ на ней до сихъ поръ стоятъ анархисты-индивидуалисты, проповѣдующіе свои тактическія идеи въ кружкахъ деклассированной интеллигенціи.

„Бойцовъ творитъ только битва", справедливо думаетъ авторъ, и отсюда дѣлаетъ совершенно ложный выводъ; — организацію массъ онъ рекомендуетъ *замѣнять* экономическимъ терроромъ. Замѣтьте, — экономическій терроръ, въ представленіи автора, *не дополняетъ*, а *замѣняетъ* массовую организацію. „Въ процессѣ борьбы куется другая дѣйствительно необходимая организація — организація воли и стремленій рабочаго класса... Свое выраженіе она находитъ не въ постановленіяхъ о томъ или иномъ выступленіи, а въ его стихійномъ существованіи... Именно такимъ путемъ развивалось великое стачечное движеніе россійской революціи"... Но именно поэтому, — благодаря стихійному характеру россійской революціи, благодаря отсутствію рабочихъ организацій, — пролетарское движеніе было такъ легко раздавлено. Россійскій пролетаріатъ и крестьянство быстро поняли колоссальное значеніе организаціи и лихорадочно стали организовываться, но и правительство, очевидно, не раздѣляю взглядовъ т-ща Вадимова на массовыя организаціи, и уничтожило ихъ въ самомъ началѣ.

Мы не скрываемъ отъ себя тѣхъ опасностей, которыя существуютъ въ массовыхъ организаціяхъ для революціоннаго настроенія пролетаріата, въ особенности, когда въ средѣ этихъ организацій берутъ верхъ централистическія тенденціи. Но нельзя же пролетаріату изъ за боязни этихъ опасностей отказаться отъ единственной защиты, которою онъ обладаетъ въ борьбѣ съ общественными силами капитализма и государства — отъ солидарной массовой экономической организаціи, — нельзя вмѣстѣ съ водой выплеснуть изъ ванны и ребенка.

М. Р—скій.

„Хлѣбъ и Воля" органъ группы анархистовъ-коммунистовъ «Хл. и В.». № 1 мартъ 1909 г.

Содержаніе: «Что же дальше» П. Кропоткина, «Классовая борьба» К. Оргеіани, «На текущія темы» М. Коринъ, «Марсельскій конгрессъ» Ш. Депланка «Тулузскій конгрессъ» Л. И—вой, «Вмѣсто хроники» М. Р—евскаго, «По поводу одного урока» К. Оргеіани.

О принципахъ, которыми руководится редакція „Х. и В." при изданіи своего органа и его задачахъ мы уже говорили въ передовой статьѣ № 13 „Буревѣстника". Изданіе русскаго анархистскаго теоретическаго органа теперь уже свершившійся фактъ. Остается пожелать, чтобы вокругъ этого органа сгруппировались всѣ теоретическія силы русскаго коммунистическаго анархизма, примыкающія къ тому пониманію нашихъ идей, которое было положено въ основу новаго органа.

Современная соціальная жизнь выдвинула цѣлый рядъ вопросовъ, теоретическое разрѣшеніе которыхъ въ сильной степени способствовало бы успѣхамъ практическаго движенія. Въ работахъ старыхъ анархистскихъ теоретиковъ даны лишь общія схемы, руководящая нить, но въ нихъ нѣтъ, да и не могло быть детальной разработки нѣкоторыхъ современныхъ соціальныхъ вопросовъ.

Для насъ анархистовъ-коммунистовъ новые соціальные вопросы разрѣшаются въ конечномъ счетѣ практикой массоваго движенія, но изъ этого не слѣдуетъ, что мы склонны отрицать значеніе стройнаго міровоззрѣнія, философскаго синтеза.

Горячо рекомендуемъ вниманію товарищей первый номеръ „Хлѣбъ и Воли", въ особенности статьи П. А. Кропоткина и К. Оргеіани.

Л.

СОДЕРЖАНІЕ:
1. Парижская Коммуна (1871 г.). *К. Оргеіани.* 2. Замѣтка о революціонномъ синдикализмѣ. *А. Иванова.* 3. Еще къ вопросу о формахъ массовой организаціи. *М. Раевскій.* 4. Революція въ Турціи и македонскіе инсургенты. *Н. Рогдаевъ.* 5. Революціонное движеніе въ Китаѣ. — Заграничная хроника: 6. Первая почтовая забастовка во Франціи. *А. Н.* — Изъ Россіи: 7. Памяти Захарія Рублевскаго. 8. Моисей Эйкельманъ. 9. Памяти Павла Кузешева. 10. Хроника борьбы. 11. Библіографія.

Группа русскихъ анархистовъ-коммунистовъ „Буревѣстникъ" въ Буэносъ-Айресъ (Аргентина) обращается ко всѣмъ анархическимъ группамъ и издательствамъ съ просьбой прислать издаваемую ими литературу.

Адресъ: R. Argentina, Buenos-Ayres, C. Libertad 837—39 Redaction „La Protesta" para grupo «Burewestnik».

Письма и деньги просятъ направлять въ:

Paris. Rédaction du „Libertaire" rue d'Orsel, 15.

На внутреннихъ конвертахъ необходимо дѣлать надпись:

для „Буревѣстника"